

дневник
Марины
Мнишек

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Curat D. B u l a n i n

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Tomus 9

PETROPOLIS

1995

ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК

Перевод
В. Н. КОЗЛЯКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

1995

Книга содержит дневниковые записи неизвестного поляка, приехавшего в Россию в 1606 году в свите Марины Мнишек. Первое издание «Дневника Марины Мнишек», вернее, начальной части памятника было осуществлено более полутора веков назад. В этой книге впервые предлагается полный комментированный русский перевод «Дневника».

В «Дневнике» рассказывается о многих событиях Смуты: о путешествии Марины Мнишек из Польши в Россию, о последних днях царствования Лжедмитрия I, о появлении других самозванцев, о восстании Болотникова, о борьбе с ним царя Василия Шуйского.

В приложениях помещены русские и иностранные источники — отрывки из «Следственного дела» о смерти царевича Димитрия, документы о свадьбе Лжедмитрия I и письма Марины Мнишек из России.

Ответственный редактор

Д. М. БУЛАНИН

Рецензент:

доктор исторических наук *А. Л. Хорошкевич*

«ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК» — ПАМЯТНИК СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

РОССИЯ И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» НАЧАЛА XVII ВЕКА. «Смута», начавшаяся с появления в пределах Московского государства самозванного «царевича Дмитрия Ивановича», изменила направление российской истории, сломала многие сложившиеся в Древней Руси представления и стереотипы. «Смута» породила свою мифологию. Борьба с иностранными врагами, поляками и литовцами, подданными Речи Посполитой — государства, объединявшего Королевство Польское и Великое княжество Литовское, создала один из самых стойких образов массового исторического сознания — героической защиты Отечества против иноземного нашествия. Ее олицетворением в памяти потомков стали Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский и Иван Сусанин, самые известные теперь деятели Смутного времени. Их, не задумываясь, назовет каждый, отвечая на вопрос, что он знает о Смуте в России в начале XVII века. Но эту эпоху нельзя рассматривать только как «польско-литовскую интервенцию» и борьбу с ней русских патриотов. Она сложнее такого упрощенного толкования. В Смутное время прежде всего подвергся испытанию государственный порядок, созданный при Иване Грозном, с его жестокой централизацией, ликвидацией самостоятельности огромных территорий, закрепошением целых сословий и превращением всех жителей Московского государства в царских «холопей». За всеми сложностями и хитросплетениями большой государственной политики (соседние государства, такие как Речь Посполитая и Швеция, не были сторонними наблюдателями) нельзя упускать из виду, что уже современники Смуты искали возможности справедливого общественного устройства.

Появление самозванца впервые многим позволило сделать осознанный выбор в пользу своего царя, а его обещания «жаловать» подданных давали надежду всем, от крестьянина до дворянина, на устранение прежнего, не устраивавшего их государственного порядка. Поэтому прав выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский, когда он говорил в «Курсе русской истории» о Лжедмитрии I: «Винили поляков, что они его подстроили, но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».¹ Напротив, самозванный московский «царевич» не получил в Речи Посполитой достаточной поддержки, хотя и сумел заинтересовать своей персоной некоторых польских магнатов — Вишневецких, Мнишков, а через них даже самого короля Сигизмунда III. От Лжедмитрия I в Речи Посполитой требовался недюжинный политический расчет, умение идти на компромиссы в преодолении разногласий на почве религии.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 30.

Но при этом он не стал игрушкой в чужих руках, сохранил человеческое достоинство и искренность, что и стало залогом успеха в овладении московским престолом.

Сколь свободен и уверен был в проявлении своих чувств самозванный «царевич Дмитрий Иванович», достаточно свидетельствует история его знакомства с Мариной Мнишек. Хорошо зная традиционализм московских порядков, религиозную нетерпимость к католикам, видя значительные различия в поведении, одежде, вкусах польской шляхтенки и московских боярышен, он сделал свой выбор, поставив на карту все — власть и жизнь. Рассчитывая свои шаги, он не мог не понимать, какой козырь давал в руки врагам. И все же Лжедмитрий решительно порывает с традицией, заключает с Ю. Мнишком брачный договор о женитьбе на его дочери, обещая Марине Мнишек отдать во владение Новгород и Псков, а тестю — Северские города и половину Смоленска.

Короткое царствование Дмитрия Ивановича оставило больше вопросов, чем дало ответов о направлении его государственной политики. Во взаимоотношениях России и Речи Посполитой, на первый взгляд, тогда намечалось сближение. В это время происходил интенсивный обмен посольствами. 23 августа 1605 года из Кракова в Москву отправлен послом Александр Гонсевский. В свою очередь, от Лжедмитрия I к Сигизмунду III выехал Афанасий Власьев, о миссии которого подробно рассказывается в публикуемом «Дневнике Марины Мнишек» и приложении к настоящему изданию. На аудиенции у короля Афанасий Власьев говорил о коронации Дмитрия Ивановича, союзе против турок и просил разрешения на брак его государя с Мариной Мнишек. П. Пирлинг, автор исследования «Дмитрий Самозванец», писал: «Такая миссия являлась прекрасным случаем показать себя во всем блеске и вызвать, если не симпатии, то хотя бы удивление поляков. Эта тенденция сказывалась во всей организации посольства. Московские послы окружили себя величайшей роскошью; они сыпали щедрыми подарками, выставя напоказ богатство своего государя... Изобилие этих подарков поразило присутствующих. Самые взыскательные сочли их вполне достойными истинно царской щедрости; не мудрено, что разорившиеся магнаты предались самым фантастическим мечтам».² Афанасий Власьев, получив благословение короля, исполнил роль жениха на обручении с Мариной Мнишек в Кракове.

Кульминацией сближения России и Речи Посполитой стало путешествие почти двухтысячной свиты Марины Мнишек, ее отца и их приближенных через русские земли в Москву на коронацию и последовавшее брачное торжество. В составе этой свиты был и автор «Дневника», писавший, что интерес русских к такому диковинному зрелищу казался назойливым, приготовленные для поляков жилища — непригодными. Но многое искупила в их глазах пышная встреча в Москве...

Вся первая половина мая 1606 г. прошла в непрерывных празднествах, пирах, балах. Звучала музыка, разноязыкие речи, лилось вино, яства сменялись одно другим. Очевидцы отмечают необычайную оживленность царя Дмитрия Ивановича, передевавшегося то в

² Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. М., 1912. С. 300—301.

гусарское, то в московское платье и в веселье забывшего о многом: о столкновении с польскими послами Николаем Олесницким и Александром Гонсевским, не пожелавшими именовать Дмитрия Ивановича императором (а именно этого домогался самозванец от Сигизмунда III), о глухом ропоте, как оказалось — не случайном, московской толпы, подогревавшейся боярами-заговорщиками.

На вершине могущества и счастья, 17 мая 1606 г., окончилась жизнь этого загадочного человека, скрепившего своей кровью мертвый узел противоречий, завязавшихся между Россией и Речью Посполитой. Пришло время платить по счетам, и все промахи Лжедмитрия были беспощадно использованы. Особенно же — те случаи, когда вчерашний царь пытался изменить привычный московский порядок. Едва ли не основным его преступлением было сочтено стремление разрушить православную веру, а главным аргументом обвинения — женитьба на Марине Мнишек. Четыре дня спустя после переворота в рассылавшихся во все города грамотах от имени матери царевича Дмитрия, бывшей царицы Марии Федоровны, о самозванце писали: «Был на Московском государстве, и церкви Божии осквернил, и веру христианскую хотел попрасти, взял девку из Польши латинския веры и не крестил ее, венчался с нею в соборной церкви Пречистыя Богородицы, и помазал ее миром, и венчал ее царским венцом, и учинити хотел в Российском государстве люторскую и латынскую веру, и, по своему злокозненному умыслу, всех хотел от Бога отвести».³

Марина Мнишек и ее отец случайно уцелели во время мятежа 17 мая 1606 г., хотя и их жизни угрожала реальная опасность. Правительство нового царя Василия Ивановича Шуйского взяло их под свою защиту, так как понимало, сколь нежелательны были бы последствия их гибели в Москве.

Неожиданно правительство столкнулось с непризнанием его власти в землях, ранее активно поддерживавших Лжедмитрия I. Содержание поляков в Москве провоцировало москвичей на новые грабежи. Чтобы обеспечить безопасность «интернированных» поляков, было принято решение разослать их по разным городам под присмотром специально назначенных приставов. Местом ссылки стали замосковные города Тверь, Кострома, Ростов, Ярославль.

В августе 1606 г. из Москвы отправили караван почти в 400 человек с оружием, лошадьми, сохранившимся скарбом, — увозивший из столицы неудачливую царицу Марину Мнишек и ее отца. Местом их конечной остановки был выбран Ярославль. На полтора года этот город стал их пристанищем. В это время оба правителя, Василий Шуйский и Сигизмунд III, столкнулись с серьезнейшими внутренними проблемами, с выступлениями своих подданных: в России — под знаменами Ивана Болотникова, в Речи Посполитой — под хоругвью краковского воеводы Николая Зебжидовского. Но даже занятые внутренними распрями, монархи не могли забыть о межгосударственном кризисе, во многом влиявшем на настроение московских служилых людей и польской шляхты.

³ Бутурлин Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1839. Ч. 1. Прил. 16. С. 111.

Летом 1607 г. Сигизмунд III отправил в Москву посольство С. Витовского и Я. Соколинского, чтобы решить судьбу попавших в ссылку поляков и заключить перемирие с царем Василием Шуйским. Одновременно на юге России появился новый самозванный «царь Дмитрий Иванович». В конце 1607—начале 1608 г. он собрал целое войско, в него входили бывшие сторонники Лжедмитрия I и бежавшие из Речи Посполитой участники рокоша (восстания) Николая Збжидовского. Поскольку в глазах Сигизмунда III они были изменниками и ушли в Россию вопреки его воле, в отношении этого периода нельзя говорить об открытой интервенции Речи Посполитой в русских землях.

Согласно заключенному в июле 1608 г. перемирию, все задержанные в Московском государстве поляки должны были отправиться на родину. Однако Марина Мнишек, выехавшая вместе с отцом из столицы к польским границам, была перехвачена отрядом Лжедмитрия II и доставлена в его подмосковный лагерь Тушино. Не без скандала при встрече с так называемым «мужем» и под давлением со стороны отца Марина Мнишек приняла навязанную ей роль. Появление Марины Мнишек в лагере «Тушинского Вора» (так называется самозванец в русских источниках) стало, образно говоря, козырной картой в игре Лжедмитрия II и еще более упрочило его положение. «Смута» ширилась и проникала в замосковные города, в том числе и те, которые еще недавно были местом ссылки поляков — Кострому, Ярославль, Вологду. Вчерашние пленники въезжали туда как лучшие гости. Правда, продолжалось это недолго, и уже в конце 1608—начале 1609 г. по многим присягнувшим Лжедмитрию II городам и уездам прокатилась волна восстаний из-за недовольства непомерными поборами и окровавленными грабежами. В Тушинском лагере разгоралась усобица между польскими сторонниками самозванца. На выручку царю Василию Шуйскому из Новгорода спешил молодой талантливый полководец Михаил Васильевич Скопин-Шуйский с отрядом наемников из Швеции. Но об этом событии мы уже не прочитаем в «Дневнике», т. к. его автор, как и воевода Ю. Мнишек, покинул Россию еще в январе 1609 г.

Осенью 1609 г. король Сигизмунд III, нарушив перемирие, открыл прямые военные действия против России и осадил Смоленск. По существу, это означало победу той части польско-литовской шляхты, которая требовала чуть ли не крестового похода в Россию, призывала завоевать ее, как конквистадоры Испании индейцев в Новом Свете. Именно с этого момента началась открытая интервенция поляков в Московское государство. Но Сигизмунд III вынужден был считаться и со значительной оппозицией в среде шляхты, существовавшей, как это показано в работах польского историка Яремы Мацшевского,⁴ в течение всего Смутного времени и протестовавшей против вмешательства в русские дела. Поэтому до поры король воевал под Смоленском, который в Речи Посполитой считали своей исконной территорией, и в то же время искал путей сближения с

⁴ См.: Maciszewski J. Polska a Moskwa, 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968; см. также: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978. С. 268—285.

русскими боярами и дворянами, особенно в среде сторонников Лжедмитрия II, обещая им права и вольности.

Появление еще одного претендента на русский престол в лице представителя польской династии раскололо Тушинский лагерь. В начале 1610 г. сначала Лжедмитрий II, а потом и Марина Мнишек бежали из-под Москвы в Калугу. Бывший тушинский патриарх Филарет Никитич Романов, отец будущего царя Михаила Федоровича, а также боярин М. Г. Салтыков и другие, чтобы способствовать сближению России и Речи Посполитой, в феврале 1610 г. заключили договор о призвании на русский престол королевича Владислава. Это означало продолжение политической линии «царя Дмитрия Ивановича», но уже без самозванца с его непомерными претензиями на императорский титул (или тех, кто пытался возобновить сыгранную Лжедмитрием роль). Поражения, нанесенные русскому войску польским гетманом С. Жолкевским, заставили бояр сделать выбор в пользу королевича Владислава. В июле 1610 г. царь Василий Шуйский был насильно пострижен в монахи, а противоборствующие политические группировки в России объединились в своем решении передать престол сыну короля Сигизмунда III.

В работах большинства советских историков это соглашение трактовалось как «акт национальной измены».⁵ Но призвание иностранного монарха на престол вполне укладывалось в представления людей того времени о царской власти. Никому не приходило в голову обвинить «в измене» национального героя Дмитрия Пожарского, некоторое время спустя пославшего посольство в Новгород для переговоров о призвании в 1612 г. на русский престол шведского королевича. Да и подавляющее большинство тех, кого мы увидим в ополчениях против польско-литовских войск, присягнули Владиславу во второй половине 1610 г. Единственным препятствием мог быть вопрос оговаривалась необходимость принятия им православия.

Для Марины Мнишек все это означало крах ее честолюбивых замыслов. 15 января 1610 г. Марина, гордо именовавшая себя «императрицей», еще питала какие-то надежды на помощь короля Сигизмунда III в возвращении ей русского престола и обращалась к своему бывшему монарху со следующими словами: «Всего лишила меня превратная фортуна, одно лишь законное право на московский престол осталось при мне, крепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех государственных московских чинов. Теперь я все это представляю на милостивое и внимательное рассмотрение вашего королевского величества. Я убеждена, что ваше королевское величество после мудрого обсуждения обратите на это внимание и по природной доброте своей примете меня, а семью мою, которая в значительной мере способствовала этому своей кровью, храбростью и средствами, щедро вознаградите. Это будет служить несомненным залогом овладения Московским государством...».⁶ Однако спустя несколько месяцев, в

⁵ Например, акад. Л. В. Черепнин писал: «Признание царем Владислава явилось актом антинациональной политики московских правителей» (Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 168).

⁶ Цит. по: Гиришберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 180—181.

ситуации, когда польский король находился под Смоленском, а под Москвою стоял с войском гетман С. Жолкевский, Боярская дума предпочла королевича Владислава самозваному Лжедмитрию II и его супруге. Самозванца к этому времени поддерживали лишь «вольные казаки», в которых служило немало бывших холопов, крестьян и посадских людей, да немногие приближенные дворяне. Боярское правительство, заключая договор, рассуждало так: лучше «государичю (Владиславу) служить, нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучитися».

Обретенное Московским государством равновесие политических сил было зыбким. Добавляло напряженности размещение в Москве польского гарнизона во главе с Александром Гонсевским, контролировавшим все действия управлявших страной бояр — так называемой «Семибоярщины». Вскоре выяснилось явное нежелание Сигизмунда III отпустить юного сына в опасное путешествие в Москву, что дало основание подозревать самого короля в претензиях на русский престол.

Неожиданно из Калуги пришли вести о гибели в декабре 1610 г. Лжедмитрия II от рук его бывших сторонников — татар, отмстивших за убийство касимовского царя. Через несколько дней Марина Мнишек родила сына, названного Иваном, получившего у русских людей стойкое прозвище «воренка». Так стремительно развивались события.

В московских землях началось брожение — не все были довольны выбором Владислава, многие смирялись по принуждению. Да и сами бояре оправдывались потом, что они «живы не были» в столице. В начале 1611 г. составилось ополчение под руководством П. П. Ляпунова, Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого. Оно, в основном, объединило две политические силы: бывших сторонников царя Василия Шуйского и ту часть тушинцев, которые до конца оставались с Лжедмитрием II. Но этот союз, включавший разные социальные силы, оказался неустойчивым, и, в результате возникших в ополчении противоречий между дворянами и казаками, главный воевода Прокопий Ляпунов был убит в казачьем кругу в июле 1611 г. С этого времени главенствующее положение в ополчении перешло к предводителю казачьих таборов Ивану Мартыновичу Заруцкому, делившему власть с другим тушинским боярином — Трубецким.

С Заруцким же связаны и последние годы жизни в России Марины Мнишек.⁷ Еще год после гибели П. Ляпунова И. М. Заруцкий безуспешно осаждал Москву, но при приближении к ней нового ополчения К. Минина и Д. М. Пожарского бежал из-под столицы. Его путь лежал в рязанские земли, где ему присягнули на верность. Взяв с собою Марину Мнишек и ее сына, Заруцкий попытался оживить идею самозванчества, традиционную для казаков на протяжении всей Смуты. Уже была освобождена Москва, избран в феврале 1613 г. новый царь Михаил Федорович Романов, а Заруцкий, несмотря на поражение от правительственных войск, сумел укрепиться осенью 1613 г. в Астрахани и продержаться в ней с казаками целую зиму. Драма,

⁷ Многие новые факты о казачьем движении И. М. Заруцкого и последних годах жизни Марины Мнишек в России были открыты А. Л. Станиславским. См.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII века. М., 1990.

начавшаяся в 1604 г. с появлением самозванного царевича Дмитрия в России, завершилась десять лет спустя на Яике, куда бежали, теснимые правительственными войсками воеводы И. Н. Одоевского, Иван Заруцкий, Марина Мнишек и ее сын — «царевич» Иван Дмитриевич. Выданные своими бывшими сторонниками, они были привезены в Москву, где их ожидала ужасная казнь. Заруцкий был посажен на кол, а ребенок повешен. Марина Мнишек вскоре умерла в заточении. Отвергая закономерные подозрения в насильственной смерти жены самозванца, московский посол Ф. Г. Желябужский говорил в начале 1615 г. в Речи Посполитой: «А Маринка на Москве от болезни и с тоски по своей воле умерла; а государю было и боярам для обличенья ваших неправд надобна она жива. И ныне... воровская смута вся поминалась».⁸

Такова история Лжедмитрия I и Марины Мнишек, на долгое время предопределившая полосу взаимных столкновений, претензий и даже войн двух государств — России и Речи Посполитой. Вопреки словам московского посла, Смута еще продолжалась несколько лет, но время для возможного сближения двух государств и их унии было безвозвратно потеряно. Не более, чем анахронизмом оказался поход польского королевича Владислава в сентябре 1618 г. с целью «вернуть» себе русский престол. Деулинское перемирие, заключенное 11 декабря 1618 г. между Россией и Речью Посполитой, несмотря на тяжелые последствия для Московского государства — потерю Смоленска и Северских городов, — стало поворотным моментом в истории страны. Московские люди, пройдя через испытания, ошибки и прозрения Смутного времени, сделали свой выбор в пользу исконного государственного порядка.⁹ Один из самых авторитетных историков Смуты Сергей Федорович Платонов в книге «Москва и Запад в XVI—XVII веках» оставил глубокое и еще не достаточно оцененное наблюдение: «Московский народ вышел из Смуты материально разоренным и духовно потрясенным... Падение старых общественных устоев, вторжение массы иностранцев в московскую жизнь, междоусобия и связанные с ними „измены“ — расшатали старое мировоззрение, поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть богоизбранный народ, „новый Израиль“, и открыли дорогу сторонним влияниям на русские умы. Казалось необходимым вернуть общественное сознание на старые пути древнего благочестия и национальной исключительности. Во всех своих мероприятиях новая московская власть стремилась к тому, чтобы вернуться к старому порядку, „как при прежних великих государях бывало“. Она пока не чувствовала, что Смута уже навсегда опрокинула этот старый порядок и что грядущая жизнь должна строиться заново, на сочетании старых основ с новыми элементами».¹⁰

⁸ Сборник Русского исторического общества. М., 1913. Т. 142. С. 528.

⁹ Об этом хорошо сказано в последней работе В. Б. Кобрин. См.: Кобрин В. Б. Смута // Родина. 1991. № 3. С. 67—73.

¹⁰ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 56.

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННОКЪ
О
ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦѢ.

Часть IV.

Дневникъ Марины Мнишекъ
и
Пословъ Польскихъ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1 8 3 4.

Титульный лист первого издания «Дневника Марины Мнишек». 1834 г.

«ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК», ЕГО ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ. Сохранилось немало свидетельств о Смутном времени, оставленных современниками. Среди авторов повестей и сказаний о Смуте — келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, князя Семен Шаховской и Иван Хворостинин, дьяк Иван Тимофеев и безымянные составители летописей и хронографов. Интереснейшим и малоисследованным комплексом источников являются записки и дневники поляков, участвовавших в походах в Московское государство, — С. Борши, С. Немоевского, Я. П. Сапеги, С. Маскевича, С. Жолкевского и других, в которых выражен взгляд на Россию и русских того времени «со стороны». Эти авторы — представители иной европейской культуры с иным образом мышления, религией, вкусами, привычками. К сожалению, их описания в большинстве своем не лишены снобизма, московские жители в них показаны варварами, не знающими лучшей формы правления и вольностей Речи Посполитой. Но любой взгляд участников исторических событий по своему интересен.

В настоящем издании публикуется один из памятников этого рода — «Дневник Марины Мнишек», рассказывающий о жене самозванца. «Дневник Марины Мнишек» известен в науке уже более полутора веков. Впервые он был издан в 1834 г. в знаменитой серии «Сказания современников о Димитрии Самозванце», составленной Н. Г. Устряловым.¹¹ «Дневник» представляет собой записки поляка, находившегося в свите Марины Мнишек, о событиях 1604—1609 гг. Следовательно, название «Дневник Марины Мнишек» — условно, оно утвердилось после публикации записок в 1834 г. Однако оно имеет долгую традицию употребления в исторических работах о Смутном времени, поэтому в настоящем издании название сохранено.

«Дневник» содержит известия о свадьбе Марины Мнишек и Лжедмитрия I, московском восстании 17 мая 1606 г. и последовавших за ним событиях, в том числе о пребывании в ссылке в Ярославле в 1606—1608 гг. воеводы Ю. Мнишка с дочерью и отъезде ссыльных поляков в Речь Посполитую. Несмотря на занимательность затронутых в тексте этого памятника сюжетов, он почти не изучен. Достаточно сказать, что до сих пор нет ни одной полноты публикации его текста на русском языке, остается открытым и вопрос об авторе произведения.

Н. Г. Устрялов положил в основу своего издания неполную рукопись «Дневника», считая, что его известия идут только до конца 1607 г. По его словам, текст был заимствован «из манускриптов ученого Альбертранди».¹² Ян Альбертранди (1731—1808) занимался историческими трудами и, главным образом, сбором источников по истории Польши.¹³ Сделанные им в конце XVIII в. по повелению польского короля Станислава Августа копии документов Ватиканской библиотеки, «имеющих отношение к истории России и

¹¹ Дневник Марины Мнишек и Послов Польских // Устрялов Н. Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. 4. С. 1—109.

¹² Там же. С. 11.

¹³ См. о нем: Яковенко С. Г. Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (вторая половина XVI в.). Изучение и публикация источников // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 80.

Польши», были подарены русскому послу в Варшаве, а сын посла, в свою очередь, подарил их А. И. Тургеневу. Так эти материалы стали известны в России Н. М. Карамзину и Н. Г. Устрялову.¹⁴

В свою очередь, А. И. Тургенев по копии, снятой Я. Альберт-ранди и имевшейся в его распоряжении, издал польский текст «Дневника Марины Мнишек» под названием «Описание польских дел в Москве при Дмитрии, от одного из там бывших».¹⁵ Так в научный оборот была введена достаточно поздняя копия «Дневника», восходящая к рукописи Ватиканской библиотеки.

Краткое описание «Дневника Марины Мнишек» было помещено Ф. Аделунгом в обзоре известий иностранцев о России. Вероятно, ориентируясь на польскую историографию, он впервые указал имя автора «Дневника», который, по его мнению, «написан не этою, столь замечательною своей судьбою женщиной, но одним из поляков, прибывших в Москву с нею, именно Диаментовским». Ф. Аделунгу был известен список этого сочинения, использовавшийся Н. Г. Устряловым и А. И. Тургеневым. Верно указав, что текст «Дневника» распадается на два отдела, хронологической гранью которых является смерть самозванца, составитель обзора вынес слишком суровый приговор: «Вообще все сочинение представляет гораздо меньше новых данных и событий, нежели сколько можно было бы ожидать, принимая в соображение положение сочинителя».¹⁶

Казалось бы, такую оценку подтверждает и то, что В. О. Ключевский, автор единственной в своем роде в XIX в. специальной монографии «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866), вовсе не упоминает рассматриваемых записок. Однако Д. П. Бутурлин, Н. И. Костомаров и С. Ф. Платонов, изучавшие историю Смутного времени, принимали во внимание этот источник и неоднократно (особенно Д. П. Бутурлин) использовали его известия в своих работах.

Заслуга введения в научный оборот полного текста памятника на языке оригинала принадлежит профессору Львовского университета Александру Гиршбергу (1847—1907) — автору монографических работ о Дмитрии Самозванце и Марине Мнишек. В составленном историком сборнике под названием «Польша и Московия в первой половине XVII века» текст «Дневника» не обрывался 1607 годом, как в предшествующих публикациях, а продолжался до января 1609 г. А. Гиршберг приписал авторство дневниковых записей Вацлаву Диаментовскому. Исследователь, проделав большую текстологическую работу, выявил наиболее полную рукопись произведения — № 1654 из библиотеки кн. Чарторыйских в Кракове. В конце этой копии сделана приписка, позволившая А. Гиршбергу решить для себя вопрос о том, кто же был автором «Дневника»: «Переписывал Войцех Добецкий, хенцинский хорунжий, в мае 1774 года в Вар-

¹⁴ См.: Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 2. С. 47.

¹⁵ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 155—196.

¹⁶ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение... С. 126.

Андрей Титовъ.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ

(1607—1609 г.)

По рукописи Краковского Музея

Князя Чарторыйскаго № 1633.

Съ предисловіемъ А. А. Титова.

Москва. 1908 г.

Титульный лист «Дневника Марины Мнишекъ»
в издании А. Титова.

шаве в иезуитском пансионе со старой оригинальной рукописи, писанной Диаментовским, который присутствовал при той революции». ¹⁷ Кроме полного текста, исследователю удалось выявить в польских архивохранилищах еще два достаточно больших фрагмента в ранних рукописях, одна из которых относится к первой половине XVII века и сохранила, по замечанию А. Гиршберга, «особенности современного языка». ¹⁸

А. Гиршберг выявил также редакцию «Дневника», приписывавшуюся другому современнику и участнику событий в России начала XVII века — коронному подстолию Станиславу Немоевскому. В заголовках всех рукописей этой редакции «Дневника Марины Мнишек» содержится указание на авторство Немоевского, а в тексте ее проведена редакторская правка с целью изменить все выражения, которые могли бы вызвать сомнения, что записки созданы этим лицом. Проведенное А. Гиршбергом сравнение показало, что по своему составу эта реакция близка к копии, которой пользовались Н. Г. Устрялов и А. И. Тургенев. ¹⁹

Еще одна публикация «Дневника» — вторая на русском языке — была осуществлена в 1907 году А. А. Титовым по рукописи № 1633 из библиотеки кн. Чарторийских в Кракове. ²⁰ Как выясняется из хранящейся в Ярославском архиве переписки ростовского купца-историка, собирателя рукописей А. А. Титова с профессором Новороссийского университета А. А. Кочубинским, ими была задумана, по образцу устряловской, публикация сказаний современников по истории первого и второго Лжедмитриев, куда должны были войти «Записки» Станислава Немоевского, «Дневник Марины Мнишек» и «Дневник» Яна Петра Сапег. ²¹ Однако из-за смерти переводчика в 1907 г. полностью исполнить этот план не удалось. Имя А. А. Кочубинского как автора перевода в издании А. А. Титова указано не было.

Краковская рукопись, положенная в основу публикации, в первой своей части почти дословно повторяла текст, известный по русскому переводу Н. Г. Устрялова, поэтому А. А. Титов опубликовал лишь не изданное до тех пор на русском языке продолжение «Дневника» за декабрь 1607—январь 1609 гг. По замечанию А. А. Титова (оно основано на сведениях хранителя библиотеки кн. Чарторийских Луки Голембовского, переписывавшего в 1817 г. рукопись, с которой и делался перевод), автором «Дневника» был Авраам Рожнятовский. ²²

¹⁷ Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 5. Фрагмент «Дневника» за 9 декабря 1607 г.—21 октября 1608 г. был опубликован еще раньше в приложении к статье И. Шуйского: *Marina Mniszchówna i obaj samowładcy* // *Dzieła Józefa Szujskiego*. Ser. II, t. 5. *Opowiadania i Roztrząsania*. W Krakowie, 1885. T. 1. S. 274—296.

¹⁸ Hirschberg A. Polska a Moskwa... S. 6. Это были рукописи вроцлавской библиотеки Оссолинских № 196 и № 2414.

¹⁹ Ibid. S. 8.

²⁰ Титов А. Дневник Марины Мнишек (1607—1609 г.). По рукописи Краковского музея кн. Чарторийского № 1633 / С предисл. А. А. Титова. М., 1908.

²¹ См.: Государственный архив Ярославской области, фонд А. А. Титова (переписка с А. А. Кочубинским). В переводе А. А. Кочубинского были изданы «Записки» Станислава Немоевского. См.: Записки Станислава Немоевского. 1606—1608 // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. С. 12.

²² Титов А. Дневник Марины Мнишек... С. 11.

Даты рождения и смерти А. Рожнятовского, неизвестны, он происходил из шляхетского рода, в 1595 г. учился в Виленской академии. В более позднее время он известен как дворянин и предводитель хоругви сandomирского воеводы Юрия Мнишка. В этом качестве Рожнятовский участвовал в походе первого самозванца, а далее разделил судьбу своего патрона и находился в ссылке в Ярославле и Вологде. По возвращении из России Рожнятовский опубликовал ряд литературных произведений.²³

В работах наших историков, в которых упоминается «Дневник Марины Мнишек», встречаются разногласия по вопросу о его авторе. Чаще всего к этому источнику обращались историки восстания И. Болотникова, особенно И. И. Смирнов, использовавший издание А. Гиршберга.²⁴ Под редакцией И. И. Смирнова в 1959 г. единственный раз в советское время были опубликованы фрагменты «Дневника», подготовленные к печати историками А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым, с указанием на авторство Вацлава Диаментовского.²⁵ Это издание носило учебный характер, поэтому в нем были переведены и откомментированы лишь те сведения, которые имели отношение к теме сборника — «Восстание И. Болотникова», другие же известия, касающиеся пребывания в ссылке в Ярославле Марины Мнишек и ее отца, были опущены без всяких оговорок. К мнению об авторстве А. Рожнятовского предложил вернуться Н. П. Долинин. Ученый раскрыл сложную историю текста «Дневника», сравнил имеющиеся русские переводы с изданием А. Гиршберга, указал на их неточности и лакуны.²⁶ Теперь, как следует из авторитетного указателя дневников и воспоминаний современников о России, изданного под редакцией П. А. Зайончковского,²⁷ и из последних работ Р. Г. Скрынникова по истории восстания И. Болотникова,²⁸ автором «Дневника Марины Мнишек» принято считать А. Рожнятовского.

Таким образом, для изданий и переводов «Дневника Марины Мнишек» использовались копия рукописи из Ватиканской библиотеки, сделанная Я. Альбертранди, и две рукописи краковского музея кн. Чарторыйских (№ 1633 и 1654), переписанные в конце XVIII—начале XIX в. Из них наиболее полной является рукопись № 1654, положенная в основу польского издания А. Гиршберга. Но другая редакция «Дневника», представленная списками Альбертранди и Л. Голембовского и известная в русских переводах, сохраняет свое значение.

²³ Bibliografia literatury polskiej: «Nowy Korbut». 1965. Т. 3. S. 184—186.

²⁴ Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951. С. 30—31 и сл.; Овчинников Р. В. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. в России // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 76.

²⁵ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы / Сост. А. И. Копанев и А. Г. Маньков. М., 1959. С. 165—175.

²⁶ Долинин Н. П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 465—471.

²⁷ История дореволюционной России. Аннотированный указатель дневников и воспоминаний / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1976. Т. 1.

²⁸ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 245.

В настоящем издании перевод основан на копии краковской рукописи № 1633, снятой по заказу А. А. Титова и хранящейся в Ростово-Ярославском музее-заповеднике.²⁹ Текст переводов изданий Н. Г. Устрялова и А. А. Титова был заново сверен с этой рукописью.³⁰ Одновременно титовская рукопись была сопоставлена с публикацией А. Гиршберга и выявлены фрагменты «Дневника», никогда не появлявшиеся в русском переводе. Фрагменты, впервые переведенные для настоящего издания, набраны курсивом.

Обратимся к изучению структуры «Дневника» и его значимости для исторических исследований. В используемой рукописи «Дневника» отсутствует общий заголовок, в других рукописях встречаются разные названия. Перед всем текстом помещено сочинение общего характера «О Дмитрие Ивановиче», излагающее предысторию появления царевича Дмитрия в Речи Посполитой и описывающее завоевание им русского престола. Первая книга, заголовок которой в используемой рукописи отсутствует, начинается с известий за ноябрь 1605 г., четырнадцатый раздел в ней приходится на декабрь 1606 г. Вторая, третья и четвертая книги начинаются каждая с нового года, и далее изложение идет по разделам, нумерация их совпадает с номером месяца, именем которого эти разделы и называются.

По сравнению с опубликованным А. Гиршбергом текстом титовская рукопись имеет следующие лакуны (кроме пропуска отдельных слов и выражений): 1) ответы Ю. Мнишка на вопросы думных бояр в июне 1606 г.; 2) известия за 21 сентября 1606—21 марта 1607 гг.; 3) известия за 23 августа 1607 г.—25 октября 1607 г.; 4) известия за 16—26 февраля 1608 г.³¹

При изучении известий «Дневника» необходимо помнить, что в публикуемом источнике условно можно выделить две части. Первая — до событий 17 мая 1606 г. и последовавшей затем высылки задержанных в Москве поляков по разным городам, а вторая — со времени начала ссылки в Ярославле Ю. Мнишка, его дочери и их свиты. Первая часть напоминает своеобразный отчет о событиях, вероятно, записанный в более позднее время или, по крайней мере, подвергшийся редактированию. О личности автора и о том, что с ним происходило, «Дневник» почти не дает сведений. Иногда автор проговаривается о себе, и всякий раз мы видим, что эти записи сделаны человеком, хорошо знающим последующий ход событий. В известии за 22 апреля 1606 г. читаем, что во время остановки свадебного поезда Марины Мнишек в Смоленске, по словам автора «Дневника», его слуга «запалил... несколько фунтов пороха, которым себе выжег глаза и лицо». А далее в «Дневнике» следует интересное суждение: «И то-то, видно, и было первое худое предзнаменование дальнейших наших неудач, — замечает автор, — как и того несчастного человека,

²⁹ Ростово-Ярославский музей-заповедник. Коллекция рукописей. Р-653. 415 л. Польск. яз. Л. 106—182 утрачены. Недостающий в титовской копии текст был восстановлен по микрофильму краковской рукописи № 1633, любезно присланному нам профессором Варшавского университета Г. К. Люлевицем. Выражаем ему искреннюю благодарность за присылку микрофильма, а также ценные консультации при подготовке русского перевода «Дневника».

³⁰ Составитель благодарен рецензенту книги А. Л. Хорошкевич, просмотревшей рукопись и сделавшей немало ценных замечаний.

³¹ Hirschberg A. Polska a Moskwa.... S. 7—8.

ибо он потом в Москве умер, а нас все-таки Господь Бог спас по милости своей».

Регулярный и точно датированный характер записи приобретают лишь с рассказа о приезде в Краков 9 ноября 1605 г. царского посла Афанасия Власьева. Здесь основное внимание автора «Дневника» занимает перечень подарков (по сути, их делопроизводственный реестр), привезенных от «царя Дмитрия Ивановича» его невесте Марине Мнишек и ее семье. В этом разделе скрупулезно, с большой степенью точности фиксируется приезд царских гонцов, торопивших воеводу Ю. Мнишка с отъездом в Москву. Записи здесь коротки и создают впечатление не цельного текста, а, скорее, компиляции из отдельных заметок, сделанных «по горячим следам», и каких-то документов, находившихся в распоряжении автора. Таковы, например, «Последовательность пути в Москву» и «Список свиты, поезда, который переехал границу», тщательно фиксировавшие все населенные пункты, где останавливался свадебный поезд, и точно указывавшие имена и чины людей в свите, число их слуг и количество лошадей.

Подробно описаны в «Дневнике» все майские события 1606 г., начиная с въезда в Москву воеводы Ю. Мнишка, в свите которого находился в то время автор. Он сообщает любопытные бытовые подробности, поразившие его: о диковинном мосте без опор, о гусарской одежде встречавшего поляков П. Ф. Басманова, о затейливых пирогах и других кушаньях, присланных приехавшим в знак царского расположения. Только очевидец мог записать свои гастрономические ощущения: «Потом оказалось, что все было невкусно, ибо несолено».

Автор «Дневника» присутствовал на церемонии первого приема воеводы Ю. Мнишка «царем Дмитрием Ивановичем», описал царский трон, порядок приема, причем обмолвился о реакции царя на обращенную к нему речь Мнишка, записав, что Дмитрий Иванович «плакал, как бобр» (до настоящего времени сохранившийся польский эквивалент русского выражения «лить слезы в три ручья»). Записал автор «Дневника» и то, что он был допущен в числе других слуг Мнишка к царской руке. С упоминания об этом приеме (где нашлось также место для описания царского пира и прибытия во время него лапландцев с данью) начинаются обстоятельно записанные известия «Дневника», сделанные, вероятно, сразу же после событий. В этой части «Дневника» приводятся дословно речи послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского и описано их знаменитое столкновение с Лжедмитрием по поводу императорского титула. Текст их совпадает полностью с известиями другого источника — «Дневника польских послов» 1606—1608 гг., автором которого, как предполагают, был А. Гонсевский.³² Каким образом и когда в «Дневник Марины Мнишек» попали речи польских послов, установить трудно, но это еще раз подтверждает предположение о последующем редактировании первой части рукописи.³³

³² Дневник Марины Мнишек и Послов польских. С. 32—42, 128—139. Об авторстве «Дневника польских послов» см.: Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение... С. 123.

³³ Условно выделенная нами первая часть «Дневника» была также использована для составления компиляции, приписываемой Мартину Стадницкому. См.: История

Со многими достоверными подробностями описан в «Дневнике» трагический день 17 (27 по новому стилю) мая 1606 г., когда в ходе восстания в Москве погибло не менее 500 поляков, в том числе вполне мирные священники, музыканты, слуги, а также немало москвичей, принявших участие в нападении на дворы, где был расквартирован Ю. Мнишек и его приближенные. Автор «Дневника» как будто успевает побывать во всех горячих точках столичного города, описывая разбой московских жителей и оборону поляков в разных местах. Однако известно, что сам он в этот день находился с воеводою Ю. Мнишком («тогда немного нас было во дворе») и не смог бы описать без расспроса очевидцев бои на Никитской улице, где находилась Марина Мнишек, во дворах Вишневецкого, Тарло, ксендза Помасского и многих других. Он торопился записать имена известных ему убитых поляков, подробности о гибели и глумлении над телами Лжедмитрия I и П. Ф. Басманова, создавая, таким образом, рассказ о событиях того памятного дня, отнюдь не похожий на впечатление случайного очевидца.

Начиная с заголовка «Новый Царь» в тексте «Дневника» записаны события, происходившие во время царствования Василия Шуйского, который упоминается как «этот царь теперешний». Стиль записей меняется, они становятся короче и в них отражено все сколько-нибудь значительное, происходившее с автором, что только можно было доверить бумаге. В этой части «Дневника» содержатся известия о нескольких месяцах, проведенных воеводой Ю. Мнишком с дочерью в Москве до конца августа 1606 г., когда они были отправлены в ссылку в Ярославль, о внутренней истории польской колонии, жившей там под присмотром до лета 1608 г., о переезде оставшихся поляков в Вологду, после того как Марину Мнишек и ее отца проводили в Москву, о положении в Тушинском лагере под Москвой.

Изменившийся образ жизни автора «Дневника» повлиял на то, что он стал записывать приходившие слухи и известия, сознавая иногда их недостоверный характер. В текст источника заносилось описание происшествий и происходивших разговоров, то есть сама повседневная жизнь. Для современника эти записи не могли иметь большого значения, но со временем они превратились в уникальный источник, так как ни по каким другим делопроизводственным материалам не восстановить того, что знал автор. Всего один пример. Внимание историков давно привлекает известие «Дневника», как через Ярославль провозили плененного Ивана Болотникова, вождя восстания против царя Василия Шуйского. Поскольку везли его в Каргополь, можно было предположить, что дорога эта проходила через Ярославль. Но никакая фантазия не помогла бы исследователю восстановить фразу, брошенную Болотниковым в ответ на придирки встретивших его ярославских служилых людей, которым показалось, что «разбойника» везут слишком вольно: «Я вас самих скоро буду заковывать и в медвежьи шкуры обшивать».

Особенностью «Дневника» является включение в его текст полностью или в изложении по «пунктам» некоторых писем, приходивших

Димитрия, царя Московского и Марины Мнишек...// Гусский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 129—174. См. также: Kętrzyński W. *Diariusze Wacława Dyamentowskiego i Marcina Stądnickiego o wyprawie cara Dymitra* // *Przegląd Historyczny*. 1908. Т. 7. N 3. С. 272—274.

к воеводе Ю. Мнишку, например, от монаха-августинца Николая де Мелло, находившегося в ссылке в Ростовском Борисоглебском монастыре, и пана Коморовского. В «Дневник» включены также письма самого воеводы Ю. Мнишка (после его отъезда из Ярославля) и польских послов из Москвы в Ярославль с известием о заключенном перемирии и отправке всех ссыльных из России в Польшу. Текст последнего письма сохранился в дипломатической переписке³⁴ и дословно совпадает с переданным в «Дневнике». Это позволяет с доверием относиться к другим приведенным в тексте «Дневника» документам из архива воеводы Ю. Мнишка и, более того, предположить, что автор памятника имел какое-то отношение к ведению воеводского архива. Иначе трудно объяснить, каким образом попадали к нему письма, адресованные Ю. Мнишку, и почему при всеобщей нужде, о которой не раз свидетельствует автор «Дневника», из всех поляков в Ярославле лишь у него, кроме стремления записать происходившее, нашлись бумага и чернила, бывшие в глазах приставов «заповедным» товаром.

Вторая часть «Дневника» содержит достаточно много деталей для восстановления облика его автора. Он часто употребляет латинские и, на что обратила внимание А. Л. Хорошкевич, немецкие выражения, слова, обороты речи. Это свидетельствует о его знакомстве с языком или о том, что он жил среди немцев. Несомненно, это ревностный католик, упоминающий в «Дневнике» о всех значимых католических праздниках, глубоко скорбящий о потере в Ярославле духовного отца Бенедикта Анзерина. Текст «Дневника» позволяет проследить смену отношения его автора к русским, «москве»: в то время, когда судьба была более благосклонна к нему, записки носят относительно беспристрастный тон, автор проявляет искреннее любопытство к обычаям страны, ее древностям. Однако в основном мы видим резкое неприятие «москвы», основанное как на религиозных разногласиях, так и на другом видении мира и общественного устройства. В «Дневнике» подчеркиваются варварские обычаи и варварское поведение людей в России. Досталось и мужикам — автор «Дневника» два раза упоминает свою любимую поговорку о том, что «мужику присягнуть, что ягоду проглотить», досталось и московским панам, его собратям по благородному сословию, за отсутствие у них европейского лоска. Так, описывая пир у ярославского воеводы князя Федора Барятинского, служившего тушинцам, гость снисходительно замечает: «Было смешно глядеть, как сам князь ел без тарелки и клал кости на скатерть». И как приговор всему образу правления в России звучит следующая сентенция автора «Дневника»: «Ибо и всегда там больше мир может, нежели сенат, а особенно когда случаются избиение царя или бунты».³⁵

В. Н. Козляков

³⁴ Сборник Русского исторического общества. М., 1907. Т. 137. С. 725.

³⁵ Когда книга была готова, удалось установить имя переводчика «Дневника» в публикации А. А. Титова. «Дневник» перевела Ядвига Яворская. См.: Государственный архив Ярославской области, фонд А. А. Титова. Оп. I. Д. 2070.

**ДНЕВНИК
МАРИНЫ МНИШЕК**

О ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ ¹

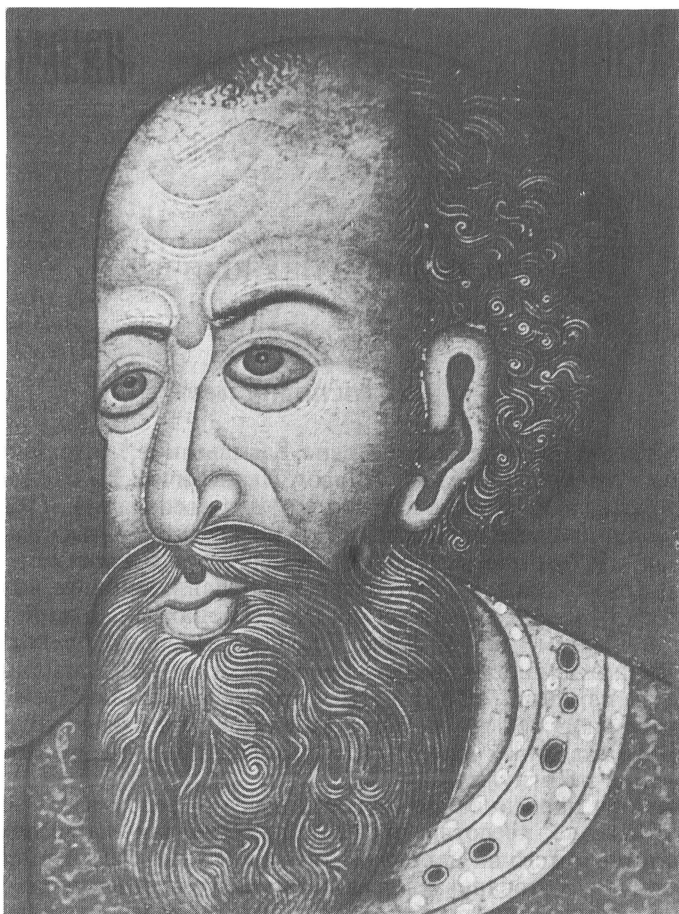
Раздел 1

ЛЕТА ГОСПОДНЯ 1604

Он сперва по отце своем Иване Васильевиче,² оставшись ребенком, был отправлен братом Федором Ивановичем,³ в то время царем московским, в Угличское княжество ⁴ для воспитания. Там при нем были тогда знатные воины из панов московских, а также и знатные женщины. А сам царь Федор, сидя на престоле московском, жил спокойно, а также мало чем в государстве правил, но более по монастырям ходил, находя радость в беседах с монахами. Был у него в то время конюшим ⁵ некий Борис Годунов.⁶ Он, видя плохое здоровье царя, а также малолетство его брата, захотел сам стать царем и задумал им изменить, ибо сам в то время всем правил. Прежде всего в Угличском княжестве (которое далеко от столичного города было) нашел он надежных изменников, которые это дитя, то есть настоящего царя, посягнули убить.

Был при царевице там же некий доктор, родом влах.⁷ Он, узнав об этой измене, предотвратил ее немедленно таким образом. Нашел ребенка, похожего на царевицу, взял его в покои и велел ему всегда с царевицей разговаривать и даже спать в одной постели. Когда тот ребенок засыпал, доктор, не говоря никому, перекладывал царевицу на другую кровать. И так он все это с ними долгое время проделывал. В результате, когда изменники вознамерились исполнить свой замысел и ворвались в покои, найдя там царевицу спальню, они удушили другого ребенка, находившегося в постели, и тело унесли. После чего распространилось известие об убийстве царевицы, и начался большой мятеж. Как только об этом стало известно, сразу послали за изменниками в погоню, несколько десятков их убили и тело отняли.⁸

Тем временем тот влах, видя, как нерадив был в своих делах Федор, старший брат, и то, что всю землю владел он, конюший Борис, решил, что хоть не теперь, однако когда-нибудь это дитя ожидает смерть от руки предателя. Взял он его тайно и уехал с ним к самому Ледовитому морю и там его скрывал, выдавая за обыкновенного ребенка, не объявляя ему ничего до своей смерти. Потом перед смертью советовал ребенку, чтобы тот не открывался никому, пока не достигнет совершеннолетия, и чтобы стал чернецом. Что по совету его царевиц исполнил и жил в монастырях.

Портрет царя Ивана Грозного. Парсуна. Последняя четверть XVI в.

Борис же конюший изобразил дело перед царем Федором так, что Дмитрий сам себя лишил жизни, будучи больным падучей, а слуг Дмитрия, которые при нем были, скрывая след своей измены, приказал лишить жизни. А когда царь Федор приказал привезти тело, желая похоронить Дмитрия с почестями, Борис отговорил его от этого намерения, сказав, будто бы то княжество заражено моровым поветрием,⁹ и так там его и погребли. Потом сразу и самого Федора Борис отравил,¹⁰ а сам столицей и государством завладел.

Когда царевич Дмитрий, остававшийся в монастыре чернецом, достиг зрелости, он вышел оттуда и пошел в другой монастырь, уже ближе к столичному городу, потом и в третий, и в другие, все приближаясь непосредственно к столице, а там и у самого Бориса в комнатах бывал и на Патриаршем дворе,¹¹ никем не узнанный.

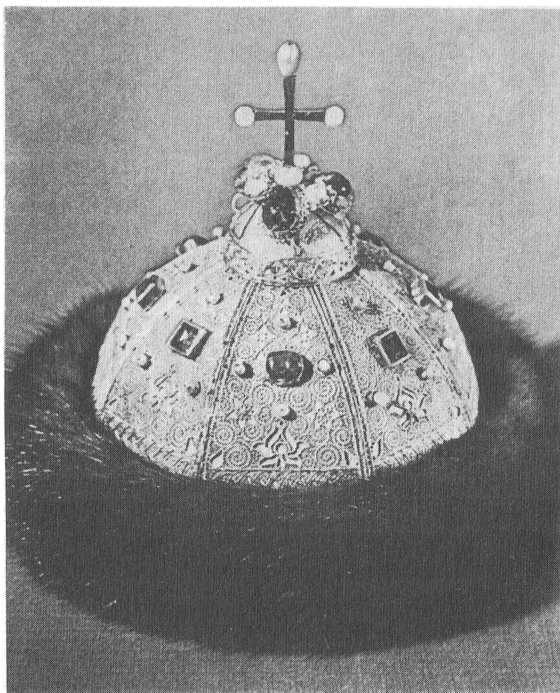
Но трудно было, не подвергая угрозе свою жизнь, открыться кому-нибудь, и Дмитрий отправился в Польшу.¹² Там он жил у сыновей

Портрет царя Федора Ивановича. Акварель из «Титулярника». 1672 г.

одного шляхтича Гойского¹³ и учил детей. Потом от него пошел в Бражню, местечко князя Адама Вишневецкого.¹⁴ И тут сначала игумену (так называют старшего над чернецами) открылся, а игумен князю Адаму о нем рассказал. А князь, вызвав Дмитрия к себе, повсюду у него допытывался, действительно ли он наследник московского престола. Убедившись в том, что это правда, князь снял с него монашеские одежды, передел его в польское платье и отвез к князю Константину Вишневецкому,¹⁵ зятю воеводы сандомирского.¹⁶ Князь же Константин привез его к пану воеводе, а пан воевода к королю его милости¹⁷ в Краков. Возвратившись с ним назад, воевода составил экспедицию и повел Дмитрия на Москву с несколькими тысячами войска.

Сперва, когда наши на границе подошли к первой московской крепости, называвшейся Моравск, тамошняя чернь, связав воевод, отдала царевичу и крепость, и слободы.¹⁸ А оттуда пошли к другой крепости Чернигов, где также чернь, связав воевод, вступила в войско царевича и присягнула ему.¹⁹ И после пошли наши под Новгородок,²⁰ третью московскую крепость, в которой застали войско, состоявшее из двора Борисового,²¹ и до тысячи стрельцов там оборонялось. Восемь недель пытались наши взять эту третью крепость. Пока длилась осада, по точным подсчетам, пришло на помощь «москве» 40 000 человек, но наши их, с Божьей помощью, разбили в последний день декабря 1604 года.²²

Шапка Мономаха. XIII—XIV вв.

Портрет Афанасия Власьева — посла Лжедмитрия I в Речь Посполитую
Гравюра. 1605 г.

Раздел 2

Год 1605

Там, когда еще наши отдыхали после битвы, из города Путивля, который выставляет во время войны 40 000 войска, прислали к царю с известием, что переходят к нему в подданство и присягают ему, а также выдают ему захваченных воевод, прося, чтобы Дмитрий послал взять крепость и город.²³ Потом и другие сильные крепости, как Кромы, Рыльск, Орел, Севск и многие другие со всеми волостями присягали царевичу, захватывая воевод и привозя их в оковах. Царевич, показывая им свое милосердие, милостиво принимал их и отпускал на свободу.²⁴

Между тем пан воевода заболел и для поправления своего здоровья должен был возвратиться в Польшу, тогда и войско польское, не желая терпеть морозы и другие неудобства, взбунтовалось и ушло. И так сам царь остался только с небольшим польским войском, которое смог набрать, а запорожцев при нем было восемь тысяч.²⁵ С этим войском он отошел в Комаринскую волость (не взяв Новгородка), где встретил войско Борисово, отправленное против него. Вступил с ним в бой, но из-за измены запорожцев, которые бежали с поля битвы, проиграл сражение и должен был отступить к Путивлю.²⁶ Там он недолго находился, ожидая помощи от пана воеводы, но не успел пан воевода выслать ее, как Господь Бог наказал Бориса скорострительной смертью, которая произошла при приеме датского посла. У Бориса закружилась

голова, кровь пошла из уст, носа, глаз и ушей, он упал с трона и умер.²⁷

После этого, узнав о его смерти, войско Борисово (было его числом 120 000 под Кромами,²⁸ небольшой крепости царевичевой) послало к Дмитрию с присягой, и других панов московских много приезжало и присягало ему. Другие, которые поддерживали сначала Борисова сына,²⁹ увидев это, немедленно выдали жену,³⁰ сына и дочь³¹ Борисовых (сын же Борисов всегда был доброжелательно расположен к царевичу и склонял отца к тому, чтобы он с ним помирился, рассуждая с отцом, как царевича за его справедливость Бог помнит, почему он и овладел столь многими землями, не вынимая сабли). Будучи тогда в тюрьме, жена Борисова, приготовив яд, послала к сыну своему, прося его, чтобы он выпил за здоровье царевича, ибо его жалел, и сестре своей дал. Так оба, выпив яд, и умерли. Дочь, поднося питье к устам, заметила, что матери и брату дурно, и не стала пить, однако запахом яда была так отравлена, что едва врачи ее отходили.³²

После этого царь пришел в столичный город Москву,³³ где не хотел совершать коронации без своей матери.³⁴ Он послал за ней верховых, и когда она приехала, царь вышел к ней навстречу и прошел пешком путь в полмили³⁵ со всеми приближенными, также ее в крепость пешком проводил, держась за подножку кареты. В последний день июля состоялась коронация царя.³⁶ Коронованный, он утвердился на престоле и, уже будучи настоящим государем, решил воздать почести пану воеводе сандомирскому, подтверждая свои слова и обещания, и с дочерью его³⁷ вступить в брак, для чего (не будем вспоминать других по тому делу посольств и гонцов³⁸) послал великого посла Афанасия Власьева.³⁹ Посол приехал в Краков 9 ноября, имея при себе несколько сотен лошадей. 11 ноября встречал его королевский двор и много других людей. Принимал его пан воевода в своем доме, там же были отданы подарки, посланные от царя пану воеводе:

1. Шуба из меха черно-бурой лисицы с воротником.
2. Золотая чарка, осыпанная жемчугом и драгоценными камнями.
3. Булава, оправленная в золото, в драгоценных камнях.
4. Лошадь в яблоках с седлом, арчаком⁴⁰ и конская сбруя в золоте, усыпанная драгоценными камнями, золотые вожжи в виде цепи.
5. Часы в хрустале с золотой цепью.
6. Два ножа: один, осыпанный алмазами, а другой с разными дорогими камнями.
7. Пара ковров персидских, вышитых золотом.
8. Соболей превосходных 6 сороков⁴¹ и живые соболь и куница.
9. Три кречета с золотыми кольцами.

Книга I

[Раздел 1]

[Ноябрь]

Дня 14. Посол публично отправлял посольство, то есть заверял в дружбе государя своего и желании вечного союза, обещаясь сражаться одинаково со всеми врагами польской короны. Также там сразу и грамоты от царя отдал.⁴² По отправлении же посольства посол и сын его отдали подарки его милости королю, а именно: соболей 12 сороков, 8 черно-бурых лисиц, перстень с бриллиантом, лук с саадаком,⁴³ оправленным золотом, и со стрелами; коня нагайского под седлом, другого — под персидской попоной, третьего — под попоною бархатною. Отдав подарки, посол удалился в свой дом.

Дня 15. Всю «москву», кроме посла, который в тот день заболел, обильно угощал пан воевода на банкете.

Дня 18. Посол снова был в замке⁴⁴ и в соответствии с листами у короля его милости, воеводы и всех сенаторов⁴⁵ воеводскую дочь *oge tepus** просил, объявляя, что он в первую очередь прислан для того, чтобы сразу обручиться с нею и проводить ее к своему государю. На все это получил разрешение.

Дня 19. Дочь воеводы привезли в Краков.

Дня 22. Посол обручился с панной.⁴⁶ В тот же день его милость пан воевода устроил банкет, на котором присутствовали король его милость с королевичем⁴⁷ и королевною,⁴⁸ ксендз кардинал Мациевский⁴⁹ (который также совершил обручение), ксендз легат⁵⁰ и очень много панов сенаторов. Почти все, кто был в то время в Кракове, танцевали. Король же и королева с царицей были необычайно веселы.

Сразу после обручения были отданы подарки от Марии Федоровны, матери императоровой:⁵¹

1. Образ св. Троицы, оправленный в золото и усыпанный драгоценными камнями.

2. От царя: драгоценное украшение Нептуна, которое оценено в 60 000.

3. Чарка гиацинтовая, почти той же цены.

* На словах (лат.).

4. Большие часы в шкатулке, сделанные с удивительными затеями: с трубами, с барабаниками и другими украшениями тонкой работы, которые звучали каждый час.

5. Перстень с большим бриллиантом.

6. Пряжка в виде большой птицы с алмазами и рубинами.

7. Кубок с драгоценными камнями из червонного золота.

8. Серебряный сосуд с позолотой, искусной работы.

9. Зверь с крыльями, украшенный золотом и камнями.

10. Портрет богини Дианы, сидящей на золотом олене, очень дорогое украшение.

11. Серебряный пеликан, достающий свое сердце для птенцов.

12. Павлин с золотыми искрами.

13. Несколько жемчужин в форме больших мускатных орехов. Других жемчужин очень много, нанизанных на нити, вместе весивших 4018 лотов.⁵²

14. Парчи и бархата 18 кусков.

Все это было отдано перед обедом, тот обед прошел довольно непринужденно и был исполнен великолепия. На следующий день после обеда пан Липницкий, который задержался из-за этого, поспешил с известием в Москву к царю.⁵³

Дня 24. Посол посетил дочь воеводы как царицу и государыню свою. В тот же день отдал подарки пану старосте саночному, брату царицы и сыну пана воеводы,⁵⁴ а именно:

1. Сабля и меч, оправленные в золото и украшенные камнями.

2. Золотой кубок, украшенный, как и первые.

3. Три черно-бурых лисицы.

4. Дорогой нож.

5. Один сорок соболей.

6. Кречеты с золотым колокольчиком.

Также отдал самой пани воеводше⁵⁵ и пани хорунжей, бабке царицной,⁵⁶ достаточно соболей и жемчуга.

[Раздел 2]

[Декабрь]

Дня 3. Царица из Кракова выехала в Промник, провожал ее отец, сам воевода, мать ее и посол с разными людьми и многие другие. При этом отъезде было множество людей, они заполнили все вокруг такую плотную толпой, что едва можно было разглядеть отдельного человека. Посол и пан воевода, проводив их до места, возвратились в Краков, где были на королевской свадьбе.⁵⁷ Как раз в это время приехал гонец к послу и привез подарки на свадьбу.

Дня 12. Вручал посол подарки, а именно:

1. Ожерелье с дорогими камнями.

2. Часы.

С ними также отдал свои подарки пан воевода, то есть четыре бокала и часы, которые получил вместе с другими подарками от царя.

Дня 18. Выехал посол из Кракова, а пан воевода и пани воеводша, жена его, с царицею, дочерью своею, остались в то время в Промнике.

Портрет кардинала Бернарда Мациевского. Гравюра. 1605 г.

Раздел 3

ЛЕТА ГОСПОДНЯ 1606

[Январь]

Дня 3. Царь прислал в Краков деньги пану воеводе, то есть 300 000 золотых,⁵⁸ а пану старосте саноцкому, сыну его, 50 тысяч золотых. С этими деньгами приехал пан Ян Бучиньский⁵⁹ и Михайло Толочанов,⁶⁰ москаль. С ними царь прислал и те подарки, которые 5 января отдали, а именно:

1. Украшение, с одной стороны изображены его милость Иезус, а с другой — Мария, инициалы их золотые, усыпанные алмазами, числом же их с обеих сторон 96.

2. Цепь из червонного золота, в ней 136 штук бриллиантов.

3. Четки жемчужные, наподобие большого гороха.

4. Браслет с алмазами, украшенный жемчугом.

5. Золотой ларчик с жемчугом.

6. Три слитка золота весом 15 000.

7. Два золотых блюда и 12 тарелок.

8. Солонка гиацинтовая в золоте.

9. Бокал, также гиацинтовый, украшенный золотом, с крышкою.

10. Таз и рукомойник золотые с искусными изображениями.

11. Перстень с тремя бриллиантами.

Дня 14. Приехал новый московский гонец Иван Безобразов⁶¹ с грамотами к королю его милости и к пану воеводе.

Дня 22. Получив ответ, гонец выехал вместе с паном воеводой из Кракова. Только за день перед этим выехала также царица из Промника в Самбор.

Раздел 4

[Февраль]

Дня 1. Пан Липницкий, приехав к пану воеводе, отдал грамоты от царя, в которых царь просил, чтобы тот, как можно скорее, поспешил в дорогу в Москву.⁶² Поэтому пан воевода, не задерживаясь (только справив мясопуст в Саноке, а сыропуст⁶³ в Ольшанах), 11 февраля с царицей и со двором приехал в Самбор. Туда часто приезжали из Москвы посланцы: пан Дембицкий, Склиньский, пан Горский, «москва», с которыми царь отправлял грамоты, сетуя на задержку отъезда. Наконец, и сам посол Афанасий воротился с дороги, приехал в Самбор, передав приказание царя и его великие сегоования по поводу задержки.⁶⁴

Дня 22. При нем было 50 лошадей. От имени царя с великими жалобами приносили речи, обращенные к царице и пану воеводе и упрекающие за промедление с отъездом.

Раздел 5

[Март]

Дня 2. В ту дорогу московскую пустился пан воевода с царицей, Афанасием и некоторыми близкими панами (другие еще по дороге их нагоняли), по очень плохой дороге.

Последовательность пути в Москву: от Самбора до Люблина 30 миль. 2 марта первый ночлег в Купновичах, дня 3 второй — в Мойцисках, дня 4 третий — в Любачеве, дня 5 четвертый — в Лубовей, дня 6 пятый — в Щебжешине, дня 7 шестой — в Скшечонове, дня 8 седьмой — в Люблине. Остановились в Люблине до 14 марта. Туда снова приехал пан Склиньский с грамотами от царя⁶⁵, поэтому в тот же день — 14-ого выехали из Люблина.

Из Люблина до Бреста 2 мили. Дня 14 марта первый ночлег в Ленчны, дня 15 второй — в Острове, дня 16 третий — в Парчове, дня 17 четвертый — в Росошку, дня 18 пятый — в Бресте. Шестой — там же. Вербная неделя.⁶⁶

Из Бреста до Слонима 27 миль. Дня 20 марта первый ночлег в Каменце, дня 21 второй — в Шерешове, дня 22 третий — в Новодворе, дня 23 четвертый — в Рожанах, дня 24 пятый — в Слониме. Шестой — там же. Дня 25 седьмой — там же. Дня 26 Пасха.⁶⁷ Снабжались всякими припасами по листам от пана канцлера литовского.⁶⁸

От Слонима до Пинска 25 миль. Дня 27 марта первый ночлег в Молчади. Оттуда отправлен к царю пан Дембицкий, а приехал пан Казановский.⁶⁹ Дня 28 второй ночлег в Цырене, дня 29, около Мира,

переправа через Мир, третий ночлег, дня 30 четвертый ночлег в Несвиже, дня 31 пятый ночлег там же.

Пан воевода виленский ⁷⁰ торжественно принимал.

Раздел 6

Апрель

Дня 1. Шестой ночлег в Миколаевщизне, дня 2 седьмой — в Койданове, дня 3 восьмой — в Минске, дня 4 девятый — там же, дня 5 десятый ночлег — там же. Тут получили мы деньги, которые царь прислал на корм, тридцать пять тысяч злотых.⁷¹ Туда же приехал пан Склинский, которого ранее отправили из Люблина с письмами. В ответе на них царь просил извинения за оскорбительные упреки в промедлении с отъездом.

От Минска до Орши 38 миль. Дня 6 апреля первый ночлег в Смолвичах, дня 7 второй ночлег — в Борисове, 8 третий ночлег — в Начи, 9 четвертый ночлег — в Бобже, 10 пятый ночлег — в Толочине, 11 шестой ночлег — в Коханове. Кормили по листу от пана канцлера литовского. 12 седьмой ночлег — в Орше, 13 восьмой ночлег — там же. Переправа через реку Днепр. В тот же день были за Оршей. С этой переправой несколько задержались, ибо 14 апреля то и дело *impret'em* * сносило наведенные мосты. Особенно 15.

От Орши до Боева 8 миль. Дня 16 первый ночлег был в Святошицах. Дня 17 второй ночлег — в Боеве, несколько москвитинов приехали с грамотами.

От Боева до границы ровно миля. Дня 18 мы переехали границу, [это] речка с наведенным мостом. На границе никто не встретил поезда, только четыре москаля,⁷² людей знатных, которые послу Афанасию вручили грамоты и приветствовали царицу и пана воеводу.

Список свиты, поезда, который переехал границу, следующий: пан воевода, собственной персоной — один, а двор с жолнерами ⁷³ и пехотой 445 человек, лошадей же всех 411; царица, собственной персоной — одна, двор ее 251 человек, всех лошадей 251; пан староста красновоставский,⁷⁴ собственной персоной — один, в его дворе 107 человек, лошадей 115; князь Вишневецкий,⁷⁵ собственной персоной — один, его двор с жолнерами 415 человек, лошадей 411; пан староста луковский,⁷⁶ собственной персоной — один, его двор 87 человек, лошадей 96; пан Тарло,⁷⁷ хорунжий пшемысльский с женой своей — два человека, его двор 21 человек, лошадей 69; пан Мартин Стадницкий,⁷⁸ собственной персоной — один, его двор 36 человек, лошадей 33; пан Юрий Стадницкий,⁷⁹ собственной персоной — один, его двор 9 человек, лошадей 10; пан Самуил Баль,⁸⁰ собственной персоной — один, его двор 9 человек, лошадей 10; пан Павел Тарло, сын старосты сохачевского, его двор 9 человек, лошадей 10;⁸¹ пан Немоевский,⁸² подстолий коронный, собственной персоной — один, с ним 16 человек, лошадей 17; ксендз Помасский,⁸³ секретарь королевский, собственной персоной — один, с ним 16 человек, лоша-

* Течением (лат.).

дей 17; пан Вольский,⁸⁴ собственной персоной — один, его двор с жолнерами 415 человек, с ним 20 человек, лошадей 19; пан Броне-вский, собственной персоной — один, с ним 8 человек, лошадей 7; пан Помасский, собственной персоной — один, с ним 10 человек, лошадей 10; *пан Корытко, с ним 11 человек, лошадей 10;*⁸⁵ пан Любомирский, собственной персоной — один, с ним 12 человек, лошадей 12; пан Я [се] новский, который был приставом у Афанасия,⁸⁶ собственной персоной — один, с ним 11 человек, 12 лошадей; пан Петр Домарацкий, собственной персоной — один, с ним 9 человек, лошадей 15; пять монахов и их челяди 16 человек, лошадей 16; пани Тарлова, супруга старосты сохачевского, собственной персоной, с нею 24 человека, лошадей 17.

Вдобавок армян и купцов при пане воеводе, кроме тех, что на свой кошт поехали, было 12 человек, лошадей 16.

Всех было, в соответствии с этим, 1969 человек, лошадей же 1991. Сей подсчет касается только той челяди и лошадей, которых было позволено взять в свиту, но к ним пристало до 300 человек, также и лошадей, поэтому при тех двух дворах царицы и воеводы могло быть числом сверх списка до двухсот человек, также и лошадей.

Таким же образом шли в тот день возы: впереди все, как расписано ранее, пан воевода за ними, а в самом конце царица с женщинами, гусары и пехота по сторонам, иногда впереди ехали другие всадники. В тот же день отправили вперед коляски и повозки, запряженные каждая парой лошадей, опасаясь засад за границей. На каждом ручье были приготовлены хорошие мосты, и так до самой Москвы. Однако в тот день, почти у Смоленска, много колясок и возов завязло в болоте из-за слишком плохой дороги.

От границы до Смоленска 15 миль.

Дня 18. Первый ночлег в Красном. Там, куда мы приезжали, в каждом селе, выносили нам попы хлеб и соль в знак расположения, прося о милости. В этом самом Красном селе или деревне готовили все для первой остановки царской, но бедновато для первого раза, потом же по требованию пана воеводы поправили. В то время ударило ненастье, и также много лишений и бед пришлось испытать, особенно из-за тесноты, ибо только несколько лагуч было пригодных для жилья, а для царицы поставили новую избу. Другие же остановились в ближних деревнях, а иные в палатках на болоте утопали почти по самые щиколотки. Из-за такой слякоти и из-за необходимости распоряжений относительно еды пришлось там задержаться на день.

Дня 19. Уже особые оброки давали на двор царицы, и кухня для нее была отдельная, пану воеводе и его приближенным также особо.⁸⁷

Дня 20. Ночлег в Люблине, также пристанища не было, кроме пары светелок для царицы, вновь поставленных, и нескольких лагуч, также пришлось по ближайшим деревням и в палатках останавливаться. Там застали мы тысячу человек, которые жили уже 20 недель, дожидаясь приезда царицы. Как только она приехала на место и вышла к ним, они по своему обычаю отдавали почести и все челом били. Среди тех людей был московский князь, некий Василий Михайлович Мосальский⁸⁸ и другой — Михайло Александрович Нагой,⁸⁹ посольный царский. Они оба, как только царица появилась,

вошедши в избу с несколькими десятками своих дворян, сразу ее приветствовали и низко челом били до земли. Они отдали ей грамоты от царя, также и воеводе, отцу ее. Застали мы также там 54 белых лошади, которых всех прислали царице, и три кареты с окнами, внутри обиты соболями, шоры бархатные. И впереди 12 лошадей везли царицу, а других 10 и третьих 8 везли женщин. А остальных лошадей на поводу 24.

Дня 21. Третий ночлег в Смоленске. Вся та «москва» сопровождала царицу, из Смоленска при этом выехало их очень много. Народу было до нескольких десятков тысяч, которые челом били и соболей дарили. Чернецы же хлеб и образа выносили ей навстречу. Вся крепость, которая в Смоленске очень велика,⁹⁰ была по стенам уставлена стрельцами, а было их до 2000. И оттуда ей также чернецы хлеб-соль и образа выносили.

Дня 22. Царица во дворе своем обедала, а пан воевода с приближенными был приглашен к князю Мосальскому. Откуда, как кончился обед, разъехались по своим домам. Дважды нас там пожар пугал. Первый раз, когда загорелась кухня царицы, а другой раз в моем доме запылил мой пахолик⁹¹ несколько фунтов пороха, которым себе выжег глаза и лицо. И то, видно, было первое худое предзнаменование дальнейших наших неудач, как и сего несчастного человека, ибо он потом в Москве умер.⁹² А нас все-таки Господь Бог спас по милости своей.

В воскресенье 23 апреля мы остались там же, ибо пан воевода заболел. Музыка во время мессы «москва» очень удивлялась и даже, толпясь, ломала ограждение.

Из Смоленска до Вязьмы 28 миль.

Дня 24. Ночлег в Пневе, там конские оброки улучшены; выдано по полторы бочки овса и воз сена на 10 лошадей.

Дня 25. Другой ночлег в Дубках. Перед этой деревней перевоз через Днепр, с которым сходится река Вопь, в двух милях от того места паромов было достаточно. Однако же река была широкой, и все теснились у переправы. Также несколько человек утонуло, когда паром с ними оказался слишком тяжел. В то время в роте пана старосты саноцкого один товарищ другому палец отсек, пробираясь на паром. От перевоза дорога идет густым лесом, и дорога мощеная, всего до ночлега проехали 26 мостов. Сюда же приехал от царя некий москвитин Борис Михайлович Лыков,⁹³ кравчий, с грамотами, в которых царь радовался счастливому въезду пана воеводы и царицы, супруги своей, в государство свое, а также передал, что по надобности приказано обеспечить им любые удобства и что сам он с радостью ожидает их приезда.

Дня 26. Третий ночлег в Дорогобуже. Дорога также выровненная и мощеная, через леса.

Дня 27. Четвертый ночлег там же, а так как наши сурово с «москвой» обходились, назначили судей и записали правила. Но тех правил не исполняли. Отсюда пан Ян Бучиньский был отослан вперед к царю.

Дня 28. Пятый ночлег в Колпиче, дорога пренеприятнейшая, одних мостов было 45. В этот день пан Горский приехал с грамотами от царя, а за ним Афанасий, посол царский, который выехал вперед из Смоленска. В грамотах царь просил, чтобы пан воевода, по мень-

Портрет Юрия Мнишка. Гравюра. 1605 г.

шей мере, на ста лошадях приехал в Москву для того, чтобы устно обговорить приготовления к свадьбе и другие церемонии. Там же Афанасий отдал царице очень богатые подарки, а именно: бриллиантовую корону и повязку на шляпу, запонку с бриллиантом и четыре нитки крупного восточного жемчуга, несколько десятков более мелкого, золотые часы: одни — в баране, другие — в верблюде.

Дня 29. Шестой ночлег в Вязьме. В этот день была русская Пасха, но и в такой день «москва» торопилась и не хотела дать себе отдыха. Там же выпустили из тюрем немало узников, а лучших из бояр,⁹⁴ каждого в соответствии с обычаем, одарили очень красивым куском полотна. От Вязьмы до Москвы 36 миль.

На шестом ночлеге разъехался пан воевода с царицей.

Дня 30. Первый ночлег в Заозерье, а пан воевода с князем Вишневецким и с паном старостою саноцким, и пан хорунжий также, взяв с собою немного слуг, ночевали в местечке Чарове.

Раздел 7

Май

Дня 1. Второй ночлег царицы в Добром, а пана воеводы — в городе Можайске. В этом городе 5 церквей, из них наилучшая — Николы, которого народ московский признает чудотворцем, и там на празднование его, также как и в другие дни, по обычаю отовсюду стекаются люди.⁹⁵

Дня 2. Третий ночлег царицы в том же самом городе Можайске, а пана воеводы — в селе Вяземы, расположенном в 6 милях от столичного города Москвы. Это село было владением покойного царя Бориса. Там есть большой двор, огороженный частоколом и обведенный выложенным камнем рвом. Возле этого двора стоит каменная церковь,⁹⁶ довольно красивая, в которой образа и подсвечники очень дорогие и сделаны с редкой изобретательностью. Сюда для пана воеводы прислали из Москвы свежих лошадей. И, что интересно, нам показывали царский табун.

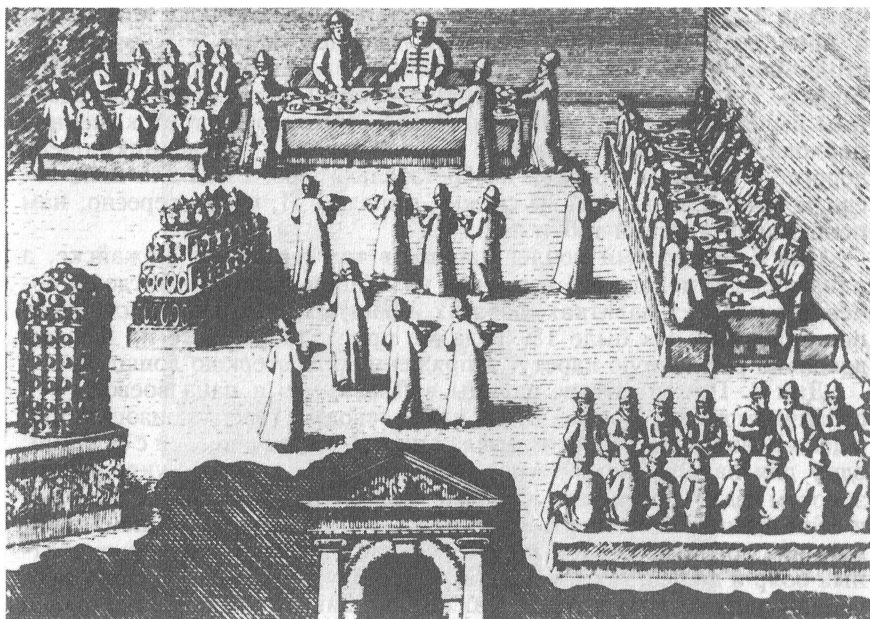
Дня 3. Четвертый ночлег царицы в том же самом Можайске, а пана воеводы под некоей деревней, названной Маначином, где он ночевал в царских палатках, дорогих и богатых, специально для этого поставленных. Их было 18. Туда же прислали для него из Москвы довольно роскошную карету, запряженную шестеркою лошадей.

Дня 4. Пятый ночлег царицы в Дровачеве, а пана воеводы — в столичном городе Москве. Въезд пана воеводы в город произошел так: в день Вознесения Господня выслал царь четырех лошадей с седлами, одну для пана воеводы, у нее было довольно дорогое, украшенное золотом седло, другие три лошади — для его приближенных, которые и сели на них. За четверть мили от города к ним выехал Басманов⁹⁷ на коне, довольно богато, по-гусарски, и с ним впереди самых знатных бояр и дворян московских было до полутора тысяч. Все они проводили пана воеводу в город. Также мост диковинный был поставлен через реку Москву изобретательно, без опор, только на одних канатах. За ним перед первыми воротами стояло еще большое число всадников, довольно прилично одетых. Эти были поставлены в два ряда. Среди них был тайно и сам царь, а также пан Домарацкий⁹⁸ с польскою ротою. Но ни одного из них за мост на другую сторону не пустили. Таким образом проводили они все пана воеводу вплоть до самого двора, который был в крепости.

Там, едва мы слезли с коней, принесли очень сытные кушанья с царской кухни, которые все были разложены на дорогих золотых блюдах.⁹⁹ Более всего подали затейливых пирогов, но потом оказалось, что все это невкусно, ибо несолено. Пива также вдоволь давали. Как только кончился обед, прислал царь приближенного своего князя Ивана Федоровича Хворостинина¹⁰⁰ навестить пана воеводу и изъяснить радость по случаю его счастливого приезда в государства его московские. Однако же в тот день пан воевода не приветствовал царя.

В тот же день ездил царь в один монастырь (как обычно это делал) к своей матери, ее монастырь находился там же в крепости, около ворот.¹⁰¹ Одевание на нем было белое, а конь у него каштановый, при нем было несколько сотен алебардщиков¹⁰² и очень много конной «москвы».

Дня 5. Шестой ночлег царицы в Вяземах. В тот день пан воевода приветствовал в Москве царя таким образом: со двора его, в котором тогда пан расположился, провожала его с обеих сторон прямо до самой крепости бесчисленная толпа стрельцов, почти наседавших один на другого. Стрельцы поднялись почти до больших дворцовых сеней, в которых стояло много выстроившихся в ряд бояр в дорогих одеждах. Из сеней вошли мы в палаты, где сам царь сидел на троне в одеянии, украшенном жемчугом и драгоценными камнями, в высокой короне,

Торжественный обед в честь посольства. Гравюра из книги Я. Ульфельда. 1608 г.

со скипетром в правой руке. Этот трон был из чистого золота, высотой в три локтя,¹⁰³ под куполом, стоящим на четырех щитах, а на куполе был помещен очень дорогой орел. От щитов над колоннами висело две кисти из жемчуга и драгоценных камней, а между ними камень топаз, величиною больше грецкого ореха. Колонны же под кистями такие: два льва серебряных, величиною с волков, лежа, держали большие золотые подсвечники, на которых стояли грифы и доставали до этих кистей. На трон вели три ступени, покрытые парчой.

По бокам царя стояло по два дворянина с бердышами,¹⁰⁴ железными на золотых рукоятках. Верхняя одежда и штаны на них были из белого бархата, подшиты и окаймлены горностаями. Сапоги тоже белые, сами они были опоясаны цепями. По левую руку стоял Дмитрий Шуйский¹⁰⁵ с обнаженным мечом, в парчовой одежде, подшитой соболями. За ним, позади царя, один слуга в дорогой одежде, с платком в руках. По правой стороне сидел московский патриарх,¹⁰⁶ перед которым держали крест на золотом блюде. После него епископы и весь Духовный совет,¹⁰⁷ а за ними сидели сенаторы¹⁰⁸ и другие дворяне. По левую руку — также сенаторы и дворяне.

Там пан воевода, поцеловав руку царскую, обратился к царю с речью, которая так его растрогала, что он плакал, как бобр, часто утирая себе очи платком. От имени царя отвечал посол Афанасий. Потом пан воевода сел за несколько шагов перед царем, на другой же лавке сели его приближенные паны, между этими лавками проходили мы по реестру целовать руку царскую. Когда это за-

кончилось, царь, подозвав к своему трону пана воеводу, пригласил его на обед, а его приближенных приглашал Басманов.

Потом пан воевода вышел на крыльцо, и на выходе встретился с ним московский патриарх и духовенство. Патриарх сначала поздоровался с паном воеводой, а затем с его приближенными, также дал им поцеловать крест и благословил. За духовенством вышел царь, его провожали в церковь, держа под обе руки, а перед ним несли золотое яблоко с крестом.¹⁰⁹ Поодаль шел за ним воевода в ту же самую церковь и остановился в боковых церковных дверях, в галерее, внимательно рассматривая обряд. В то время принесли в другую церковь меньшую царскую корону. После богослужения царь сел в галерею и немного поговорил с паном воеводой. Потом пан воевода проводил его в покои, которые хотя и построены из дерева, но, вместе с тем, довольно изысканны и великолепны. На всех дверях засовы с петлями из червонного золота. Зеленые печи, и некоторые наполовину огорожены серебряными решетками.

Побыв там с час, пошли в столовую палату, перед которой стояло в сенях очень много золотой и серебряной посуды. Между нею было также семь серебряных бочек, наподобие сельдяных, стянутых золочеными обручами. Столовая посуда также вся из золота, а обычная — из серебра, как-то: рукомойники, ванночки, которых стояло очень много. Столовая изба была обита персидской голубой материей, карнизы же около двери и около окон парчовые. Трон царский покрыт материей, вытканной золотыми полосами, стол перед ним серебряный, прикрытый скатертью, вышитой золотом. За ним сидел только сам царь. Другой стол — по левую руку, а за тем сидели пан воевода и его приближенные, третий же стол стоял возле второго, напротив царя. Там нас, слуг, посадили вперемежку с «московкой», которая нас потчевала. Тарелок нам не дали, только четыре — для панов, и то еще царь сказал, что делает это не по обычаю. По правую руку от царя сидели сенаторы, которых там зовут думными панами. Воды не давали, но стояла там одна большая труба, серебряная с позолотою, в высоту с мужика, а около нее медные тазы, поставленные вокруг один над другим, в которые сверху брызгала кипящая вода.¹¹⁰ Однако рук никто не мыл. В избе стоял буфет, наполненный посудой — больше золотой, нежели серебряной, и установлено ею было все под самый верх. В этом причудливом буфете — львы, драконы, единороги, олени, грифы, ящерицы, кони и другие бокалы, дивные и большие.

Затем принесли кушанья, разную рыбу, потому что была пятница.¹¹¹ Сперва устали стол блюдами из одного кушанья, то есть так, чтобы блюдо от блюда отстояло на локоть. А когда унесли их, то другие так же поставили. Хлеба не положили, но когда сели, каждому от царя разнесли по обычаю по большому куску белого хлеба, из которого мы себе и должны были сделать тарелки. Так тянулся этот обед несколько часов. Носили на столы очень много разнообразных вкусных пирогов, и все на золоте. Что касается питья, то сперва пил царь за пана воеводу, затем за его приближенных, а потом также нам всем подали «царское пожалование», то есть по чарке вина. Затем различных сортов меда, выдержанного пива — что кому любо было, в великом множестве, и все ставили на золоте. Прислуга у царского стола отправляет службу по-простому, без поклонов, и

чашничие, которых здесь зовут стольниками,¹¹² даже не снимали шапок, а только наклоняли голову. В середине обеда пан воевода почувствовал себя плохо и удалился в царский дворец, в который не пустили никого, кроме двух мальчиков-слуг.

В разгар обеда пришли лапландцы,¹¹³ около двадцати человек, все с луками. Эти лапландцы — народ, земля которого лежит в сторону Индии, в сторону Ледовитого океана. Они ездят на оленях и платят дань московскому царю. Каждый, который в состоянии владеть секирою, обязан платить оброк за себя по десять соболей. Эту-то дань тогда и привезли царю. Они едят сырыми как рыбу, так и мясо.

У них нет никакой веры, только Солнцу, Луне, Дереву, Медведю поклоняются, что кому нравится, тот то и хвалит. Жен себе покупают, то есть купят смолоду малолетних девушек и ждут до тех пор, пока они подрастут. Они так далеко находятся от Москвы, что целый год до них нужно ехать. Домов у них также никаких нет, только, пожив на одном месте в пустыне несколько недель, переселяются снова с этого места на другое за несколько десятков миль. И так живут, пока опять куда-нибудь не переселятся. Их обычное развлечение — стрельба из лука в зверей, на это они, между прочим, и живут.¹¹⁴

После обеда никакого десерта не было, только принесли небольшое блюдо маслин, которые царь из рук своих стольникам раздавал. Таков обычай в Москве, так обычно царь награждает их в благодарность за службу. Затем царь удалился во дворец, а приближенные разъехались по назначенным им домам. Пана же воеводу уже поздним вечером провели по галерее на его двор.

Дня 6. Седьмой ночлег царицы там же. Пан Бучиньский снова привез подарки: 8 очень богатых ожерелий, а также 8 кусков лучшей парчи.

А пан воевода, пообедав на своем дворе, поехал в крепость, где нашел царя в добром расположении. Музыканты пана старосты сапоцкого, которых было 40, играли перед царскими покоями, в царской палате, которая была обита золототкаными покрывалами. В другой палате — парчою, в третьей, в которой сам царь жил, стены были также обиты очень дорогой материей. «Москва» весьма удивлялась тому, как играл оркестр. В сенях, перед первыми покоями, был поставец (то есть стоял буфет, украшенный золотыми и серебряными богами и птицами), уставлен золотом и серебром, но однако же не такой, какой был в столовой избе, а другой, намного больше того. Наливали питья разного достаточно. Царь сам выслал к нам Басманова, прося, чтобы мы веселились. Царь переодевался несколько раз и по-гусарски, и по-московски. По-гусарски: жупан парчовый и делия¹¹⁵ из красного бархата, унизанная жемчугами и всякими украшениями, костюм красный, башмаки сафьяновые. И так он наслаждался этой музыкой, вплоть до самого вечера, а потом приказал в тот же день выдать две тысячи злотых. Князь и пан староста сапоцкий танцевали перед ним, потом проводили пана воеводу до двора. Но он снова поехал с царем в монастырь встретиться с царской матерью (у них было только по паре мальчиков-слуг). Оттуда снова поехали на царский ужин и там уж веселились почти до утра.

Портрет Марины Мнишек. Гравюра. 1605 г.

Дня 7. Восьмой ночлег царицы там же. Туда пригнали табун лошадей, из которых до восьмидесяти бахматов ¹¹⁶ она сама раздала своим дворянам и слугам.

В Москве же паны в этот день на ужине у царя находились и очень веселились.

Дня 8. Девятый ночлег царицы там же. Сгорело несколько халуп, сама же «москва» запылила.

А еще царь и пан воевода ездили из Москвы на охоту. Там среди других зверей выпустили также медведя, которого, когда никто не смел первым с ним биться, сам царь, бросившись, убил с одного удара рогатиной, так что даже рукоятка сломалась. И саблею отсек ему

Портрет Марины Мнишек. Гравюра. XIX в.

голову. «Москва» радостно закричала, увидев это. Все обедали там же в шатрах.

Дня 9. В тех же шатрах царица ночевала, выехав из Вязем.

Дня 10 etc.*11. Там же находились.

А в Москве тем временем готовились к ее въезду. По дороге встретили ее мещане и купцы московские, дарили подарки, среди которых находилось 5 бокалов, 5 кусков парчи и соболей лучших 5 со-роков.

* И так далее (лат., сокр. et cetera).

Портрет Лжедмитрия I. Гравюра. 1605 г.

Печать царя Дмитрия Ивановича.

Дня 12. Въезд царицы в Москву. Все паны приближенные со слугами из своих дворов провожали ее на лошадях, отправив вперед, в город, все возы с челядью. Сам царь тайно, только с десятком всадников, подъехал к дороге, чтобы навести порядок. Потом, возвратившись назад, приказал людям своим, каким образом они должны выезжать, а также что должны делать другие, при шатрах. Два шатра поставили у реки Москвы, под самым городом. Выстроил он также двумя рядами от шатров своих стрельцов и алебардщиков, которых должно быть было до тысячи человек. Как только провели царицу в шатер, у шатра встала тысяча конных царских гусар.

Пан Малогощский,¹¹⁷ посол его королевской милости, опередил въезд царицы на один час.

Когда сошла царица к шатрам, там ее встретили от имени царя и обратились с благодарственными речами, принимая ее в свой столичный город и также радуясь ее счастливому, в добром здравии, приезду. Там же, выехав стройно и празднично, воеводы, князья, думные бояре и весь царский двор встретили царицу с обычными для своего народа церемониями. Потом подарили ей от царя карету, украшенную по бокам серебром и царскими гербами. В ту карету было запряжено 12 лошадей в яблоках, и каждую вели, держа поводья в руках. После этой встречи, сев в карету, царица въехала в город.

Алебардщики и стрельцы шли около кареты с гусарской ротой и пехотой наших, служивших у приближенных пана воеводы. В голове шли паны, а «москва» ехала перед каретой. Когда царица въехала в старый город за третьи стены, там затрубили и ударили в бубны люди, которых посадили в theatrum,* построенном у крепости для совершения торжества по случаю ее счастливого прибытия. Продолжался этот гром довольно долго, пока она не въехала в крепость к матери царя. Тогда, не задерживаясь, царица вышла из своей кареты и встретила ее там вместе с царем. Там, у его матери, она осталась вместе с Frausumer** до самой коронации и свадьбы. Потом царь уехал к себе в крепость, а все остальные разъехались по своим домам, отведенным далеко, по разным углам города.

Дня 13. Утром в назначенный час царь встретил родственников и приближенных пана воеводы. Встреча происходила в обычном дворце, при московских сенаторах, расположившихся по списку. Пан Мартин Стадницкий, будучи тогда гофмейстером царицы, от всего ее двора и родственников приветствовал царя такими словами:

«Приближенные и весь двор наияснейшей панны, нареченной супруги вашей царской милости, приветствуют через меня и вместе со мной вашу царскую милость, сперва поклонившись Господу Богу. Ибо он в это время, когда все христианские королевства колеблются, дал нам утешение для утешения басурманов, удивительным образом отметив вашу царскую милость и соблаговолив, к великой радости всего христианства, прославить и вознести вашу царскую милость, чтобы показать, как он хранит верных ему. Захотел Господь вашу царскую милость соединить с народом, мало разнящимся с вашим народом в языке и обычаях, равным ему по силе, отваге, храб-

* Театр (лат.).

** Фрейлина (нем.), далее в тексте это слово переводится без оговорок.

рости в бою, мужеству, от многих славимому. Захотел соединить с сенатором королевства Польского, которого нужно ли вашей царской милости рекомендовать, когда, по воле Божьей, пришлось вашей царской милости видеть дом и правление его милости пана воеводы сандомирского и прислушаться к разумным советам о будущих делах на счастье и удачу многим и самому себе? К тому же это соединение с теми лучшими людьми, которые пользуются таким доверием и великой благосклонностью у его королевской милости, что ни в Польской короне, ни в Великом княжестве Литовском никто таких великих знаков благосклонности его королевской милости не имеет, как пан воевода. Из его рода ваша царская милость и соблаговолила избрать себе и обрести супругу. Если для кого-то в новость, что она из Польши, то нетрудно выяснить, что Господь Бог от давних веков в Великом государстве Московском так свою волю извещал. Пра-¹¹⁸дед или дед ¹¹⁹вашей царской милости, если мне память не изменяет, взял себе в супруги дочь волохов,¹²⁰ а светлой памяти отца вашей царской милости не Глинская ¹²¹ли родила? И с того времени случались ли от этой крови какие-нибудь несчастья для предков вашей царской милости? Итак, есть твердая надежда на счастье, по милости Божьей, поскольку Господь Бог чудесным образом обратил сердце вашей царской милости к тому народу, с которым и ваши предки роднились, и ваша царская милость теперь соблаговоляет породниться. Пусть же притворная дружба совсем исчезнет в сердцах обоих народов, то есть нашего и подданных вашей царской милости! Пусть прекратится то свирепое и варварское кровопролитие между нами! Пусть сообща силы обоих народов, с благословенья Божьего, обратим мы счастливо против басурман! Чего не только мы, но и все христианские народы с великим нетерпением ожидают. Пусть же Господь Бог, дав силы вашей царской милости, даст и разумный совет и возвысит трон ваш и его величие, чтобы ваша царская милость, свергнув полумесяц из полных краев, озарила полуденные края своей славой, и в столице предков своих на старости лет увидела потомство свое».

После такого приветствия в ответ нам дьяк Афанасий по царской инструкции отвечал etc.

Послали потом за послами его королевской милости, которые немедленно приехали. Когда они появились в Большом дворце, его царская милость послала своего окольного Григория Ивановича ¹²²встретить их в сенях и проводить в залу, в которой, когда они вошли, тот же боярин с такими словами обратился к царю:

«Наияснейшему и наимогущественнейшему самодержцу, великому государю ¹²³Дмитрию Ивановичу, Божьей милостью цесарю, великому князю всей России и других татарских царств и многих государств, московской державе подвластных, государю, царю и обладателю, наияснейшего и великого государя Сигизмунда Третьего, Божьей милостью короля польского и великого князя литовского и иных, послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский ¹²⁴вашему царскому величеству челом бьют».

По совершении поклонов, от его королевской милости говорил пан Малагощский такие слова:

«Наияснейший и великий государь Сигизмунд Третий, Божьей милостью король польский, великий князь литовский, прусский, жмудский, мазовецкий, киевский, волинский, подольский, под-

ляский, инфляндский, эстонский и других, наследный король шведский, готский, вандалский и князь финляндский и других, послал нас, Николая Олесницкого из Олесниц, каштеляна малогощского, и пана Александра Корвин-Гонсевского, секретаря и дворянина своего, старосту велижского, державца конюховского, чтобы мы именем его королевской милости, всемилостивейшего государя нашего вашей государской милости наияснейшему, Божьей милостью государю, великому князю Дмитрию Ивановичу всей России, володимерскому, московскому, новгородскому, казанскому, астраханскому, псковскому, тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иных многих государств царю, поклон братский отдали, узнали и справились о здоровье вашей милости и поздравили с счастливым воцарением в столице предков его и сообщили о желании братской дружбы его королевской милости, государя нашего, вашей государской милости».

Потом отдали в руки царского дьяка Афанасия Ивановича Власьева письмо, которое он, взяв, поднес государю и тихо прочитал его титул. Так как там не было написано «цесарю», то государь сам известил Афанасия, как он должен отвечать на это. Тогда, подойдя ближе к послам, тот обратился к ним с такими словами:

«Николай и Александр! Наияснейшему и непобедимому самодержцу великому от наияснейшего Сигизмунда польского и великого князя литовского вы отдали письмо, на котором нет титула цесарского величества, но обращено оно к некоему князю всей Руси. Дмитрий Иванович — цесарь в своих преславных государствах. И вы это письмо возьмите обратно к себе и отвезите его своему государю».

Пан Малоощский, взяв письмо назад (и берет), сказал:

«Это письмо его королевской милости, государя нашего, с благоговением беру назад. Еще ни от одного монарха христианского такого оскорбления его королевской милости, государю нашему, и Речи Посполитой нашей не случилось, какую теперь ваша государская милость нанесла. Ибо король его милость, как сперва в государствах своих великую доброжелательность к вашей государской милости проявил, так и теперь, таким же образом, обращается через нас, послов, и с искренней радостью сюда мы ехали. А приехав, мы едва отряхнули дорожную пыль, как нам было приказано идти к вашей государской милости. С большой радостью спешили мы особу вашей государской милости увидеть. А сейчас какую награду видим мы за свои чаяния и ожидания? Ибо ваша государская милость тем письмом его королевской милости пренебрегает и распечатать его не желает. Превосходнейший титул короля, всеми королями и монархами за много лет признанный, вопреки всякой справедливости, умалчивать приказываете, что не только должно оскорблять его королевскую милость, государя нашего, но и тех, которые теперь здесь перед очами вашей государской милости, и всю Речь Посполитую, отчизну нашу».

На это сам царь отвечал:

«Несвойственно и непривычно монархам, на троне сидящим, с послами договариваться. Но нас к тому принудило умаление титулов наших. Объявляли мы королю польскому через послов наших и через старосту велижского, который в недавнее время от короля польского посланцем у нас был, и теперь посол, с которым такие же имели мы

разногласия перед этим об умалении титулов наших, как и с вами теперь. Не только князем, не только государем, не только царем, но мы являемся также императором в своих обширных государствах! И миропомазаны мы тем титулом, который имеем от самого Бога, и пользуемся тем титулом не на словах, но по самой справедливости: ни ассирийские, ни лидийские монархи, ни даже цесарь римский с большим правом и справедливостью тем титулом не пользовались, чем мы. Разве остаемся мы только князем или государем, когда, по милости Божьей, не одних князей или государей, но и королей под собою имеем, которые нам служат, и никого себе в царствовании равного в тех полуночных краях не имеем, и никто здесь не повелевает, кроме как сначала Господь Бог, а после него мы сами. Вот почему все монархи нас тем титулом императорским величают, один король польский чинит нам в этом умаление.

На это ему посол отвечал:

«Ваша государская наияснейшая милость! В начале речи своей вы соблаговолили сказать, что несвойственно монархам, сидя на троне, с послами договариваться. Это правда, но и то также необычно: обсуждать послам дела не по инструкции. Однако же, ибо меня к этому ваша государская милость сама принудила, я, хотя и не имею таких способностей, чтобы отвечать на эти речи вашей государской милости, не приговившись, все же скажу. Ведь я — поляк, человек народа вольного, привык говорить свободно!

Вспомните, ваша милость, либо прикажите посмотреть в коронной канцелярии, литовской и своей московской, и даже расспросите у тех старых думных бояр своих, какими титулами предков вашей государской милости величали. Не только наияснейшие короли, государи наши, того титула цесарского, который себе ваша государская милость присвоила, вам не приписывали, но и сами предки вашей государской милости ни одного цесарства себе не покорили. Вы и сами с тем титулом соглашались, с которым его королевская милость, наияснейший и непобедимый государь, через нас в письме своем к вашей государской милости обратился. А разве иначе совсем недавно писала его королевская милость, государь наш, когда он вашу наияснейшую государскую милость в государствах своих возлюбил и с охотой оказал великую помощь к отысканию отчизны вашей наияснейшей государской милости. И далее искреннюю дружбу свою вашей наияснейшей государской милости тем более не прекращает он свидетельствовать до сего времени, что ваша наияснейшая государская милость не на словах, а на самом деле соблаговолила признать непобедимым короля его милость, государя нашего.

Но как ваша наияснейшая государская милость отплатила за это его королевской милости, то каждый своими глазами может увидеть! Скоро ваша наияснейшая государская милость забыла, что чудесно, с Божьей помощью, благосклонностью его королевской милости, государя нашего милостивейшего, и поддержкою нашего польского народа (ибо кровь свою наши братья поляки проливали за вашу наияснейшую государскую милость), вы на этот трон (указал на него рукой) посажены. Вместо благодарности — неблагодарность, вместо дружбы — неприязнь сторицею воздаете, расположением и дружбой короля его милости, государя нашего, пренебрегаете и явную причину изволили подать к пролитию крови людской. Мы глубоко

обижены такой неправдой по отношению к королю его милости, государю нашему. Свидетельствуем самим Богом перед вашей наияснейшей милостью и этими думными боярами, что не королем его милостью, государем нашим, но вашей наияснейшей государственной милостью подается великая причина к разрыву дружбы с королем его милостью, государем нашим, и Речью Посполитой. Итак, мы готовы возвратиться к королю его милости.

На это царь отвечал послам:

«Мы очень хорошо знаем, какими титулами предки наши величались, и показали бы вам относящиеся к делу письма, но не потому что вы об этом сказали. А когда боярам своим думным прикажем мы с вами говорить, тогда они все это покажут, и мы сами покажем вам, какими титулами предки наши гордились. А теперь король польский умаляет наши титулы, которыми мы титулуемся, что не только нас, но и самого Бога и все христианство должно оскорблять. Заявляли мы королю польскому, что он имеет в нашем лице соседа, имеет брата, имеет такого друга, которого еще никогда польская корона не имела. А теперь нам короля польского нужно остерегаться более, нежели какого-нибудь самого враждебного варварского монарха».

На это посол отвечал царю:

«Не желал бы я того, чтобы из-за титулов кровь христианская пролилась, и ваша наияснейшая государственная милость не имеет повода обижаться, ибо таков есть обычай, что великие монархи в важных делах более через послов своих привыкли изъясняться. Пану старосте велижскому, который от короля его милости ранее был послан к вашей наияснейшей государственной милости, ваша наияснейшая государственная милость могла наказать, чтобы он доносил об этом или не доносил королю его милости. Но ваша царская милость должна была своих послов направить на будущий сейм и к королю его милости для этой цели, потому что это дело сейма. Известно вашей государственной милости, что король его милость польский правит вольной Речью Посполитой, в которой без согласия всех сословий (ни одного не исключая) не может ничего отличного от прежних обычаев ни прибавить, ни умалить. Нас теперь отправили не от сейма, ибо и я был на сейме только один день во время препозиции».¹²⁵

На это царь возразил:

«Знаю хорошо о том, что сейм закончился и что вас не от сейма отправили. Знаем также, что вас после отправки в Орше не скоро нагнали, и то также знаем, что некоторые из ваших советovali королю польскому нам тех титулов не давать. Однако же будет время об этом пространнее с вами вести споры. Пан Олесницкий, спрошу вас в таком случае, когда бы также от кого-нибудь было письмо написано к вам, на котором титула вашего шляхетского не было, приняли бы вы его или нет? Я, зная вашу приверженность нам и в государствах короля его милости, господина вашего, будучи, видел, что вы нам всегда доброжелательны оставались, поэтому не как посла, но как нашего друга в государствах наших желаем вас почтить. Подойдите к руке нашей не как посол», — сказав это, протянул, сидя на троне, руку, желая его приветствовать.

На что пан Малогощский сказал:

«Наияснейший милостивейший государь! Благодарю за ту благосклонность, которую ваша царская милость соизволила оказать моей особе. Но если меня ваша царская милость не как посла желает принимать, то я сделать этого не могу».

После этого царь произнес: «Иди как посол». Затем посол приветствовал его, а после него пан староста велижский Гонсевский.

Затем дьяк, взяв письмо, прочитал его немедленно перед царем и, осведомившись у царя, обратился к панам послам:

«Хотя такого письма без титула их царской милости не пристало от короля польского, государя вашего, принимать, но теперь состоятся свадебные торжества цесаря, их милости, и на эту свадьбу король польский вас послал к его цесарскому величеству. Итак, по этой причине их царская милость, обиду свою в неполноте титулов его отложив в сторону, то письмо от короля, государя вашего, и поклон его через вас принимает. Когда же вы к королю, государю вашему, возвратитесь, то скажите, чтобы впредь таких писем с написанием полного титула цесарского посылать сюда не приказывал. Ибо цесарское величество именно это вам наказывает передать, что впредь ни от короля вашего Сигизмунда, ни от кого другого никаких писем без полного титула своего цесарского не прикажет принимать. Ну а теперь, если вы имеете какое-то поручение от Сигизмунда, короля вашего, отправляйте ваше посольство к цесарскому величеству».

После него пан староста велижский отправил посольство, и им приказано было сесть. Афанасий, справившись у царя, подойдя к послам, говорил следующее:

«Николай и Александр, наияснейшему и могущественнейшему самодержцу и великому государю Дмитрию Ивановичу, Божьей милостью цесарю и великому князю всей Руси и иных татарских царств и многих государств, московской монархии подвластных, государю, царю и обладателю, от наияснейшего и великого государя Сигизмунда Третьего, милостью Божьей короля польского и великого князя литовского, прусского и других говорили на посольстве, что наияснейший Сигизмунд, король польский, позволил его светлости Юрию Мнишку, воеводе сандомирскому, проводить ее светлость, дочь его к наияснейшему и непобедимому самодержцу. И ее царская милость, Божьим милосердием, сюда в добром здравии приехала, а их цесарское величество с благодарностью ее принимает от короля, государя вашего, и вас своими царскими милостями жаловать будет. А что ты, Александр, говорил, что наияснейший Сигизмунд, король польский и великий князь литовский, вам, послам своим, приказал с думными боярами их царского величества обсудить взаимные отношения монархии Московской и Польского королевства, так их царское величество, по своему милосердию, с радостью это позволяет, приказав думным боярам в отдельной палате с вами сесть и об их государских делах договориться».

Потом послы сели и обратились к Афанасию: «Обычай таков был всегда, что государи московские о здоровье короля его милости, подневшись, спрашивали».

Царь, услышав это, сидя спросил о здоровье короля его милости: «Король его милость, пан воевода, в добром ли здравии?»

Пан Малогощский сказал: «Короля его милость, государя нашего, милостью Божьей, в добром здравии и счастливо царствующего оставили мы в Варшаве. Но ваша царская милость должны были поднаться, спрашивая о здоровье его королевской милости».

Царь ответил: «Пан Малогощский, у нас таков обычай, что лишь получив известие о добром здравии, встаем мы». И, приподнявшись тогда немного на троне, царь сказал: «Доброму здоровью короля, государя вашего и нашего друга, радуемся мы».

После дарили подарки, которые по данному ему реестру называл Григорий Иванович Микулин: его милости пану Малогощскому — турецкого коня, неаполитанского коня, золотую цепь кольчужной работы, 13 бокалов, два позолоченных рукомошника, пса британского, но того уже утром забрали назад; говорили тогда, что нет такого обычая. Дали на другой день вместо того пса 2 сорока соборей и 100 золотых. Его милости пану Гонсевскому — турецкого коня.

После раздачи подарков Афанасий сказал: «Цесарское величество жалует вас обедом своим». Затем проводили их милостей на Посольский двор.¹²⁶ А приближенные пана воеводы были на царском обеде.

В тот же день царица говорила с царем о приготовлении еды, что тех блюд, которые ей давали из крепости, она есть не могла. Поэтому к ней сразу послали посуду и польских кухмистеров¹²⁷ и поваров, которые стали всего вдоволь готовить для нее, отдали им все ключи от кладовых и погребов. Государь послал также за фрейлинами, так как они сильно тосковали, боясь вечной неволи. Он обещал любую из них, кто пожелает, отпустить свободно в Польшу.

Дня 14. В воскресенье праздничное¹²⁸ не было свадьбы по каким-то причинам, только царь всех родственников великолепно угощал в крепости.

Дня 15. Царь подарил царице шкатулку с драгоценностями, которых цена (как говорили) доходила до 500 000 рублей. Наказал дарить из нее всем, кому захочет. А пану воеводе дал 100 000 злотых и приказал их сразу отвезти в Польшу для уплаты долгов. Но не успели с ними выехать, а мы истратили уже из них некоторое количество. Подарил также и сани, у которых крылья и оглобли обиты бархатом, расшиты серебром, у хомута подвешено сорок соборей. Конь в тех санях белый, узда серебром переплетена, с шапкой и капором, украшенными жемчугом. Сани обиты пестрым бархатом, попона на них красная, по углам с жемчугом, а в санях покрывала шерстяное и стеганое, лучшими соборами подшиты. И царица раздала из шкатулки немало драгоценностей панам приближенным.

В тот же день во втором часу ночи царица на этой карете переехала в крепость. А переезжали ночью, чтобы не было давки. Дети боярские и алебардчики шли пешком перед каретой.

Дня 18. Свершилась коронация царицы. Прежде чем царь и царица вышли из крепости, целовали оба корону и крест троекратно, и кропили их святой водой. После пошли в церковь. Разостлали по дороге парчу на красном сукне. Впереди несли очень дорогую корону, перед нею шли два архиерея с кадилами,¹²⁹ за короной несли золотые блюда и другие церковные сосуды. Навстречу короне вышел из той церкви патриарх с несколькими епископами и, помолившись, внес ее

в церковь. Затем через полчаса двинулись в церковь остальные. Впереди шли полторы сотни дворян в парчовой одежде. За ними шли приближенные с бердышами, четыре дворянина, которые находились при царе, а пятый — с мечом. Затем принесли другую корону с крестом и скипетром. Царь шел в короне и богатой одежде. По правую руку провожал его посол пан Малогицкий, а по левую — князь Мстиславский.¹³⁰ Возле царя шла царица, одетая по-московски, в богатую одежду, украшенную жемчугами и драгоценными камнями по вишневому бархату. Провожал ее с правой стороны пан воевода, отец ее, а с левой — княгиня Мстиславская.¹³¹ За нею шли паны приближенные и шесть москвичек, жен сенаторов. Как только они вошли, церковь закрыли. Наших туда мало пустили, больше — «москвы». Совершалось это богослужение в соответствии с их обрядом. Пан воевода, будучи больным, быстро вышел. По совершении богослужения было утверждение брака и обмен перстнями, потом была коронация, *inpxa more Gr[a] jeco*.*

После совершения коронации паны сенаторы и бояре, все, кто присутствовал при том акте и находился в Москве (по заведенному порядку они входили в церковь), присягали — но вероломно — и, совершив присягу, целовали руку. Патриарх целовал в корону над челом. Совершалась эта церемония несколько часов. При выходе у церкви и у лестниц бросали золотые деньги, «москва» билась за них с палками, в этой толчее ударили нескольких наших, особенно из посольской свиты, и оскорбленные, не проводив царя в крепость, они уехали по своим домам. Царь, подходя к своим слугам и увидев нескольких собравшихся вместе знатных поляков, приказал бросить им несколько португалов.¹³³ Но поляки не кинулись к деньгам, напротив, когда одному из них пара упала на колпак, он сбросил деньги на землю. Увидев это, царь не приказывал больше бросать деньги, так как «москва» за них давилась. В тот день ничего более не было, только коронация.

Дня 19. В пятницу утром начался Совет, на рассвете ударили в барабаны и заиграли в трубы, которых было очень много. И так трубили попеременно до самого полудня. Потом позвали пана воеводу и панов приближенных на обед, пошли все. Но пан воевода, проводив царя и царицу до Столовой палаты, ушел на свой двор, потому что пана посла не было на этом обеде, ибо ему не позволили сидеть за царским столом. Об этом пан воевода ранее усердно просил царя, чтобы он благодарность королю его милости показал тем же способом, каким тот показал ее послам царским на своей свадьбе, посадив их за свой стол, и чтобы так же посол его королевской милости мог сидеть за царским столом. Не добившись ничего, пан воевода и сам не стал садиться за царский стол.

На этом обеде не было никаких выдумок, только царь, по-гусарски одевшись, сидел на вышеописанном троне, а царица возле него на другом троне, подобном царскому, только что меньшем по размерам. Никто другой за тем столом не сидел. Около царя, по правую руку, стояли с секирами и мечом, по левую руку, у столов — сенаторы московские. При царице находилась пани хорунжая¹³⁴ и княжна Коширская.¹³⁵ Неподалеку от них за столом сидели паны

* Миропозание по греческому обряду (лат.).¹³²

приближенные, а за теми же столами, далее до самых дверей — слуги, а другие — еще за одними столами посреди избы.

Золота и серебра наиболее было поставлено около столба, который расположен посреди палаты, на четырех столах по три сажени,¹³⁶ стоящих вокруг. Поставцы там находились, на которых все было уставлено золотою и серебряною посудой до самого потолка. Кроме того, в сенях также три длинных стола уставили посудой, на которой носили пить и есть.

По окончании обеда слуги разошлись по домам, а паны приближенные в царский дворец, где наслаждались музыкой, но не радостным было то веселье в пятницу. По окончании обеда в покоях у царя был пан воевода, огорчившийся из-за пана посла. Но он быстро ушел.

Дня 20. На следующий день снова в те трубы заиграли, но довольно дурно.

Перед обедом дарили царице подарки от патриарха с духовенством: рысьи меха, соболей, бокалы, парчу.

Перед обедом был пан воевода у царя, уговаривая его подумать, какое большое оскорбление получается чести короля его милости из-за неуважения к его послу, и упрашивая, чтобы этого больше не было, но чтобы посол сидел за царским столом. Хотя и не сразу, но царь согласился с его доводами. Однако в тот день этого уже не могло быть, только на следующий день, из-за чего и пан воевода не сидел за столом в тот день, но обедал в своем дворце с паном послом.

В тот же день жолнеры приветствовали царя. Назначили им вознаграждение по 100 золотых на коня, но они его не получили из-за отмены данного распоряжения. Также не было никаких блюд, церемоний или изысканной музыки.

Жолнеры в тот день были при царском столе. Пил царь за здоровье всего жолнерства польского. Царица в тот день в польской одежде была, а царь в московской. В тот же день лапландцы дарили подарки: рысьи меха и выделанные шкуры белых песцов.

Дня 21. Пан посол отдал в палатах подарки. От короля были вручены 33 штуки особенных бокалов, разнообразных и искусной работы, и очень дорогая цепь.

В тот же день пан посол был вызван и сидел при царском столе, не за тем именно, где царь на троне сидел, но по правую руку поставили столик, за которым сидел он с паном воеводой. Угощали его свиту. Царь и царица в польских одеждах были, в коронах.

Дня 22. *В палате обедали, там же веселились. Поляки у стола служили — дворяне царицы и чашничие, есть готовили также польские кухмистры. Потом танцевали до утра.*¹³⁷

Дня 23. Также поляки служили у стола. Был и пан посол, но за другим столом сидел. После обеда паны приближенные танцевали. Царь переоделся в гусарские одежды и танцевал один раз с царицей, другой раз — с паном воеводой. Церемонии такие в танце были: все паны, желавшие служить в танцах при царице, сначала целовали руку царю, потом шли своим порядком, сняв шапки, пан воевода с паном послом располагались в самом конце, тут же перед царем. Когда танцевали одни паны приближенные, они все снимали шапки, кроме посла, который снимал ее, только проходя мимо царя. Когда пан воевода танцевал с дочерью, он вел ее слева. Танцевал царь

с паном воеводой, а служили им царица с княжной Коширской. Наливали во множестве всякого питья. «Москвы» в тот день не было, кроме Афанасия и Мосальского. Разошлись с заходом солнца.

Дня 24. Угощала царица всех панов московских в своих палатах. Уже в ту ночь собиралась «москва» на улицах, охваченная злобой, готовясь к нападению. И потому жолнеры были вооружены и в полной готовности, понимая, что люди должны взбунтоваться против поляков. Говорили царю, что эти сборища не без причины, чтобы остерегался измены, которой уже были явные свидетельства. Но он был в таком расположении духа, что и говорить об этом себе не дал, а тех, кто говорил, приказал наказать. Поэтому и другие, которые также видели неладное, молчали из боязни.

Дня 25. В День Божьего Тела.¹³⁸ Утихло немного. Однако для того, чтобы наши не заметили, готовились бунтовать ночью. Учинили беспорядки, возведя поклеп на одного из поляков, якобы он изнасиловал боярскую дочь, о чем была на следующий день жалоба царю и расследование, на котором совсем этого не обнаружилось. Они это для того подло учинили, чтобы царь ничего не заметил и чтобы скрыть следы своих бунтов и заговоров.

Той же ночью поймано шесть шпионов, которые пришли в крепость на разведку. Трех убили, а трех замучали.

Дня 26, в пятницу. Пришли жолнеры к пану воеводе, заявляя ему, что становится явно небезопасно. Пан воевода сразу доложил царю. Царь на это посмеялся, удивляясь и говоря, что поляки весьма малодушны. Все-таки он сразу приказал Басманову ночью по всем улицам поставить стрелецкую стражу, чтобы стерегли поляков, ибо уже «москва» явно начала бунтовать и явные признаки возмущения нашим давала. Уже в ту ночь впустили в город разными воротами толпу, бывшую только в миле от Москвы, 18 000 человек, о которых царь знал, только думал, что эти люди должны идти в Крым, ибо ежедневно высылал туда войска. Всеми 12 воротами уже завладели изменники и уже ни в крепость, ни из крепости никого не хотели пускать, а особенно ночью. Однако ж верно говорят, что если кого Господь Бог хочет наказать, сперва у него разум отнимет. Видели уже наши явную опасность, но не сознавали ее и, не заботясь о себе, совсем беспечны были, будто бы у себя в доме спали, ни о чем не думая.

Дня 27. Злосчастный мятеж, для которого изменники уже давно объединились, составляя конфедерации и присягая. Их предводителем в том деле был нынешний царь — Василий Иванович Шуйский,¹³⁹ обещавший поделить между ними крепости и государства и назначить их на высокие должности. Эти войска выпустили против той «москвы», которая могла стать на сторону Дмитрия, вступив в сговор с влиятельнейшими купцами и частью мира. Старшие знали об этом, а другие не ведали. Более всего из Великого Новгорода бояр и служилых людей было к тому готово.

Сперва утром в субботу подавали друг другу на улицах такой сигнал: «В город! В город! Горит город!» — а делалось это для наших, чтобы подумали, что в крепости загорелось. Сразу же окружили все польские квартиры, чтобы находившиеся там не могли дать отпор.

Очень быстро взяли крепость. Потом ударили во все колокола, отовсюду неисчислимая толпа стекалась к крепости. Сперва рассеяли алебардчиков, потом ворвались во дворец. Сам Шуйский с помощниками вошел в первые покои, в которых сперва убили Басманова, обычно спавшего около царя.

В это время царица (она еще была не убрана, и все в свите ее оставались простоволосыми, только что вскочили после сна и едва успели надеть юбки), услышав гвалт в крепости, выбежала, желая узнать, что происходит. Услышав дурные вести, что царя убили, стала она думать, что делать. Сошла она вниз и спряталась в подвале под сводами, но когда ей там не советовали оставаться, снова возвратилась наверх. Когда она поднималась, ее столкнули с лестницы, не зная, кто это, ибо, так думаю, если бы ее узнали, то ей бы не остаться в живых. Однако она добралась до избы и там оставалась среди женщин. Изменники тем временем послали в эти палаты. Был при царице камердинер Ян Осмольский. Он, когда уже лომались в двери, выбежал, нападал на них всюю силою и долго удерживал противников на ступенях, потому что его в узком месте не могли поразить. Только когда уже лишился чувств, его разрубили на куски. Потом пани старостину Хмелевскую ранили, от этой раны она умерла через несколько дней. Ворвались в избу, где была царица с женщинами. Уже более не убивали женщин, только ударились в разбег, ринувшись в покои, в которых они спали. В это время подоспели старшие бояре, разогнали чернь и приставили стражу, чтобы на женщин уже не смели покушаться. Вещи все — и царицы, и женщин спрятали в кладовые за печатями. Царицу со всеми женщинами, остававшимися только в юбках и накидках, проводили в другую комнату, охрняя их, чтобы с ними ничего не случилось.

Все это они делали во дворце, а в это время другие совершили набег на конюшни, которые также были в крепости, за двором пана воеводы, через улицу. Взяли 95 лошадей и убили 25 человек пахоликов и возниц как государевых, так и наших, служивших там. Одна лошадь была хромой, но и с той содрали кожу, разрубили ее на четыре части и унесли.

Пан воевода еще не знал о царе, только видя, что делается, не чаял, останется ли жив. Биться там трудно было, ибо изменники вора приказали с улицы завалить, а мы заперлись во дворе. Тогда немного нас было во дворе, ибо караул на рассвете разошелся по домам, а другие заступить не успели.

Уже изменники советовались, как ворваться во двор, и встали было под хоругвь, но их не пустили.

Жолнеры, находясь на своих местах, также встали под хоругвь, как только на них стали наседать, и хотели пробиться в крепость, но это трудно было сделать. Улицы заставили рогатками и запрудили большой толпой, однако ударить по нашим не смели, только бросившись в их дома, лошадей, челядь и все вещи разграбили. Они же до времени стояли наготове.

Итак, остался пан воевода на своем дворе только со слугами, и с коморниками,¹⁴⁰ и с немногую челядью. Были мы, однако, готовы защищаться, ожидая того же, что с другими случилось на наших глазах. Уже навели пушку почти на наши окна, а другие орудия закатали под стены. Одна надежда была на мощные каменные кладовые, в ко-

торых нелегко нас могли бы добыть, разве что только большою силою. Уже стали кидать камни во двор и бросаться на ограду, немало стрельцов прокралось через ход от монахов, о которых мы ничего не знали. В это время бояре, приехав к воротам, закричали, чтобы пан воевода послал кого-нибудь старшего к панам думным. Не верили мы им, поэтому дали нам в залог одного боярина, начальствовавшего над 500 стрельцами. Послал тогда пан воевода слугу своего старшего Станислава Гоголинского. Пересадили мы его через забор, ибо ворота отворять не смели. Когда они увидели на нем оружие, то поняли, что между нами было много вооруженных людей. Когда он предстал перед панам думными, к нему обратился с речью один сенатор, прозвищем Татищев,¹⁴¹ который был первейшим изменником и предводителем того дела. Татищев объяснял и рассуждал: «Всемогущий Бог простирает свое провидение на все королевства и по усмотрению своему ими правит, а без воли его ничего в них не делается, поэтому и теперь, все что произошло здесь, все это по воле Божьей стало. Тот изменник, который государством нашим овладел, недолго им и тешился, ибо его несправедливо приобрел, не будучи от царского корня. Ныне жизни его и царствованию его конец пришел. А пан твой, поистине, должен был бы заплатить и разделить его участь, потому что был его опекуном. Он изменника сперва в нашу землю проводил, он был причиной всех минувших войн и убийств, он нарушил и смутил тишину в спокойной земле. Но так как его Бог уберег от сегодняшней опасности до сего часа, пусть хвалит Бога и уж далее ничуть не страшится, что ему причинят вред. И дочь его со всеми ее людьми мы сохраним в здравии. Иди же и поведай об этом своему пану».

Лишь когда он возвратился, поняли мы и убедились, что царя убили. С одной стороны, большая печаль, с другой стороны, хотя бы можно было радоваться, что нас оставят в покое. Однако затем у двора снова толпа стала собираться, даже почти на забор залезали. Поэтому снова пан воевода того пана Гоголинского послал сказать, чтобы предводители приказали народу не толпиться, ибо, «хотя и не вмешиваемся мы в это дело, но в отчаянии своем мы можем не удержаться, потому что не стыдно нам будет честно умереть». Тогда чернь отогнали и для безопасности окружили двор стрельцами. Однако все-таки из толпы народа кто-то выпустил из лука стрелу, которая на локоть только выше головы пана воеводы в стену воткнулась. После этого пан воевода на крыльцо не показывался.

Едва мы немного успокоились, как снова ударили во все колокола и стали бить из пушек. В это время осадили всею силою князя Вишневецкого. Он хотел уже со всеми слугами и челядью на конях бежать в крепость либо в поле, не зная, что делается. Но когда его известили, что уже и царя убили, и поляков немало пропало, он понял, что некуда уже было ехать и приказал поставить лошадей, а сам приготовился защищаться в доме. Несмотря на то, что его уже обеспечили охраной и дали нескольких приставов, народ подступил к его двору и ворвался для грабежа. Князь, не дожидаясь, когда толпа, растерзав его пожитки, примется за него, крикнул челяди и ударил по ним. Так как справиться с ним не могли, быстро выкатили пушки и стали бить по зданиям. Обороняясь, преляки убили «москвы» до 300 человек. Немало их уложил насмерть пушкарь, не умевший управляться с пушкой.

Вместо того, чтобы бить по стенам, он занизил дуло и ударил в них же, в «москву», пробив в толпе целую дыру. Сам князь неплохо бил их из лука.

Увидев тогда, что много людей побито, прискакал сам Шуйский (тот, что царем стал) и крикнул князю, чтобы тот перестал сражаться. Взяв крест, поцеловал его Шуйский, обещая князю мир. Тот поверил ему и впустил его к себе. Войдя в дом, Шуйский сильно плакал, видя там очень много убитой «москвы», которые пытались прокрасться с тыла для грабежей. Наши всех побили, другие, пытавшиеся залезть в окна, прыгая, шеи поломали. Тогда Шуйский, боясь, чтобы народ снова не захотел расправиться с князем, взял его с лучшими слугами на другой двор, забрав с собою вещи и всех лошадей. Семнадцать человек у него было убито в том погроме и один слуга.

К пану старосте красноставскому также пытались ворваться, штурмуя дом и подкапываясь под забор. Но когда наши стали защищаться, приехали бояре и удержали народ, после чего поставили около двора стражу.

До этого уже наших очень много побили, особенно на улице Никитской,¹⁴² где располагался царицын двор. Там оборонялись самыми большими силами — до нескольких сотен поляков на одной улице. Но что из того, если не все могли биться, ибо иные еще спали, когда окружили, по отдельности, все их дома. Поэтому каждый на своем дворе защищался с челядью. Либо, если товарищ с товарищем жили близко, они соединялись и защищались вдвоем. Другие, когда у них нечем уже было стрелять, выбегали на улицу с оружием в руках. Легло там «москвы» очень много, ибо наши оборонялись до изнеможения. Вероятно, некоторых обманом взяли, отобрав у них оружие, убивали, и так их больше всего погибло. А где наших было несколько человек или несколько десятков в защищенном месте, не могли им ничего сделать и оставляли их.

Там пали: Андрей Коморовский из Живца — он долго и хорошо оборонялся мечом, Самуил Стрыжовский, Якуб Городецкий, слуга пана воеводы, Станислав Лагевницкий, Ян Забавский, Войцех Перхлинский, Станислав Сумовский, Якуб Сонецкий. Имена других не знаю: Прецлавский, Глинский, Крушинский, Марцинковский, Готард, Ганчик, Куновский, Мяковский, Витовский, Галер, Боболя. Из слуг царских: Склиньский, Станислав Липницкий, Борша,¹⁴³ Чановицкий, Ивановский, Храпковский, Вонсович, Пельчинский, Гарабурда, Головня.

С ними обошлись исключительно жестоко. Они, находясь в одном месте, согласились на то, чтобы сдаться, не защищаясь, так как им присягнули, что они останутся в безопасности. А когда они сдались, спросили их сперва, который старший пан между ними? Отозвались: «Склиньский». Схватив его, положили крестом на стол и там же, отрубив ноги и руки, распоров брюхо, посадили на кол. Других по разному истязали, кроме Борши, который умело защищался в другом доме. Несколько раз с мечом нападал на наступающих, пока, возвращаясь в избу, не наткнулся на засаду в сених, где его подстрелил кто-то из-за угла. Свирский оборонялся. И других немало на этой улице побито, а особенно пахоликов, кучеров, etc.

Там же был убит Пехота, мещанин из Кросно, с сыном, сам-четверт. А которых Господь Бог сохранил, тех совсем обобрали. Из тех,

что в живых остались, много было раненых, поколотых. Притеснения и жестокости свирепые и неслыханные! Над бездыханными трупами измывались. Кололи, пороли, четверговали, жир из них вытапливали, в болото, в гноище, в воду метали и совершали всяческие убийства. Большую добычу с той улицы взяли, ибо много там было зажиточных и богато одетых.

В другом месте те именно, что нападали на князя Вишневецкого, бросились к пану Сигизмунду Тарло, хорунжему пшемысльскому, и быстро схватили его, так как он не мог обороняться против великой силы. Саму пани Тарлову выстрелом тяжело ранили, челяди несколько человек убили, побрали вещи всякие. Сами только в рубахах остались. Там же та же участь постигла пани Гербуртову и пана Любомирского.

Оттуда сразу, ибо недалеко было, бросились к ксендзу Помасскому, секретарю короля его милости. Он в это время как раз совершал мессу. И как только он закончил «*Ite missa est*»,^{*} последние двери выбили. Ксендз еще был в ризе. Тут же образ Пресвятой Девы прострелили. А ксендза, содрав облачения, там же перед алтарем забили, а скончался он на другой день. Убили также и брата его родного, и из челяди мало кто остался. Вещи все растащили. Был там в то время ксендз Александр Сондецкий, каноник бобовский, тот только, сняв облачение, ушел. Сам Господь Бог да и немецкий язык спасли его, ибо думали, что это немец, но если бы заметили, что ксендз, то уж его бы точно убили.

На пана старосту саноцкого не нападали, ибо видели, что там жолнеры. Туда же к нему прибежали пан Немоевский — подстолий коронный, пан Корытко, пан Вольский в поисках надежнейшей обороны. Увидев немало людей наготове, не посмели вступить в бой с ними. Только один негодей в самого пана старосту выпустил стрелу, пролетевшую над головой, и едва его не убил. Тем временем от бояр дали приставов и стрельцов для защиты.

Пан староста луковский, рано услышав гвалт и догадавшись о мятеже, поехал к пану послу для совета, и других немало туда сбежалось. Пан посол как человек добродетельный, невзирая на опасность, приказал всех пускать на двор и после того мятежа долго держал их на своих харчах и сопротивлялся их выдаче. Ибо на Посольском дворе пока было спокойно.

Панов Стадницких осаждали, но там ничего не добились. Они защищались хорошо и очень крепко, так что вынуждены были их оставить. На них нападали те самые лихие злодеи, что были выпущены из тюрьмы и которых они до этого кормили в тюрьме, снабжали пожитками и деньгами. И так им за благодеяния отплатили, осаждая их с великою силою. Но Бог их защитил.

Пани старостина сохачевская, увидев суматоху, в доме своем заперлась и со слугами своими спряталась на чердаке. Оттуда долго ее не могли спустить, видя, что она защищается. Только вещи, лошадей, возы, что внизу были, забрали.

Пан Павел Тарло, сын старосты сохачевского, с паном Самуилом Балем защищались долго в одном дворе. Когда «москва» увидела, что не может одолеть их без урона для себя, она присягнула, что со-

* «Идите, с миром» (лат.).

хранит им жизнь. Поверив этой присяге, пан Баль вышел к ним, отдал свое оружие, и его сразу посекали вместе со слугами, которые вышли с ним. Видя это, пан Тарло не вышел за Балем, но, повернув назад, до конца защищался и остался невредим.

Там же, неподалеку, пана Петра Домарацкого, также присягою и перемирием обезоружив, когда он им сдался, вывели за ворота и убили. Слуги его рады были бы защищаться, но сам же пан, отобрав у них оружие, запер его в спальне. Правда, их не убили, но всего лишили.

Там же убили Яна Голуховского, дворянина короля его милости, который перед этим приехал к царю и был приставом у его посла Татева.¹⁴⁴ Этого, распластав накрест, пороли ножами и необыкновенно над ним измывались. Также пана Ясеневого (что был приставом у посла Афанасия) и челядь они убили.

Пана Цыковского младшего также убили, с которым был пан Яков Бронеvский, но по счастью, либо, вернее, провидением Божиим, он сумел прямо днем, среди этой суматохи, благополучно проехать в крепость к пану воеводе, сам-четверт.

Убили Целаря, краковского купца, и все драгоценности и товары захватили. Другого купца — Баптисту оставили, приняв за мертвого. Его Господь Бог возвратил к жизни, но оставил голым, он потерял большие суммы в золоте и серебре. Также и других купцов немало убили и забрали у них много денег, золота, серебра и других товаров. А более всего пропало драгоценностей, которые приобрел у них царь, но не успел заплатить за них.

Из царской роты убит пан Громыка Старший, сам-десять, и паны Зверхлевские, два брата. Челяди в той же роте, что при лошадях в поле оставалась, убили, как говорили, до 30 человек.

Всех убито, как по имевшейся у нас ведомости и реестрам, так и по известному от самой «москвы» подсчету трупов — до 500 человек, а «москвы» — вдвое больше.¹⁴⁵

Около полудня этот дебош унялся. Несколько раз снова возникали стычки и нашим чинились жестокие притеснения и мучения. Более всего нашим вреда творили чернецы и попы в мужичьей одежде, ибо и сами убивали, и чернь приводили, приказывая нас бить, говоря, что «„литва“ приехала нашу веру рушить и истреблять». Великое кровопролитие и вред неисчислимый из-за той подлой измены произошли. А у нас и у наших старших Господь Бог разум отнял, так что мы до того времени не остерегались, ибо, верно, если бы мы держались сообща и располагались бы рядом, то не посмели бы напасть на нас, и ничего бы нам сделать не смогли, и не погубили бы так много наших. Но что говорить, так Господь Бог захотел совершить и наказать нас за наши беззакония, ибо мы его уже едва не забыли, стремясь к роскоши.

В тот же день по улицам лежали нагие тела убитых с ужасными ранами, вплоть до утра, когда их похоронили всех в могилах под Москвой, других в болотах и гноищах погребли, а некоторых в воду пометали. Тех же, которые укрылись и попрятались, свезли на Земский двор, переписали по именам и прозвищам и кто кому служил. У которых господа уцелели, отсылали их к своим панам, а у которых убиты — держали их в надежных местах и давали питание. Там они обнищали до последней рубашки, по возможности выручая друг друга.

Портрет царя Василия Ивановича Шуйского.
Акварель, из «Титулярника». 1672 г.

В тот же день сперва Афанасий прислал навестить и утешить пана воеводу, затем Татищев, потом Голицын.¹⁴⁶ Эти двое были знатными сенаторами (через них произошла измена).

В тот же день с позволения бояр пан воевода был в крепости у царицы, только сам-четверт, там ему угрожала великая опасность, ибо народ еще не разошелся, и сразу, как только пан воевода вошел туда, ринулись за ним скопом. Бояре приказали запереть двери за паном воеводой. Но народу не прикажешь, ибо в то время большая у них сила была, чем у бояр. Ибо и всегда там

больше мир может, нежели сенат, а особенно когда случаются избрание царя или бунты.

Навестив царицу, пан воевода, видя с великой скорбью и тоской немало всяких тел, лежавших обнаженными без погребения, возвратился на свой двор. Когда он проезжал прямо через эту мятежную толпу, то смотрели на него, как на какое-то великое чудо.

Тела положили на столе,¹⁴⁷ нагие и необычайно изуродованные. Лежали они там в течение трех дней на великое поругание, которое над ними с большой жестокостью чинили, посыпая песком, оплевывая, колотя, обмазывая дегтем, и другую срамоту творили на вечный позор.

Потом Басманова увезли, а то — другое тело, протащили, привязав к лошади, и сожгли дотла. Схоронили их было сперва, но когда установились в тот же день жестокие холода и долго продолжались, а затем и чудеса какие-то над тем погребением стали случаться, то есть свечи горящие etc. — то по совету чернецов и попов, выкопав их, сожгли. Там же случилось *miraculum*.^{*} Когда из последних ворот волокли трупы, начался сильный ветер и сорвал три щита с этих ворот. А щиты встали возле дороги невредимыми, именно так, как они находились на воротах.

Новый царь

Дня 29. Другого царя князя Василия Ивановича Шуйского избрали. На этом избрании было очень мало бояр и народа, без позволения всех избрав, царя сразу представили миру. Он сразу прислал к пану воеводе, чтобы тот ни о чем не тревожился, заверяя его, что все будет хорошо.

Царице давали все необходимое в крепости, но так как готовившихся там блюд она не могла есть, отдали приказ на кухню пана воеводы, чтобы там же готовили еду для нее.

В конце мая, когда уже разослали по всем государствам известие о новом царе, начали съезжаться и приносить ему присягу. Жолнеров пана воеводы, пехоту, также и царскую роту и других вывезли из Москвы до границы. Назначили оставить с паном воеводой 230 человек, однако же нас осталось больше — до 300 человек только челяди воеводской и царицыной.

Раздел 8

Июнь

Дня 2. Царицу вместе с прислужницами перевезли на двор, на котором стоял пан воевода, лишив ее как того, что от царя имела, так и всего имущества.

Дня 3. На следующий день некоторые вещи, а то и совсем пустые сундуки и шкатулки, и платья немногие ей прислали, а дра-

^{*} Чудо (лат.).

гоценности, наряды, жемчуг и все другие вещи, лошадей и повозки задержали.

Дня 9. Прислали за паном воеводой, чтобы ехал в крепость и только сам-десять предстал перед панами думными. Там устроили обсуждение с долгими жалобами, возражениями и репликами с обеих сторон. Всю вину за смуту, происшедшие убийства, кровопролитие они возлагали на пана воеводу, будто бы все это произошло из-за того, что он привел в Москву Дмитрия (которого они называли изменником). А пан воевода объяснял и доказывал свою невиновность. Припомнили и то, «что тебя, пан воевода, Бог чудесно спас (за то его благодари), ибо с тобою то же должно было случиться, что с Расстригою ¹⁴⁸ случилось».

После долгих споров думные бояре допытывались у пана воеводы: ¹⁴⁹ «Каким образом тот человек в Польше объявился?» На что его милость пан воевода панам думным отвечал, что «того человека он не знал и не ведал о нем. С *trefunki* * случайно ехал князь Вишневецкий, зять мой, с Дмитрием через Самбор к королю его милости, с которым и заехал ко мне. Я, имея дело к королю его милости, поехал также вместе с ними и имел в то время при себе своего слугу, который до перемирия был взят в плен и несколько лет находился в заточении в Москве. Слуга знал его хорошо малым ребенком и признал его за настоящего сына умершего Ивана, великого князя московского, что еще более укрепило веру во всех людях. И некий Петровский, ¹⁵⁰ который служил в Угличе, а потом пану канцлеру литовскому, и который также знал его хорошо, тоже признал его перед королем его милостью по верным знакам на его теле, о которых ведал и которые увидел — сразу нам поклялся, что это истинный наследник московский».

«Почему его пан воевода к себе принял?»

Пан воевода: «Свидетельства, которые не только он, но и тот Петровский, и „москва“, стекавшаяся к нему даже в Краков, давали о нем, не только мне самому, но и королю его милости и всем панам сенаторам казались правдоподобными. Из-за чего легко было всему поверить, так как это единодушно показывали и свои, и чужие».

«Почему король его милость дал деньги?»

Пан воевода: «В виде милостыни, будучи христианским государем дал ему через меня из тех денег, которые я должен был отдать королю его милости, несколько тысяч злотых. Также и другие из панов давали ему, и на те деньги он был снаряжен».

«Почему же его пан воевода сопровождал?»

Пан воевода: «Так как никто еще не нашелся, кто бы мог его осудить или что худое о нем поведать, король его милость, надеясь на перемирие, которое было с Борисом заключено, позволил ему добиваться справедливости — как тот считал бы наилучшим образом, не затрудняя Речь Посполитую. И с этим он уехал от короля его милости вместе со мною и пустился в дорогу с таким замыслом. Таким образом, если бы кто-нибудь из вас, панов московских, в то время, как он, воевода, был с ним на границе, дал знать, что он не является дедичем и истинным сыном умершего Ивана, князя великого московского, отказался бы он, воевода, от

* Т. е. Treffpunkt — сборный пункт (нем.).

дальнейших дел и возвратился бы от границы назад. Но вместо того, чтобы воспрепятствовать мне в этом начинании, тогда ежедневно все более к нему прибывало людей, народу вашего. И давали ему присягу в знак верноподданничества, и так более убеждали в том польский народ, что он был настоящим наследником вашим. Крепости ему добровольно сдавались, а именно Моравск, Чернигов, Путивль, еще на границе государства короля его милости выходили с хлебом и солью, поступая к нему в подданство, и принимали с благодарностью как государя. Из-за этого и сам он, воевода, еще больше верил — так много ему крепостей покорилось, хотя он даже сабли не вынимал».

«С какой целью пан воевода посылал за казаками донскими и запорожскими?»

Пан воевода: «Не я посылал, но сам покойный, они сразу, получив его послание, охотно приехали».

«Почему же пан воевода не интересовался письмами, которые принесли от сенаторов московских под Новгородок?»

Пан воевода: «Интересовался и отписал на них, чтобы те, кого прислали, пригляделись хорошо, и потом я узнавал, действительно ли он настоящий царевич».

«Почему же кровь проливал?»

«Не сражался я в битве, встал в отдельном месте, но когда войско туда подступило, и мы должны были защищаться. Однако после той битвы, когда я увидел, что война затягивается, отъехал от него в Польшу, и из польского войска мало кто с ним остался. Он уже имел свое московское большое войско, донское и запорожское, на которое надеялся, хотя и не стоит с таким небольшим числом людей подниматься на войну. Я не посмел бы идти с ним, однако сделал это, так как он уверял меня, что ему сразу крепости должны сдаться и немало готового войска ожидает его. Что все в соответствии со словами его произошло. Из-за этого я и находился при нем, желая сохранить народу вашему. А после отъезда, когда я оставил его с тем войском, в скором времени вы единодушно его все как государя приняли. Вам было виднее, вам, которые его хорошо знали, настоящий ли он ваш дедич, нежели нам, более далеким от него, которые лишь сочувствовали ему».

«Почему же верил, что он настоящий?»

Пан воевода: «Так как вы его приняли за государя своего, и, присягнув ему, поступили в его подданство, в Москву, столичный город, препроводили и короновали, а потом позволили ему выслать послов своих к королю его милости и ко мне, а именно Афанасия, великого посла. А этот для того к королю его милости приехал, чтобы благодарить его от имени Дмитрия, прежде всего, за всяческую честь, которую оказывал ему король в государствах своих, при этом прося короля его милость, чтобы ему позволил породниться с народом польским, в знак того, что он желает вечного мира с Польской короной. Был также и Иван Безобразов, который таким же образом приезжал с благодарностью от вас самих за всяческую помощь, которую получил Дмитрий в государствах его королевской милости. А когда я упомянул Афанасию, что желал бы получить разрешение панов сенаторов московских относительно кондиций, на которых я условился с покойным и по каким бы мог

дать дочь свою в супруги покойному, сказал мне на это Афанасий, что „у нас государь делает, что хочет, не советуясь с панами думными, не так, как тут у вас в Польше“. Когда бы я имел в чем какое предостережение от вас, никогда бы о том не помышлял, чтобы отдать покойному дочь свою или сюда приехать, когда уже и время прошло, которое назначил для отдачи дочери своей в супруги покойному».

«Почему же грамот от нас не ждал?»

Пан воевода: «Был ко мне посланец тот, у которого под Львовом вещи сгорели, о чем знает и Афанасий. Было много и других посланцев, народа вашего московского, людей знатных, также и с Афанасием были, которые неустанно на отъезде настаивали. И, наконец, когда я дома остался, а Афанасий вперед поехал из Кракова к границе, а потом возвратился в Самбор, не желая уезжать без меня и дочери, и в то время я часто спрашивал Афанасия и других посланцев, согласятся ли на это родство паны думные. Он тогда говорил, что все соединились в одном желании и просят о том Господа Бога, чтобы уже в вечном мире после того, как породнятся, с Польшей и королем его милостью жить и постоянно помогать друг другу против любого противника святого Креста, когда бы в этом была необходимость. Из этих заверений мы узнали мнение вашего народа о покойном: каждый считал его настоящим, а другого о нем никто не знал, не слышал. И вы о нем все сомнения устранили, утверждая тем самым, что вы его приняли за своего государя. Вы теперь лишь настаиваете на том, что это был обман, но лучше было бы побережись ранее и не принимать его за государя. Также вы могли и за границу лучше моего его выдворить, заявив, что он не ваш настоящий государь. Тогда бы и я сразу возвратился».

«Зачем же пан с жолнерами приехал?»

Пан воевода: «О войне или о какой измене я не помышлял, ибо и дочери бы своей с собой не привозил и не дал бы ее в супруги покойному, если бы для этого с ними приехал. А такой есть в Польше обычай, чему Афанасий и другие, кто с ним был, свидетели. Поэтому не для войны, но для оказания почести великому монарху тех людей с собою взял, которых, однако, было не более ста, и также несколько десятков верховых и пехоты».

«Почему же здесь хотел веру латинскую ввести?»

Пан воевода: «Об этом не помышлял, но также за тем следил, чтобы дочь моя для спасения души от веры своей не отступала. Поэтому хотел бы, чтобы она в назначенных ей владениях капланов в костелах своих имела, по примеру многих других. Однако те капланы, которые со мною и с другими особами приехали, должны были возвратиться назад в Польшу».

«По какой же причине хотел уни?»

Пан воевода: «Так покойному нравилось самому, без моих уговоров. К тому же он униатскую церковь видел в Польше и на Руси, существовавшую без всякого ущерба для благочестия. И учредить ее покойный у себя желал, чтобы здешнее государство с государствами христианскими такую общность имело, какая может быть без нарушения порядка греческой веры и, напротив, на великую

радость христианству. Чего, однако, без вас, бояр своих думных, сделать он не мог, а также (как видно) начинать не хотел».

Дня 11. Коронация нового царя совершалась довольно скверно, более мужичья было и мало кого из бояр.

Дня 12. Привезли в Москву мертвое тело, сделав вид, что это тело Дмитрия, которого Борис в двухлетнем возрасте приказал убить два десятка лет назад. А здесь был свежий труп.¹⁵¹

Дня 13. С великим обрядом проводили тело в церковь, в которой хоронят московских царей.¹⁵² Там надолго встали. Торжество, церемония, крестный ход со звонами возвещали о больших чудесах, творившихся около того тела. Наняли мужика, который притворился слепым, как мы узнали об этом, и когда его подвели к гробу, прозрел. Но другим — хромым, немощным — никому не помогало. Эти уловки и плутовство, которыми чернь ослепляли, продолжались до следующего дня.

Дня 23. Паны послы были у панов думных. Там, когда всю вину как за нарушение общего спокойствия в государствах своих, так и за пролитие крови московского народа под Новгородком, возложили на короля его милость Речи Посполитой и на пана воеводу сандомирского, на все эти речи панов думных его милость пан Малогощский дал такой ответ:

«Было такое известие и в государствах короля его милости, государя нашего, что по великом государе вашем Иване Васильевиче остался сын Дмитрий в детских летах, и удел ему был дан в Угличе. Был и такой потом слух, что его Борис хотел сжить с этого света, о чем люди и народ наш христианский в те времена печалились. Потом тот человек, которого вы зовете ложным Дмитрием, объявившись в Польше, привел много правдоподобных доводов и знаки на теле показывал, что он есть настоящий Дмитрий Иванович. А Господь Бог его чудесно от тиранства Бориса сохранил, Борис же с помощью уловок и ухищрений был причиной смерти великого государя своего Федора Ивановича и ребенка его,¹⁵³ которого имел с женою своею — с сестрой¹⁵⁴ того же Бориса. Он много родов ваших знатных людей притеснял, так что они оставались вполне беспомощны. Вот почему о делах и ухищрениях Борисовых мы никаких сомнений не имели, ибо не только от того человека, но и от других из народа вашего мы многое о том знали. И из вас недавно некоторые, *privatim** с нами говоря, то же свидетельствовали и об этом же высказаться не преминули в разговорах своих — об ухищрениях и злости Борисовых, что на жизнь прирожденного государя своего покусился. Однако рассказу того человека не только король его милость, государь наш, но и прочие люди не верили и многое время на него почти не обращали внимания.

Потом люди из народа вашего московского, из разных крепостей, до нескольких десятков человек к нему собрались, и все, как один, утверждали, что это и есть настоящий Дмитрий Иванович, владетельный царевич. Когда с ним к королю его милости приехали, король его милость не утверждал, что это истинный Дмитрий царевич. Но, с другой стороны, он припомнил подобные предивные Божьи чудеса и многие примеры из истории, как на жизнь детей королевских

* Частным образом (лат.).

и царских для достижения государства злые люди с разными уловками посягали. Но Господь Бог их чудесно охранял и возвращал им государство. Знал король о злости этого тирана и имел знаки недоброжелательности его — в задержании и в строгом содержании послов своих в течение немалого времени.¹⁵⁵ Раньше тот же Борис нарушил подтвержденный присягой договор, послал в землю королевскую войско свое, крепость князей Вишневецких Прилуки приказал разрушить и сжечь, а людей мирных, не ожидавших нападения и к бою не готовых, мужского и женского пола, и детей малых, всех до 300 человек приказал убить.¹⁵⁶ А к границе велижской, во время работы комиссии, учрежденной по договорам, своих комиссаров не выслав, отправил войско свое на восемь миль за границу королевскую в волость Велижскую. И всею волостью до самого замка хотел завладеть. Таким образом кровь людская должна была литься с обеих сторон по его вине. Также и по другим местам около границы люди московские, по его умыслу, обиды и озорство великие чинили, так что король его милость от жалоб и плача своих людей часто и непрерывно покоя не имел. На эту тему паны сенаторы короля его милости с вами, боярами думными, обменивались письмами.

Тогда, из-за столь неприязненного отношения к нему со стороны Бориса, соблаговолил король его милость решить, что из-за Бориса, человека неискреннего и не считающегося с расположением короля его милости и всей Речи Посполитой нашей, не должен он того Дмитрия сдерживать, ни в тюрьму заключать, ни приказывать его отослать к Борису, что могло быть проявлением доброй и искренней дружбы. Учитывал король также договоры между государями и государствами, утвержденные присягами, которые король его милость как христианский благочестивый монарх с каждым своим соседом привык соблюдать, так что не следовало из-за Дмитрия войны с вами начинать. Пустил он все это на саму волю Божию, считая, что если он настоящий царевич и Господь Бог его чудесно от смерти сохранил, то он легко в столицу своих предков с помощью самого Бога может вступить.

Ни гетманов своих коронных и Великого княжества Литовского, великих¹⁵⁷ и польных,¹⁵⁸ через которых есть обычай у короля его милости, пана нашего, и у Речи Посполитой с неприятелем войны вести, ни войск своих с ним король не посылал. И так этот человек не царевичем, но, скорее, нищим в народе нашем считался. И некоторые ради Бога снабдили его милостыней, как люди христианской веры, что и вы, будучи христианами, привыкли делать по отношению к убогим людям. Другие, например, пан воевода, человек добродетельный и чистосердечный, поверили, будто этот человек истинный царевич. Он дал себя уговорить ему и „москве“, при нем находящейся, и верному небольшому числу людей позволил идти с ним к границам московским. А он и та „москва“ уверяли, что московские люди за границей с хлебом и солью его поджидают и сами с крепостями ему как прирожденному государю будут сдаваться. И если бы этого не случилось (как он уверял), пан воевода сандомирский с теми людьми должен был бы возвратиться от границы, чтобы не нарушались установленные договоры.

Когда пришли к московской границе, московские люди еще перед границей в земли короля его милости поспешили к Дмитрию (как он

уверял) с хлебом и солью. Сдались ему Моравск, Чернигов добровольно, чем еще более подтвердили веру у людей, что он настоящий Дмитрий. Поэтому, хотя и были грамоты от имени бояр думных, к панам сенаторам литовским и от имени духовенства здешнего к духовенству коронному, „москва“, которая при том человеке была, приняв его за своего царевича, сделала вид, что те письма посланы от самого Бориса, утаившегося от вас, бояр думных, и духовенства вашего. Поэтому король его милость и паны сенаторы, одному против другого не помогая, также и не препятствуя, издаലെка за всем наблюдали, дожидаясь, что по справедливости Божьей разрешится дело между ними.

Когда в Новгородке Северском часть „москвы“ оказала сопротивление, а Борис прислал к королю его милости Постника Огарева,¹⁵⁹ называя этого человека, как вы его теперь зовете, Отрепьевым, а не Дмитрием и вспоминая о договорах, тогда король его милость, пан наш, мира утвержденного не нарушил и, по требованию Бориса, суровые универсалы¹⁶⁰ свои к пану воеводе сандомирскому и к другим людям, которые под Новгородком были, приказал послать, чтобы прекратили поддерживать того человека и сейчас же выехали от московских границ. По этой причине пан воевода и находившиеся с ним польские люди сразу оттуда уехали. Он один с казаками вашими донскими, отчасти с запорожскими и с другими людьми из народа вашего московского, которые его за государя приняли, там остался.

По отъезде пана воеводы сандомирского много замков, изменив Борису, приняло его как настоящего государя. Потом, по смерти Борисовой, когда уже вы вольными и без государя остались, король его милость в то время полагал, что, будучи уже вольными, ни от Бориса, ни от Дмитрия не испытывая давления, вы должны дать королю его милости достаточные и правдивые сведения об этом деле. Однако, вместо того чтобы дать эти сведения, войско ваше московское, все самое лучшее, что под Кромами стояло, князя, воеводы, люди знатные и рыцарство, добровольно приехав, поклонились тому человеку, и, государем и дедичем своим признав, в столицу проводили. И хотя еще Дмитрий далеко от столицы был, вы, бояре думные, жену Борисову и сына его под стражу в тюрьму посадили, а самые лучшие из вас, как князь Мстиславский, князь Шуйский и другие, в Тулу к нему, в 30 милях от Москвы, добровольно приехав, за государя своего признали, дали ему присягу и, в столицу препроводив, короновали. А затем вы сами, как те, которые там у нас в посольстве бывали, так и здесь, после приезда нашего, делали вид, что невозможно, чтобы народ наш государя вам в столице вашей посадил, но что вы его сами себе добровольно взяли. И так он стал вашим государем.

Погом посла своего Афанасия Власьева, знатного московского дьяка, который от Бориса Годунова у короля его милости, у цесаря христианского и у других государей послом бывал, послом к королю его милости допустили отправить. Тот, имея при себе нескольких московских дворян, здешних людей знатных, *credenciales** грамоты с печатью здешней московской королю его милости отдал, за хлеб и

* Верительные (лат.).

соль и всякое добро, которое тот человек получил в государствах короля его милости, благодарил и извещал о том, что жаждет великой дружбы с королем польским, паном нашим и Речи Посполитой нашей, для себя и для государства московского. Севший на московский трон просил при этом, чтобы король его милость позволил его милости пану воеводе сандомирскому дочь свою дать ему в супруги. Его королевская милость, будучи христианским благочестивым паном и желая, чтобы его государства с государствами московскими соединились, вместе против неприятелей святого Креста встали, сомнений о нем уже никаких не имел (разве может он быть ненастоящим после таких великих подтверждений от вас самих?) и с радостью разрешил это. Совершил Афанасий, именем государя вашего, помолвку с дочерью пана воеводы. Бывали перед этим и потом гонцы у короля его милости и у пана воеводы сандомирского, и все уверяли, что он настоящий Дмитрий. Тот же Афанасий и другие посланные сюда из Москвы от него и от вас самих благодарили пана воеводу за те почести, которые он в государствах короля его милости будущему царю оказывал.

Затем пан воевода проводил сюда свою дочь, а король его милость послал сюда нас, своих послов, на свадьбу и для установления добрых отношений, ведущих к вечной дружбе между вами и нами. И сенаторы московские знатные князь Василий Мосальский и Михаил Нагой с немалым полком московским пана воеводу и дочь его на границе встретили и к самой столице проводили.

Вы, бояре думные, в шатрах еще за городом ее приветствовали, за государыню свою приняли и присягнули ей в подданстве по своей вере. Потом публично патриархом и епископами вашими, с церемониями вашими славянскими, она была единодушно всеми коронована.

Также нас, послов, под Смоленском по обычаю встретили и с приставами сюда к самой столице проводили. Посольство мы публично отправляли, сами с вами на переговорах заседали. О том, что это мог быть ложный Дмитрий, ни от одного из вас не слышали мы. И хотя у некоторых людей в нашем народе прежде некое сомнение было, но вы сами, „москва“, перед всем светом явным свидетельством своим все эти сомнения решительно уничтожили и о том, что это настоящий прирожденный государь, подали несомненное известие всем соседним королевствам.

А теперь, вопреки прежнему свидетельству и присяге вашей, убив его, сами против себя говорите, короля его милость, пана нашего и Речи Посполитой нашей, несправедливо вините, а это вина ваша собственная. Мы о его убийстве никаких разговоров не ведем, ибо нам его не за что жалеть. Сами же видели, как тогда, когда в первый раз староста велижский был послом у него от короля его милости, и как теперь с нами обоими он вызывающе держал себя, домогался необычных титулов цесарских, короля его милость, пана нашего королем называть и листов короля его милости принимать не велел, в гордости и напыщенности великой возносился. Однако вызывает у нас великое удивление, что вы, бояре думные, будучи людьми (как мы думаем) рассудительными, осмеливаетесь в этих делах сами против себя говорить, короля его милость, пана нашего, несправедливо обвинять. А того увидеть и понять сами не хотите, что человек, который назы-

вался настоящим Дмитрием и которого вы называете ложным, из вашего народа был — москвитин. И те, кто его поддерживал, не наши, но ваши — „москва“ у границы с хлебом и солью встречала, „москва“ крепости и другие волости сдавала, „москва“ в столицу провожала, в подданстве ему присягала и в столице как государя короновала. Потом сами и убили. То-то, коротко говоря, „москва“ начала, „москва“ и закончила. Поэтому вы не можете ни на кого сетовать и жаловаться. Если же на вас свалились непомерные несчастия, должны вы их отнести за счет своих грехов и Божьего гнева.

С великим изумлением и жалостью мы видим, что так много знатных людей из народа нашего, которые ни одного разговора с вами о том человеке не вели, на войне, которую вы здесь вспоминали, с ним не были, также в охране его здесь не были, потому что он вам самим — „москве“ доверял жизнь свою, за него с вами не сражались — этих людей убили, замучали, кровь великую пролили, скарб великий разграбили. Еще вы сами нас вините в том, что с нашей стороны нарушено перемирие. Вместо того, чтобы утолить нашу печаль, вы ее еще усиливаете. И самый большой неприятель пана нашего, короля его милости, и Речи Посполитой, отчизны нашей, рассудил бы в нашу пользу, и наверняка по разумению людскому для любого внимательного человека вся вина ваша обнаружится. Мы полагаем, что договор менее всего с нашей стороны нарушен. А о том пролитии крови братьев наших, что вы на народ перекладываете, так мы думаем, что вы виновных покарать не хотели. И это объяснение ваше в то время принимая, думали мы, что вы, этот несчастный нынешний случай грехам своим и Божьему гневу приписав, его милость пана воеводу с дочерью и других людей, которые в живых остались (как можно скорее со всем их имуществом при нас, послах короля его милости), желаете отпустить в Польшу к королю его милости. И об этом мы сами теперешнему государю вашему ради прочного будущего мира челом били. Мы также к королю его милости, пану нашему, приехав, добивались бы того, чтобы установить вечный мир. Но так как нас, вопреки обычаям всех христианских государей, да и бусурманских, вы задерживаете и тем короля его милость, пана нашего, и Речь Посполитую нашу, Польскую корону и Великое княжество Литовское, оскорбляете, то уже трудно это на чернь возложить. Поэтому и вина за то пролитие невинной крови братьев наших не на народе, на который вы ее перекладываете, но на сегодняшнем государе вашем, на вас самих, боярах думных, находится и оставаться должна. После этого, наверное, ничего доброго между народами вашим и нашим быть не может. А Господь Бог видит, что после этого с обеих сторон между нами, христианами, установилось зло, будь то по вашей или по нашей вине. И вы за это должны будете дать отчет Господу Богу по суровому счету».

Получив ответы панов послов, далее с ними не спорили. Только сказав, «что вам, как тем, которые отправлены послами не к нынешнему государю нашему великому, князю Василию Ивановичу, но к прошлому Расстриге, не следует так много и вольно говорить», — отправили их на свои дворы.

Дня 22. Посла своего по имени Григория Волконского отправил царь к королю его милости,¹⁶¹ с которым позволили каждому из

панов наших отправить своих посланцев и письма послать. И послали.

Дня 25. Снова собрался мир, до нескольких тысяч перед воротами крепостного двора, на Лобном месте, где им имел обыкновение царь представляться, с оружием, с камнями. Не ведали мы, по какой причине, только к нам слухи доходили, что часть бояр, не известив царя и других бояр, взбунтовала их, сказав, что царь приказал оставшуюся «литву» побить. Выезжал к ним царь спрашивать, по какой причине они собрались, и, поняв, приказал им разойтись, и тех бунтовщиков потом наказали. Были мы, однако, в тревоге несколько дней, проводя их без сна.

Раздел 9

Июль

Дня 1. Начали до нас доходить слухи о Дмитриии, что он смог уйти от той опасности, но мы этому не верили.

Дня 8. Перевели пана воеводу с царицей; дочь его со всей челядью перевели из крепости, из Борисова двора, за другие стены — на двор Афанасия, который был послом, а самого посла, вскоре по смерти Дмитриия, сослали в опале в Сибирь.

Дня 15. Пана старосту саноцкого первый раз отпустили на несколько часов к пану воеводе.

Дня 22. Как и в другие дни, бояре (которые там в то время большую власть имели, нежели сам царь), порвав с Речью Посполитой, когда услышали о неприятеле, выезжали в поле и договаривались с миром о нашей жизни. Мир на это не соглашался, говоря: «Бейте их сами, пусть вам так же достанется, как и братьям нашим». Потом бояре между собою договорились, чтобы нас по разным крепостям разослать. В те дни были мы в тревоге, когда до нас доходили такие вести.

Раздел 10

Август

Дня 1. Волнения были в крепости из-за подброшенных грамот, которые были подписаны именем Дмитриия. Не хотели их читать публично. Но, понимая, что это подделано было, сличали, собрав всех дьяков, почерк и грамоты. Но такой руки обнаружить не могли.

Тем временем также войска выслали из Москвы, ибо им «пристегнули фалды».* Пограничные крепости, начиная с Путивля, стали сдаваться.¹⁶²

Вести были то о Петрушке, сыне государевом,¹⁶³ то о Дмитриии,¹⁶⁴ то о обоих вместе, что войско к ним пограничное собиралось, присягая и повинаясь ему. Поэтому насильно люд на войну гнали.

* Przypinano faldów (польск.), т. е. задали жару.

В тот же день первый раз князю Вишневецкому позволили быть у пана воеводы.

Дня 2. Разобрали мост в крепость у одних ворот. Очень много огнестрельных орудий установили.

Дня 3. Пану старосте красноставскому первый раз очень долго позволили быть у брата, у пана воеводы.

Дня 8. Князя Вишневецкого со всем двором его, присоединив слуг и жолнеров пана старосты саноцкого, выслали из Москвы в крепость Кострому, от столицы в 54 милях, на подводах. Лошадей ни ему, ни челяди не возвратили, а пана старосту саноцкого присоединили к пану воеводе, отцу его.

Дня 10. Пану Тарло, хорунжему пшемысльскому, также первый раз позволили быть у пана воеводы.

В тот же день выезжал царь за город в монастырь и ночевал там.

Дня 11. Там же царь в день Спасов¹⁶⁵ купался в реке. Обычай их таков, что каждый в тот день должен искупаться, по крайней мере, совершить омовение в память Христа Спасителя. Там же царь угощал бояр и стрельцов, которые его провожали на тысяче коней. Сам он верхом ехал, а карета за ним шла о шести лошадях, которых вели за поводья.

Дня 14. Панов Стадницких двух, Мартина и Андрея, а с ними пана Немоевского, пана Вольского и пана Корытку отослали в крепость, называющуюся Ростов, от Москвы в 35 милях, но там они недолго были, ибо их потом послали в другую крепость.

Дня 16. Загорелись кузницы, и сгорело их пять, из-за чего были мы в тревоге, думая, что это сделано намеренно, для какой-нибудь свары, ибо кузницы располагались перед двором пана воеводы.

Дня 17. Пана старосту саноцкого, брата царицы, с оставшейся челядью и лошадьми перевели к пану воеводе.

Дня 18. Пана Тарло с женою, с пани старостиной сохачевской и с пани Гербуртовой, и с паном старостой сохачевским выслали в крепость, называющуюся Тверь, находящуюся от столичного города Москвы в 40 милях.

Дня 20. Загорелся порох в городских лавках, и взрывом разрушило три каменных лавки и несколько деревянных. Теми обломками убило до 40 человек, а раненых унесли с площади до 100 человек. Встревожился было и сам царь. Услышав этот грохот и не зная причины, он сразу приказал запереть крепость.

В тот же день была тревога между ними, ибо дали знать от войска Шуйского, что битву проиграли. Еще большая тревога была, когда услышали, что Дмитрий спасся и якобы ушел из этой битвы, разбив войско.

В тот же день приказано пану воеводе с царицей, дочерью его, с паном старостой красноставским и сыном его, а также панам старостам луковскому и саноцкому готовиться ехать в крепость, называющуюся Ярославль, расположенную в 42 милях от столичного города Москвы. Пан воевода и остальные согласились. Возвратили им на ту дорогу для возов несколько цугов лошадей, сильно похудевших, а верховых и хороших ровным счетом никаких. Нарушено было и слово царя, который пообещал ранее пану воеводе, что тот не двинется из Москвы, так как здоровье ему не позволяло ехать в дорогу.

Дня 26. Готовясь к отъезду, мы проверили всех по реестру, составленному после погрома, и включили вышеупомянутых панов и их челядь. Кроме того, было причислено к нам 58 человек шляхты и купцов (те, которых сначала забрали во время погрома на двор, называемый двором Глинских), к ним еще прибавили Запорского и Дворжицкого. Послал их царь с нами по просьбе пана воеводы. Было у нас всего 375 человек, включая женщин, свиту царицы. В тот же день, за час до наступления темноты, отправили нас в дорогу, дав нам 300 стрельцов.

Ночевали мы в Ростокине над рекой Яузой, в миле от Москвы (они считают в миле 5 верст).

Дня 27. В Воздвиженском селе, миль 9, верст 45. Тою ночью в Москве сгорела часть Борисова двора, где останавливался пан воевода, и монастырский двор, пострадала также стоящая рядом церковь. От того ночлега в 2 милях стоит каменный монастырь святой Троицы в очень красивом месте. В нем делают всякие чашки и ковши из кореньев etc.

Дня 28. Ночлег в Дубнах, миль 7, верст 35. Доходили до нас разнообразные слухи о Дмитрие, но либо слишком отрывочные, либо не достоянные доверия.

Дня 29. Ночлег в Глебовском селе, миль 7, верст 35. В тот же день нагнала нас подвода, на которой очень спешно везли донского казака в переславскую тюрьму. Он был взят в плен из войска противника. Случилось одному из наших немного поговорить с ним, и он, когда его спросили о Дмитрии, также уверял, что Дмитрий жив.

Дня 30. Ночлег в Переславле, миль 7, верст 35. Там в доме царицы поймали бабу, снявшую кожу с жабы и начавшую что-то колдовать. Но ее вовремя заметили.

Дня 31. В Петровском селе, миль 8, верст 40. Той ночью среди стрельцов кого-то зарезали. От этого села четыре мили до Ростова, куда привезли панов Стаднических. Ехали мы мимо, но нам не позволили увидеться с ними.

Раздел 11

[Сентябрь]

Дня 1. Переправившись через реку, называющуюся Устье, ночевали мы в селе Ладовица, миль $5\frac{1}{2}$, верст 28.

Дня 2. Ночевали паны в селе Сидосково на реке Которосли. А слуг и челяди половина, переправившись, ночевала на другой стороне в селе Кузминском, перебравшись в которое на следующий день, в воскресенье, все отслужили молебен. Миль 6, верст 30.

Дня 3. Ночевали мы в предместье ярославском, которое зовется Слободой,¹⁶⁶ ибо в тот день не хотели нас везти в город. Миль 3, верст 15. Всей дороги от Москвы до Ярославля 213 верст, наших ровных 42 мили.

В тот же день везли мимо боярина, некоего Ивана Томалчана,¹⁶⁷ в Сибирь, в тюрьму, из-за того, что советовал послать и разузнать, действительно ли Дмитрий ушел, и, если бы был жив, чтобы ему лучше снова отдать государство, не губя людей. Вместе с ним за-

ключили в тюрьму некоего Семенку Белка, казака по происхождению, атамана, и других осужденных везли на нескольких возах из того войска. Не мог ни один из наших подойти к нему, чтобы с ним поговорить, потому что «москва», которая держала их под стражей, не хотела подпускать.

Дня 4. Перевезли нас через ту реку Которосль, которую мы все уже переезжали. Указали нам дворы в предместье за валом, а именно четыре двора, в которых приказано остановиться панам: три вместе, а четвертый поодаль. В одном остановился пан воевода с небольшим числом слуг, рядом, в другом — царица со свитою своею, в третьем, напротив, — пан староста луковский и саноцкий. А в дальнем — пан староста красноставский с сыном и со всею челядью. А другим дали дворы поблизости, в соответствии с числом их людей. В дороге оброков нам давали очень мало, а лошадям ничего не давали.

Тот город имеет немалую крепость, но непригодную. Каменных строений в городе никаких не имеется, кроме каменного монастыря, обнесенного стеной. Крепость сгнила, огорожена забором, располагается на холме, в развилке между двумя реками. С одной стороны течет та, которую мы переезжали, а с другой — река Волга, от берега до берега очень большая. Город от предместья отделен насыпным валом высотой в два копья. И мы за тем валом остановились.¹⁶⁸

Дня 7. В час ночи загорелось в царицыных покоях от печи, которую только что поставили и протапливали. Были мы в тревоге, поднялась большая суматоха, пламя уже высоко взвивалось, ударили всполох, «москва» сбежалась с торбами¹⁶⁹ гасить пожар. Когда бы их стрельцы не остановили, не знали бы мы, что делать — то ли от «москвы» обороняться, то ли от огня. Хотели уже, все вещи бросив, взяться за оружие для защиты своей жизни, но дал Господь Бог, огонь потушили.

Дня 9. Отобрали у нас лошадей и послали на пастбище. Все паны хотели их содержать на свой кошт, но этого не позволили. Однако до нескольких десятков лошадей осталось.

Дня 13. Встревожили нас, рассказав, что царь приказал оставшихся поляков перебить по той причине, что якобы войско могло в его земли вторгнуться. Но это была ложь, как и другие беспочвенные слухи, которые о Дмитрии приходили.

Дня 17. Пришло известие к пану воеводе, что под Ельцом пять тысяч войска Шуйского наголову разбито.¹⁷⁰

Дня 18. В час ночи загорелось неподалеку от нашего пристанища, и сгорело 12 домов.¹⁷¹

Дня 21. Снова пришло известие, что войско Шуйского, 8000, побито под Кромами, гнали их 6 миль и били, из-за чего в Москве была тревога.¹⁷² Сразу послали по крепостям для сбора войска, сгоняя всех силою в Москву.

Дня 24. Послали приставы за паном Запорским, Яном. Взяли его к себе и посадили под стражу. А потом он был заключен в тюрьму по царскому приказанию за то, что тайно посылал своего хлопчика с письмами в Москву.

Были мы из-за этого в тревоге несколько дней, ибо из многих мест доходили слухи, что на нас должны напасть.

[Октябрь]

В те дни непрестанно люди Шуйского из полков уезжали, притворяясь, что никаким способом не могли устоять перед врагом. Говорили о больших тревогах в Москве. И в самом деле, мы своими глазами видели, что бежали многие их знатные бояре с женами из Москвы, услышав о большом войске под Серпуховом. Пришла также весть, что в Москве решили запереться. Приставы хотели отобрать у нас оружие, но мы не дали. Якобы то войско Дмитриево пришло под Москву,¹⁷³ и это нас сильно встревожило, пугали нас «потопом» и другими угрозами.

Дня 25. Те несколько десятков человек, которых глинскими звали (по имени двора Глинских в Москве, как выше упоминалось), когда им приказали перебраться на Татарский двор из тех домов, в которых они стояли, не хотели делать этого никоим образом. Потому что на том дворе несколько сотен татар, пленников, от поветрия умерло, и тела их еще там оставались. Неубранный труп самого мурзы лежал у него на дворе, и рядом с ним тела его двух сыновей, а под полом было очень много других трупов, которые при нас вывозили. Наши, вместе с тем, боялись оказаться там в заключении. Но их морили голодом так, что некоторые решили перебраться, другие же, сколько можно было, настаивали на своем и вынудили разместить их вместе с нами. Но потом, когда пану воеводе построили другой двор, в котором он должен был разместиться со всеми, и тем из-за тесноты не осталось места, они вынуждены были податься туда, на Татарский двор.

Дня 27. Пришла весть, что шведы должны вторгнуться через границы под крепости Корелу и Орешек.

Дня 28. Пришли грамоты Шуйского в Ярославль, чтобы не верили тому, что Дмитрий мог остаться живым, ибо его еще в Угличе Борис приказал убить, а мощи его, то есть останки, привезли в Москву, и теперь от них происходят всякие чудеса. А тот, которого в Москве убили, был Гришка Отрепьев, Расстрига. «А что ныне другой такой изменник объявился, который нашу землю разоряет, собрав войско таких разбойников, каков и сам, так что города и замки, одни — взял силою, другие прельстил, назвавшись Дмитрием, — если бы он к вам туда прислал, не верьте ему, но сохраняйте лучше веру мне, которому вы присягнули, и остерегайтесь загонных людей того разбойнического войска, которое стоит под Москвой. А за меня просите Господа Бога, чтобы мне помощь против этих изменников оказал по своей милости».¹⁷⁴

Дня 30. Такие же грамоты пришли, их публично читали.

Ноябрь

Дня 1. Во второй раз сказали приставы пану воеводе царскую волю, то есть, чтобы мы все оружие отдали им в руки. Не дали мы

об этом слова вымолвить, поэтому они обещали взять оружие силой, известив о том царя. В те дни были праздники, пьяное мужичье кричало и бунтовало. Из-за их бесчинств каждый раз удаляли в колокола, отсюда и между нами была тревога, ибо мы думали, что это намеревались собраться на нас, чтобы взять оружие.

Дня 5. Пришла весть, что из Москвы ушло войско под Серпухов и на другие крепости, а за ним должны были отправиться с войском князь Мстиславский с князем Дмитрием Шуйским.¹⁷⁵

Дня 8. Грозилась отослать нас еще дальше, а именно, в крепость Вологду, от Ярославля в 36 милях. Причина этого была в том, что боялись загонных людей и хотели выманить у нас оружие.

Дня 11. Снова приезжали приставы, домогаясь царским именем оружия у пана воеводы, на что им попросту говорили: «Оружие не дадим, хотя бы жизнь за него пришлось положить». Поэтому намеренно устраивали нам частые тревоги, желая нас устроить.

Дня 16. Слуги пана старосты красноставского поссорились со стрельцами, которые стояли на страже у ворот, и ранили одного. Уж было начали звонить из-за шума, но появился пристав и также наши вмешались.

В те дни возвращались бояре и войско Шуйского после поражения и признались сами, что до 7000 убитых на месте осталось, а еще до 9000, ограбив всех и бив кнутом, враги отпустили по домам. Была та битва в 8 милях от Москвы, после чего войско быстро подступило к Москве.¹⁷⁶ Мы уже хорошо знали о том, что их позорно разбили, они всегда проигрывали, только не знали мы, кто нанес им поражение. Говорили все как один, что Дмитрий, но нам не верилось, другие говорили о Петрушке.

Дня 21. Везли нескольких наших поляков через Ярославль, но нам с ними не дали увидеться. Один из наших все-таки увидел пана Юрия Стадницкого и говорил с ним, но, поймав, дали ему розог. О панах Бучиньских и пане Домарацком, который был ротмистром у Дмитрия над поляками, говорили, что они могли быть с панами Стадницкими. Ибо только несколько слов успел сказать пан Стадницкий тому хлопцу, чтобы он рекомендовал слуг пана воеводе. Но объяснить, по какой причине отослали их, не мог. Мы от стрельцов знали, что из-за тревоги, которая была в Москве в то время.

Дня 24. Один из наших, некий Быльчинский, сговорившись с москвитиною, ушел пешком из Ярославля в мужичьей одежде. После его ухода приставы очень встревожились, потом сделали вид, что его убили в дороге.

Дня 29. Боярин по имени Неудача¹⁷⁷ приехал от царя либо неведомо откуда, только он, говорили, был намеренно послан для того, чтобы отобрать у нас оружие. Он сразу приказал весь мир выгнать на вал, чтобы нас устроить, а сам с приставами приехал к пану воеводе и царским именем хотел непременно получить оружие. Сказали паны: «Как мы вам несколько раз говорили, и теперь говорим, что оружие отдадим вам с жизнью нашей». Хотели они нас устроить, но сами натерпелись страха, ибо наши, увидев несколько тысяч людей на валу, схватились за оружие.

Приставы замкнули ворота, к которым, когда стрельцы стали запирать их и оборонять их от наступающих, бросился один из наших и отпугнул осаждавших. Заверили нас после этого, что мы можем оставаться спокойны. Приказали разойтись черни, и сами уехали прочь, обо всем дали знать царю. А тот боярин остался в Ярославле дожидаться указаний от царя, ибо он должен был нас развезти, отобрав оружие. Но нам об отъезде никто не напоминал, так как хотели выманить у нас оружие. Мы также услышали, что панов Стадницких приказано отвезти на Белоозеро, отобрав у них оружие.

[Раздел 14]

Декабрь

Дня 3. Прибежали приставы к пану воеводе, рассказав ему in secretis, что несколько из наших, объединившись в конфедерацию, собрались в дорогу. Они просили, чтобы пан воевода воспрепятствовал этому, дабы не навлечь на себя затруднений. Отсюда мы узнали, что между нами достаточно было изменников, так как первым об этом стало известно головам, а не пану воеводе и нашим. Пан воевода предотвратил это, как они просили при встрече с ним.*

Дня 7. Пришли вести, что снова войска Шуйского побито немало, даже в город под конец въехали. Правдивы ли те вести были, того не знаю...

Дня 8. Другая весть, что Москва в осаде, некоторые дороги заняты и продовольствие, которое отправляли в Москву, забрано якобы для войска Дмитрия. В Москве голод, тревога и великие убоицы.

Дня 10. Читали публично на рынке и в монастыре грамоты, чтобы просили Бога за царя Василия Шуйского и радовались, потому что он разбил наголову все изменническое войско. Но чернь этому не поверила, думая, что это был вымысел, и зная, что Москва в осаде.

Дня 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19. В эти дни нам пищи никакой не давали, говоря, что не стало денег. Мы и сами видели, что посланцы не могли добраться до Москвы, и из Москвы не было никого. Поэтому мы должны были покупать себе все сами, кто имел на что. Несмотря на то, что нас довольно нужда прижала, однако мы еще держались как-то, и не так нас это удручало, потому что мы все покупали тайно через стрельцов.

Одни предлагали уходить, не дожидаясь худого конца, но старшие головы были против этого, не желая раньше времени добровольно подвергаться опасности, и предпочитали лучше дожидаться милости Господней. Так и решили, но были мы, однако, в немалой тревоге и страхе, ибо ожидали более зла, нежели добра из-за этой задержки с пропитанием. Более того, тревожило нас, что стрельцы, наши стражники, начали убегать по несколько десятков.

* Тайно (лат.).

Дня 20. Пришла весть, что то войско, которое осаждало Москву, наголову разбито.¹⁷⁸ Между ними учинилась великая радость, ударили в колокола. Ибо там везде такой обычай.

В тот же день дали нам пищу.

В тот же день показалось небольшое войско под городом. Не знали мы, что это за люди были. Одни делали вид, что это часть войска, другие говорили, что разбойники.

Дня 23. Снова пришла весть, что то войско, которое под Москвой было, разгромлено и рассеяно. Других, загнав в Москву-реку, потопили. Мало кто из них ушел.

В Рождество Господне болезни между нами усилились, так что мало таких осталось, кого бы горячка, либо горло, либо кашель не мучали. Все же недолго это было. В такой нищете и несчастье, по воле Господа Бога всемогущего, закончился в Ярославле 1606 год.

Книга II

ЛЕТА ГОСПОДНЯ 1607, В ЯРОСЛАВЛЕ

[Раздел 1]

Январь

Дня 1. Неудачный послал нам Господь Бог новый год. Пошли мы спать голодными, а наутро нам убавили еще на третью часть всей пищи и питья. И до этого-то скудно было, а теперь еще на треть меньше. Господь Бог нас еще более этим хотел наказать, ибо мы не умели сдерживать себя, живя в роскоши.

Дня 2. Подтвердили первое известие, что то войско, которое было под Москвой, после перехода нескольких тысяч людей при столкновении с царскими полками (те, которые предали, пошли на битву под стены и там перекинулись на другую сторону, к «москве»), частью разгромлено, а частью рассеяно; других, поймав, потопили. Оставшиеся отступили в Калугу, за ними пустился князь Дмитрий Шуйский с несколькими десятками тысяч людей и там их осадил. Об этом ниже.

В то время стали наши тайно замышлять об отъезде и осторожно подбирать людей. За несколько дней назначили выезд, и если бы до этого дошло, то не избежали бы мы великой опасности, ибо один из старших готовил те дела, и много их собиралось, покинув своих господ, отправиться в дорогу. Но пан воевода, узнав об этом, воспрепятствовал всему, и их замыслы пошли прахом. А уже князю¹⁷⁹ в Кострому дано было знать, чтобы он со всеми в назначенное время приехал и чтобы к войску тамошнему, которое из-под Москвы отступило, пробиваться.

*Дня 11. Очень нас встревожили, рассказав, что решили у нас силой оружие и другие всякие вещи отобрать, и, взяв самых знатных, отослать их в Москву, а других развезти по крепостям; а если бы мы не захотели отдать оружие, тогда побить всех тех, кто стал бы упираться. И в самом деле приехал из Москвы, именно для этого, боярин Иван Татищев,¹⁸⁰ и уже было приказано жившим поблизости съезжаться *in armis*.* Он переписывал людей и готовил ручные пищали и другое оружие.*

* При оружии (лат.).

На русское поклонение волхвов¹⁸¹ должна была состояться битва, во время нашего переезда на другой двор, который построили для всех нас. Все это разрушил Господь Бог всемогущий, показав нам милосердие и любовь свою таким образом.

Дня 12. Приехал из Москвы гонец с указанием, чтобы у нас оружие не забирали, если еще не взяли, и чтобы с нами никто не задибался. С таким известием приставы сразу приехали к пану воеводе, извещая его об этой и других царских милостях, что «тебя царь жалует, оружия твоего брать не велит; он его заберет у всех поляков, если только кто-то из них что натворит, и с тебя взыщет. Другое: отсюда тебя далее отсылать не велит, только на другой двор со своими переберешься. Третье: если хочешь послать к жене своей, жалует тебя своей царской милостью и приказал тебе писать к нему об этом и о других своих нуждах».

За это пан воевода поблагодарил приставов, подарил им палаши оправленные, но они их не хотели брать; взял только тот, который, как выше упоминалось, приезжал еще до Татищева, чтобы отбирать оружие, прозвищем Неудача. Он сразу возвратился к царю, взяв письмо пана воеводы.

Дня 13. Дмитрий Шуйский пустился с людьми за тем войском, которое отогнали от Москвы, и осадил его под Калугой. Находившиеся в осаде попросили себе три дня на размышление, сдаться или нет, а в это время дали знать в другие крепости. Сразу же к ним поспешили на выручку и ударили без предупреждения по войску Шуйского, одни с тыла, а другие, выйдя из Калуги, спереди, и разгромили их и гнали, убивая, на несколько миль. Сам Шуйский едва убежал с небольшим войском. Полегло там людей Шуйского, как многие из них в рассказах соглашались, до 14 000, после чего великая смута и тревога возникла в Москве. Она усилилась, когда другое войско, выступившее против выигравших битву и стоявших наготове, снова разгромили и разбили под Серпуховом.¹⁸²

Новоселье

Дня 17. Переехали мы на новый двор, все, кроме нескольких слуг и коморников пана воеводы, которые не могли разместиться. Было их всего до 100 человек.

Началась в то время у нас тревога. Говорили о нескольких сотнях татар, якобы нарочно присланных для того, чтобы схватить и отвезти в Москву пана воеводу и царицу, но мы увидели, что это ложь. Поэтому пришлось прибегнуть к уловке, и наши решили таким образом, чтобы всем вместе из прежнего дома выселиться. Но эти фокусы не помогли. Те, которым не хватило места на дворе, остались в прежних домах. Однако сделали так, чтобы паны выехали утром со дворов своих, и это было диковинное зрелище для тех, кто его наблюдал. Приставы дожидались, чтобы им быстро дать знать людям, которых очень много собралось поглазеть на зрелище, а мы были уже давно на дворе. Головы оскорбились этим и приказали выходить оставшимся на прежних дворах. Когда же наши стали защищаться и не дали себя в обиду, стрельцы повернули назад и оставили их. Указали им другие дворы около нашего двора. Но и на тех они оставались недолго, ибо им за неделю быс-

тро построили избы на господском дворе. Там они потом и жили, кроме тех глиняных, которых находилось вместе с нами более десятка человек, — когда им из-за тесноты не хватило места, они переехали к своим на Татарский двор.

Было нас на новом дворе всего 317 человек, а других, на Татарском — 58, включая тех, которых наши держали для услуг. Так много людей приехало из Москвы.

В тот же день в час ночи загорелась сажа в печи в покоях пана воеводы, но погасили.

Дня 18. Посетили приставы пана воеводу на новоселье.

Eodem die * ни с того, ни с сего учинилась тревога, говорил кто-то — потому что стрельцы схватились за мушкеты и наши также взяли за оружие.

Дня 21, 22, 23. Пищи нам, кроме хлеба и пива, не давали, но 24 вручили все, вместе с другими оброками. В то время утешали нас, что коронный посол уже должен был переехать границу, а другие считали, что этому нельзя верить. И в самом деле это была ложь.

[Раздел 2]

Февраль

Дня 4. Столкнулись наши с «москвой», когда ночью, из-за недостатка дров, послали несколько пахоликов на добычу к заборам, где их подстерегли, собравшись, несколько десятков человек. Когда же наших хотели бить, не оставалось им ничего другого, как защищаться. Трое наших взбунтовалось и разогнало несколько десятков мужиков и помяло некоторых. А так как наши были из придворных людей, утром просили у них прощения, чтобы все это не дошло до пана воеводы и приставов.

Дня 9. Из нашего товарищества 15 слуг разных панов составили заговор и присягнули на том, чтобы уехать к войску, которое было против Шуйского, кого бы там ни застали: хоть Дмитрия, хоть Петрушку, хоть кого-нибудь другого. Нашли конюхов, которые должны были выдать им лучших коней в назначенное время. Уже был готов проводник, который должен был проводить их пустынными местами, но один из заговорщиков выдал их всего за день перед отъездом. Расстроили их планы — застали на сходке и помешали храброму замыслу. Прознали об этом и приставы и приставили к ним еще более сильную стражу.

Дня 10. Стрельцы в ссоре убили посадского человека.

Дня 11. Случился мятёж у нас самих. Слуги пана старосты красноставского напустились на старшего слугу пана воеводы, здесь же, у него под боком. Пан воевода сильно огорчился из-за этого, приказал собраться всей своей челяди и сам пришел разгневанный. Но, увидев, что «москва» собралась на диковинное зрелище, в конце-концов сдержался. Много других ссор, раздоров и свар возникало между своими.

Дня 16, 17. Не дали нам пищи, но потом возместили.

* В тот же день (лат.).

Дня 21. Пришла весть, что под Венёвом войско Шуйского разбито.¹⁸³

Дня 23. Кузнец пана старосты красноставского, подвыпив, ругал перед стрельцами царя Шуйского: «Как только Дмитрий возвратится в столицу, мы вашего царя на кол посадим и бояр с ним, а вас четвертовать будем». Узнав об этом, приставы потребовали выдать того мужика. Хотел пан староста красноставский учинить суд над ним, но они этим не удовлетворились, говоря, что «неправильное это дело — нашему царю просить правосудия в своей земле». Все-таки его не выдали, и они об этом известили царя.

Дня 25. Мясопуст голодным был.

Дня 26. Едва мы разжились на один вечер, а другие прибегали за сухим хлебом. Однако некоторые молодые люди дарили паннам в свите царицы марципаны,¹⁸⁴ и это, по разумению старших, правильно делалось. Очень этому «москва», а особенно простой люд, которому ребята давали тех сладостей, дивился, говоря: «Та земля, должно быть, богата золотом, раз в золоте хлеб едят». И были они такими безрассудными, что этого золота (по правде говоря) за забором искали.

В тот же день встревожили нас тем, что должны ударить по нам на рассвете; понимали мы, что это ложь, а сделано было для того, чтобы мы в тот день оставались трезвыми и чего-нибудь не устроили. Ибо сильно боялись пьяных, видя великое самовольство между нашими. Излишнему пьянству наши предавались, пока каждый что-то имел, и ругались из-за этого с «москвой». Причем причина пьянства была, какая всегда в горе бывает: «сгинь и душой и телом!» А из «москвы» не смел уже против царской воли никто ничего начинать и не желал этого, несмотря на то, что терпели от нас беззакония. Извещали они обо всем царя.

Дня 28. Не дали нам пищи, только хлеб и пиво.

[Раздел 3]

Март

Дня 1. Когда одного из наших, который не переехал на двор пана воеводы, приказали выкинуть из дома, послав сотника с боярином и стрельцами, он, когда стали ломать его двери, кинулся на нападавших с саблей, будучи только сам-друг. Набросился сначала на сотника, который, не раздумывая, отпрянул назад, а стрельцы за ним. Так хорошо убежали, что в тесной дыре сам сотник опередил оруженосца. Поднялся шум немалый. Один пристав прибежал в ярости и с угрозами, сказав, что «уже несколько тысяч посадских людей бросилось сюда к вам, я едва их удержал». Ложь это была однако же. Пан воевода унял его, обещав все сделать так, чтобы они удовлетворились. Согласившись на то, пристав отъехал к другим своим товарищам.

Дня 2, 3, 4, 5. Никакой нам пищи не давали, зная из-за того поступка, ибо нас так часто наказывали.

Дня 6. Дали нам пищи, но за прошлые дни не возместили. Прибегли также к такой уловке: когда не было у них для нас еды,

тогда радовали нас известиями о коронном послѣ, что уже он якобы около границы, либо по эту сторону границы находится. И особенно в то время говорили, что возвратился князь Григорий Волконский, который был послом в Польшу, с великой радостью.¹⁸⁵ «Король ваш наішему царю хотел войско послать на тех воров, которые государство воюют, но царь не захотел, имея и без них своих людей. Посол ваш точно едет, уже недолго, пожалует вас царь и отпустит в Литву». Так часто нас обнадеживали и ложно.

Дня 11. Двое знатных товарищей из числа тех глинских, что в Татарском дворе стояли, отправились в дорогу пешком с москвитином, который служил у одного поляка. Узнав об этом к утру, приставы учинили великий шум, думая, что их пан воевода отправил с письмами либо в Польшу, либо до Москвы к послу. Пан воевода показал, что он не знал об этом, в чем приставы и сами потом убедились из свидетельства тех двоих, что они не были слугами пана воеводы. Поэтому пан воевода послал подростка, который служил одному из бежавших, чтобы рассказал обо всем.

Видя, что дело затягивается, приставы домогались, чтобы им выдали товарища, который там с теми в одной избе стоял. Но Дворжицкий и товарищество, договорившись между собой, выдавать его не хотели. Поэтому «москве» приказали собираться с оружием. Послали к Дворжицкому, говоря, что «мы вас палками закидаем, если его не выдадите». Наши присягнули, чтобы стоять за него до смерти, и сказали, что «его не выдадим, пока нас всех вместе с ним за ноги не вытащите». Это и я один из наших все рассказал, предатель, Михаль Венгрин, которого наши, имея *suspісуа*,* что предался им, хотели сами посечь, но он им присягнул, а затем, выбрав спокойное время, убежал.

Мятеж был большой. Послали к пану воеводе, чтобы он Дворжицкого с товариществом за это побранил, но они и говорить не стали о том, чтобы выдать товарища. Тогда же дано было знать из Ростова, что беглецов там поймали: «утром уже их сюда пришлют», — и так на час затихло. Когда же стемнело, приставы приказали привести стражу ко двору. Наши, не зная в чем дело, сразу же бросились к этой страже, выхватив оружие, думая, что нас хотят окружить. Мужики встревожились, и едва мы у них, в чем дело, допытались. Так тот день прошел в столкновениях и тревогах.

Дня 14. Когда нашим стало трудно идти пешком, и они не могли быстро двигаться, наняли они подводу, на которой заснули, утомленные. А проводник привез их в Ростов и посреди города сказал, что они «литва». Там их поймали и прислали назад в Ярославль. Когда их везли несвязанных в город, один из них, доставши как-то свое оружие, сперва отбивался от тех, которые были рядом с ним, а потом бросился к своим на двор. Там он доказал свое мужество, когда, подняв шум, несколько сотен человек бросилось за ним и зашло к нему прямую дорогу: ибо одни спереди забегали, а другие с тыла «согревали». Бежал, он, однако, от них долго, пока не нашел дорогу, которую никто ему не мог показать, и не ушел с оружием

* Подозрение (лат.).

в руках ко двору. Стража стрелецкая, увидев его, преградила ему путь у ворот. Он рассеял и ее. Товарищество его, услышав шум и увидев, что это их товарищ, впустило его. «Москва» во двор за ним не рвалась, но головы, прибежав, вошли сурово, требуя его выдать, отступившись, конечно, от первого товарища. Наши же, как одного, так и другого не желали выдавать, сказав, что «хотим умереть». Снова приставы пошли к пану воеводе, чтобы их наставил, говоря, что не пристало с государем бороться, и чтобы слуг своих, которые там были между ними, взял к себе, чтобы с ними чего-нибудь не случилось, если произойдет какое-либо замешательство.

Случился великий мятеж и волнения, ибо много было таких, которые, покинув панов, хотели сражаться вместе с запершимися. Каждый встал с оружием наготове, надеясь на тесноту, ибо двор от двора находился недалеко. Однако в тот день ничего не произошло. Вступился в это дело пан воевода, послав к приставам, чтобы не торопились, обещая все обдумать. И согласились на том.

Дня 15. Советовались паны, что делать. Очевидно было, что одному человеку несколько сотен не обмануть, да и дело, противное совести. Ведь беглец находился в осаде. Поэтому во избежание столкновений, добивались, чтобы его выдали. Однако же постановили, что не следует торопиться, и помедлили паны с решением два дня.

В прошедшие пять дней 11, 12, 13, 14, 15 никакой ни нам, ни им не давали пищи, а им еще два дня воды не давали. До тех пор, пока пан воевода не взялся сам за дело, не хотели ничего привозить и не позволяли купить хлеба.

Дня 16. Нам только хлеб и пиво дали, а тем ничего.

Дня 17. Когда после долгих переговоров обещали, что виновный не будет испытывать никакого притеснения до царского указа, и поклялись своего верою, он сам вышел к ним, и несколько товарищей проводили его. Пан воевода, по своей благосклонности, послал за ним. В доме все товарищество, что с ним было, напilo и угощало самого виновного и посланца пана воеводы. Отослали виновного потом к самому знатному боярину, у которого он содержался в чести и лучше, нежели мы, ибо тот его всеми достоинствами своими снабжал. Так же и с другим товарищем его поступили, отдав его под начало пристава.

Не мешает также вспомнить, что, когда их поймали в Ростове и посадили на ночь в опальную избу, они застали там донского казака, который рассказал, что был посажен в тюрьму, потому что привозил в Москву грамоты от Дмитрия и подбросил их. Он уверял, что Дмитрий точно жив и что видел его своими глазами за десять недель до того, подтверждая это присягой. Некоторым из нас это показалось неправдоподобным.

Там же к ним в Ростов прибежал гонец с указанием, чтобы ростовцы отправляли людей в полки Шуйского, и рассказывал о великом войске неприятельском под Тулой. Об этом мы и в Ярославле слышали от осведомителей своих, и также говорили о Дмитрии, что он точно в Туле.¹⁸⁶

Дня 18, 19. Снова нам ни есть, ни пить не давали.

Дня 20. Только пива и горилки дали, но пить натошак не хотелось.

Дня 21, 22. Все-таки пищи никакой не дали. Очень нам досаждали эти голодовки, особенно тем, у которых уже были на исходе деньги. Денег не было не только у простых, но и у самих панов. Столовое серебро продали, и то с великими трудностями, ибо платили только за гривну по 6 ф. 20 (так!). А продать позволили, когда немного раздобрились. На торг никак не хотели пускать, одежду продавать запретили и «москве» покупать заказали, разве что кто тайно продает. Тогда тяжело было некоторым, точнее, почти всем. А те, с Татарского двора, посылали к приставам, заявляя, «что если нам еще несколько дней есть не дадите, то должны мы прочь идти или погибнуть». И в самом деле, у них самая большая нужда была, ибо немало их добра в Москве во время погрома побрали. Пан воевода посылал непрестанно к приставам, но они прятались, как псы, тобы им не докучали. Сильно мы повесили носы, боясь бо́льшей нужды и размышляя, что же наконец делать.

А в это время еще другое событие произошло, весьма тревожное для нас. Ибо в тот же день (дня 22) с несколькими сотнями стрельцов приехал из Москвы думный боярин, некий Михайло Михайлович Салтыков (тот самый, которого под Новгородком покойному царю и пану воеводе привели, привязав веревку к бороде).¹⁸⁷ Встревожились мы сильно, а особенно из-за того, что он вечером приехал. Тем более, что приезд его более обещал зла, нежели добра. Уже были среди черни такие, кто оплакивал нас, жалея и предупреждая, что, вероятно, утром на нас нападут. Всю эту ночь были мы настороже, поручив себя покровительству Бога и горячо умоляя спасти нас, и в таком весьма ужасном положении ожидали мы исхода дела.

Дня 23. Рано утром были мы между надеждой и страхом. Потом боярин прислал к пану воеводе известить, что «я приехал сюда специально, по царскому делу, поэтому желаю, чтобы пан воевода с родственниками своими, не считая слуг, во двор мой в город тотчас прибыл». Услышав это, мы еще более засомневались, боясь, как бы панов сперва захватив, по нам потом не ударили, либо какое-нибудь коварство не устроили. Долго размышляли об этом: ехать к нему или нет. И все же, поразмыслив, решились. И, поручив себя воле Бога, поехали пан воевода, пан староста красноставский и пан староста луковский, взяв с собою слуг — несколько пеших и двух на добрых конях, для осторожности, на тот случай, если бы что-нибудь произошло. А пан староста саноцкий остался при царице, и вся другая челядь приготовилась на случай необходимости.

Когда наши приехали туда, боярин, поздоровавшись с ними, спросил пана воеводу о здоровье от царского имени, объявляя ему после обычных титулов царскую милость и такую новость, что «посол царя и государя моего, который был в Ляцкой земле, князь Григорий Волконский возвратился с утешительными вещами. А за ним ожидаем мы со дня на день посла короля ляхов князя Богдана Огиньского¹⁸⁸ с серьезным посольством. Как скоро он придет и те дела, которые из-за Расстриги приключились, обсудит, тогда тебя сразу со всеми панами царь из земли своей обещает отпустить, потому что король ляхов сильно без тебя тоскует и осведомляется о здоровье твоём. И теперь жалует тебя царь, разрешает, чтобы ты из челяди своей человек 70, то есть старосту красноставского и купцов, которые здесь

находятся, отослал в Польшу впереди себя, чтобы они известили всех о вашем здоровье. А сам пока не поедешь».

Дня 25. Тот Михайло сразу известил царя о послушании пана воеводы. Ведь наши приставы далеко не так изображали наши дела до него в своих писаниях, в которых доносили, что мы чинили беззакония, ссорились, побили стрельцов. И, наконец, что мы будто бы день владели крепостью, отдав ее неприятелю. Другие также поклепы на нас возводили. Из-за этого с такой большою силою и прислан был из Москвы воевода, чтобы нас, если бы в том была нужда, усмирить. Но потом понял воевода из слов и показаний горожан и мира, что мы спокойно и согласно с ними жили и что мы, напротив, от самих тех приставов весьма большие обиды терпели, а они сами, насильничая над женами и девками, гнусности творили. Да и прочие неприятности причиняли. Все это услышав, боярин известил сейчас же царя о том, что здесь делалось.

Другие так изображали дело, что боярин нарочно для обороны города и крепости был прислан, в ожидании появления какого-то войска. И в самом деле это было правдоподобным, потому что он приказал съезжаться всем окольным боярам, и для этого дела пушки разные привезли, также рогатины, которых несколько тысяч находилось в монастыре, были розданы горожанам.¹⁸⁹

Дня 26. Отправили наших в дорогу, в Польшу ли, об этом мы не знаем. Общее число отправленных, то есть челяди пана воеводы — 37 человек, в число которых не хотели включить только 3 шляхтичей. Но в то время любой был бы очень рад назваться холопом, чтобы только уехать в отчизну и вырваться из неволи. Пана старосты красновостовского слуг немало уехало — всего 18 человек; с Татарского двора — 9 купцов. Всех людей — 64. Лошадей им возвратили тех, которых в Ярославле взяли. Но у кого лошадей в Москве забрали, так же как и другие вещи, — их не возвратили и убытки не возместили, даже тем купцам, которые понесли потери на несколько сот тысяч, продав драгоценности Дмитрию и не получив за них платы.

Когда, распрощавшись с нами, они поехали, угощал их в городе воевода Салтыков медом и горилкою на прощание, так что напились все. Потом, каждому из них дав по рублю денег, приказал их проводить к столичному городу Москве.

Получили мы также от них тайное послание через несколько дней, присланное из монастыря святой Троицы, что в 12 милях от столичного города Москвы, такого содержания: «*Si valetis, bene est, nos valemus. Expectamus vos in monasterio S. Trinitatis. Illustris Dominus Palatinus non ingreditur Moschoviam nisi cum paucis. Multa nova bona habemus. Tartari enim Crimenses et Casanienses bellum gerunt. Multa argumenta vitam comprobant*».*

Немало обрадовало нас это послание, но когда в дальнейшем ничего не последовало, и радость со временем прошла.

* Если вы здоровы, хорошо, а мы здоровы. Ждем вас в монастыре святой Троицы. Светлейший господин воевода не въедет в Москву с немногими людьми. У нас много новых хороших вестей. Ведь татары крымские и казанские ведут войну. Есть много признаков, обещающих сохранение жизни (лат.).

Дня 27. Прислал воевода Салтыков, чтобы встретился с ним пан воевода на дворе его, но пан воевода отговорился тем, что принимает лекарство. Поэтому Салтыков в другой раз прислал к нему приста-вов, извещая через них, что на то есть воля царская, чтобы глинских, всех, которые на Татарском дворе стояли, увезти в другой город, ибо «нам здесь с трудностями приходится на такое большое число людей пищу добывать». Пан воевода сделал то, что должен был,— со-гласился на это, и глинские согласились. Все это произошло по вине бласоты нашей и горячей легкомысленности: нас теперь всего лишь несколькими сотнями «москвы» можно было одолеть.

В тот же день, в 4 часа ночи, загорелось в нашем дворе, так что сгорела изба и сени, а двое товарищей, которые там стояли, про-снувшись, едва успели выскочить. Огонь занялся от свечи, которую забыл потушить один хлопец. Пожар был очень небезопасным, ибо под боком находились тесные строения покоев пана старосты крас-ноставского. Как видно, спали его люди, будучи полностью правыми перед Богом. Господь Бог защитил, дальше не перекинулось.

Дня 29. Дошло до нас также, наши писали сюда, что пана воеводу с панами старостою красноставским и старостою луковским возьмут на переговоры. А других с царицей оставят в Ярославле. Удивитель-ные между нами в те дни были сомнения и тревоги, одни из нас радо-вались, говоря, что приближается утешение, а другие считали, что — тоска и неволя. А более всего нас удручало, что других наших долж-ны были везти дальше. В тот же день снова их известили об отъезде в более отдаленную крепость. Рассказывали также о великих труд-ностях в Москве из-за жестокой войны. И что тех, которых обещали везти в Польшу, там задержали. Удивлялись мы таким козням и ожидали дальнейших потрясений.

Раздел 4

Апрель

Дня 1. Дворжицкого с товарищами его и со всеми, которые под его началом стояли в Татарском дворе, проводили в другую крепость. Сказали нам, что в Вологду, которая еще далее за Ярославлем в 36 милях. Всего было 37 человек. А пана Яна Коморовского и пана Владислава Мутыну, обоих, по просьбе пана воеводы, оставили при нем с одним пахоликом, товарищами и несколькими возницами.

В тот же день пришло известие, что какие-то люди наступают на валы Ярославля. А поэтому крепость снабдили хорошо огнестрель-ным оружием, и сюда съехалось очень много бояр для ее обороны. Оставались в таком положении в течение недели, а потом снова разъехались.

Дня 6. Возместили пану воеводе и двору его издержки за пропитание, которое он сам себе доставал. Заплатили деньгами, а именно за 22 дня 278 злотых и два гроша. Сверх того пива 470 ведер и горилки 17 ведер. Панам старостам отдали, кому что приходилось, в соответствии с подсчетами. В тот же день приказали составить реестр, вписав в него как тех, кто остался, так и тех, которых ото-слали.

Дня 12. Рано утром началась частная стрельба. Говорят, что этого требует вера. Дело происходило в Великий Четверг. То же было за несколько дней до этого, а именно за 4 дня, на Благовещение Девы Марии, по их календарю.¹⁹⁰ Потом Михаил Салтыков уехал в деревню, чтобы там встретить Пасху.

Дня 13. Был у нас старшим городским приставом некий Роман, того от нас взяли, а на его место дали другого, прозвищем Афанасия Мелекс[е]ховича.

Дня 15. Пасха, по милости Божьей, наступила, хотя и не очень урожайная, ибо вместо калачей только хлеб мы ели, а у других и того было мало. Но все-таки спокойная и свободная от тревог и известий Пасха.

Дня 18. Пришли из крепости Корелы 150 новых стрельцов, на смену тем, что нас стерегли. А тех, которые от нас убегали, высекли кнутом там же, в Кореле. После их прибытия надежда наша на скорое освобождение ослабела. Тем более, что кого-то из нас обещали отделить от всех и послать еще в другую крепость.

В тот же день Михаил Салтыков возвратился оттуда, где встречал Пасху, в Ярославль.

Дня 25. Реки, называющиеся Волга и Которосль, вскрылись, поэтому не могли достать свежего мяса, вынуждены мы были брать на корм дурное, очень соленое мясо. Правда, пытались мы проявить стойкость, но когда нас голод прижал, должны были согласиться на то, что давали. Деньги также сильно поистощились, хотя у панов еще было серебро, но что в нем, когда его запретили продавать. Хотя его временами и позволяли продавать, но никто его не хотел покупать на людях. Покупали тайно, с великими предосторожностями, так как у тех, кто у нас покупал ранее, отобрали серебро какие-то грабители. После же, когда спала вода, стали снова давать свежую телятину и баранину.

Около 30 апреля внезапно прошли холода, как всегда бывает в тех краях: зима быстро кончается, а лето сразу со дня святого Юрия¹⁹¹ русского наступает. И сразу такая жара устанавливается, какая у нас летом бывает. Однако и летом бывает более неприятного холода, нежели зноя. Ибо как только какое-нибудь облако с Ледовитого моря появится, сразу наступают холода. Зато если солнце греет, то жара стоит без всякой меры. А если непогода начнется, то снова мучают холода, и становится, как осенью. С начала и до исхода зимы можно вдоволь наездиться на санях.

Раздел 5

[Май]

Дня 4. Было большое судебное состязание,¹⁹² по наказу воеводы Салтыкова, в Судной избе. Представили несколько пойманных лазутчиков, но не могли узнать, где их взяли и откуда доставили.

В тот же день видели в городе несколько нарядно одетых поляков, видимо, из тех, которые предались на имя царя, в числе их некий Садовский, который до этого был в Польше камердинером и писарем у пана Краковского, бежал, скитался по разным краям и приехал

сюда вместе с паном Стадницким. Говорили, что он в Ростове, изменив, предал панов Стадницких, а там его видели те товарищи наши, которые убегали зимой, но были пойманы в Ростове.

Дня 8. В день святого Станислава, вечером, один из наших, видимо, нарочно, находясь в конюшне, выстрелил из карабина на улицу, едва не прострелив нос стрельцу москвитину. И кучер пана старосты луковского бросился с кулаками и ударил в морду стрельца. Однако неприятностей за этим не последовало.

Дня 12. Годовщина несчастного въезда царицы в Москву.

Дня 17. Служили мы молебен 40 часов, прося у Господа Бога об освобождении. А когда мы до утра бичевали себя все вместе,¹⁹³ изумлялась «москва», слыша шум и выкрикивание дорогих нам имен: «Иезус», «Мария». В то время слышали мы, что сторона Шуйского ослабела, проиграв битву.

Дня 18. Годовщина коронации царицы.

Дня 19. Годовщина свадьбы царицы, год тому назад делалась запись в пятницу, а в этом году выпало на воскресенье.

Дня 24. В день Вознесения Христова¹⁹⁴ была большая тревога в Москве. То и дело отправляли свежие войска. Около 27, 28 и других дней перед праздниками приезжало со стороны Москвы очень много бояр и других людей, простонародья. Делали вид, что мы не должны ни с кем видаться из-за опасного положения. Стража, которая стояла у перевоза, направляла проезжающих на другую сторону вала.

Раздел 6

Июнь

Дня 3. Праздники, по милости Господа Бога всемогущего, — спокойные, без печали, так что мы весело Господа Бога хвалили.

Дня 4. Утром получили известие, что 14 000-е войско Шуйского потерпело поражение в битве, которая, как говорили, была еще в самом конце мая. Как в той, так и в другой битвах с обеих сторон очень много крови пролито: как говорили, с конца зимы до 40 000 человек обе стороны потеряли. По этой причине великое замешательство было в Москве, так что сам царь Шуйский должен был двинуться во главе войска против неприятеля.¹⁹⁵

Около праздника святой Троицы¹⁹⁶ отовсюду как бояре, так и простые служилые люди стекались в Москву без вызова и держали совет об успокоении земли, так как до этого получили наказы через гонцов, которые в этих краях так быстро ездят, что в сутки 30 миль могут проехать. Относительно их съезда ходили слухи, что они либо другого царя должны выбрать, либо, всюю силою, выманив неприятеля, ударить по нему.¹⁹⁷

Дня 10. Позволили нам продавать лошадей, которые еще при нас были, также и оружие, которое им требовалось для войны. Некоторые тогда продавали лошадей, особенно те, которые нуждались. Но оружия своего ни один не сбывал, ибо еще «москве» не верили.

Дня 15. Двое немцев, неведомо откуда взявшихся, проходя мимо нашего двора, поведали нам тайком, что Дмитрий точно жив.

Дня 19. Грамоты от Шуйского в Ярославль пришли, в которых приказал им тот тиран, чтобы снова на войну некоторое число людей отправили из соховников,¹⁹⁸ а по-нашему заседателей. Сильно роптали на царя, что такое великое кровопролитие из-за него творится.

Дня 20. Пришло известие, что 6000 людей убежало от Шуйского из сторожевого полка. Мы узнали, что также разговоры между ними о Дмитрии были. Желая ему (если жив) одержать верх, наши приставы и с нами в то время ласковее обходились. Однако тем рассказам и верилось, и не верилось.

Дня 24. В день святого Яна, уже поздним вечером, поселилась между нами тревога, так как сказали, что под городом находится Голицын¹⁹⁹ с войском. Этот Голицын был одним из лучших воевод московских, который в день погрома приезжал к пану воеводе в столичном городе Москве. С ним и вправду было несколько сот человек, и некоторые из наших видели их в течение нескольких дней, пока они не пошли в Москву.

Внезапно пришли радостные известия, и наши страхи исчезли. Надеялись, что мы поедem в Польшу зимним путем, что не очень нам подходило, так как мы боялись холодов. Ибо многие уже обнищали.

Раздел 7

Июль

Дня 3. Прямо противоположные известия. Пришли грамоты от Шуйского, он сообщал с великой гордостью ярославцам, что разгромил изменников и гетмана их, называющегося Болотниковым, около 5000 человек поймал.²⁰⁰ Другие же говорили, что все это ложь.²⁰¹ Была, правда, суровая битва, которая продолжалась день и ночь (так как в это время заря ночью никогда не гаснет, и ночи едва 4 часа продолжаются), 29 июня. В ней, действительно, с обеих сторон немало людей полегло, но все-таки несравнимо больше потерял Шуйский, а именно, говорили о 25 000 убитых людях его.²⁰² Однако сам Шуйский находился в Серпухове. А о Дмитрии все в один голос соглашались, что он жив и наступает с большим войском, чтобы соединиться с Болотниковым. Много и других маловероятных вещей в то время долетало.

Дня 9. Возвратился стрелец, которого посылали на разведку от себя стерегшие нас стрельцы. Он рассказал им, как нам говорили, что Дмитрий точно жив и с великою силой идет против Шуйского. А Шуйский также с большим войском готовится выступить против него, мало кого в Москве с братом своим Дмитрием Шуйским оставил. Другие же рассказывали иное: что царь Шуйский уже возвратился в Москву, оставив войско свое у реки, называющейся Ока. Различные слухи и известия были, которым мы не верили из-за их переменчивости. Поэтому не верили также, что царь в Москву возвратился.

Дня 10. Дошло к нам известие, что наших, которых, отделив от нас, отослали в Вологду, то есть Дворжицкого с другими, в большой

тесноте содержали и корм им довольно скудный давали, еще сократив наполовину. А все это из-за того, что задумали такой подвиг, на какой настроились, еще находясь с нами, то есть хотели тайно уехать.

Дня 12. Отдали нам тайные письма для вручения пану воеводе от одного испанского монаха ордена святого Августина,²⁰³ по имени Николай, а по прозвищу де Мелло,²⁰⁴ который, будучи послан в Новую Индию, 20 с лишним лет проповедовал слово Божье тамошним народам и стал генералом всей Америки.²⁰⁵ Оттуда же, отправившись по приказанию папы²⁰⁶ и испанского короля,²⁰⁷ был он у короля персов,²⁰⁸ у которого очень хорошо был принят, и взял письма с некоторыми поручениями к отцу папе и к королю Испании. А так как упомянутый Николай не мог ехать морем из-за опасностей войны, он, имея паспорт от короля персов и других монархов, пустился сушей через границы Московии. Но «москва», увидев этого монаха и будучи неприятельницей веры римской и таких особ (еще при Борисе Годунове это случилось), отобрала у него все те письма и все, что было при нем. Увидев, что из писем и поручений ему данных могли воспоследовать великие достижения римской религии в королевстве Персидском, а также, с другой стороны, заметив большое расположение короля персов к вере католической и ко всем католикам, и поэтому боясь, чтобы тот находящийся у их границ могущественнейший король, став католиком, не захотел в государствах своих приумножить эту веру, они задержали Николая и заключили в сурую тюрьму в крепости Соловках.

Но по смерти Бориса, когда вступил на царство Дмитрий и узнал о том Божьем муже, он приказал его немедленно освободить и проводить, как можно учтивее, к себе в Москву, желая его отослать со своими поручениями к королю испанскому. А в это время случился несчастный погром. Так как Николай уже был в дороге, его, по приказанию Шуйского, привезли в Москву, где он рассказывал о своем деле устно, через английского толмача,²⁰⁹ царю и думным боярам. После чего Николай, по приказанию царя и происками тех находившихся в Москве англичан, главных неприятелей католической веры и испанского народа, снова был отослан в монастырь Борисов,²¹⁰ в 3 милях от Ростова, и заключен в тюрьму. Оттуда он и написал те письма на французском языке и дал знать о положении своих дел.

В своем большом письме он свидетельствовал всему свету о том, что он делал в Америке, Новой Индии, в Персии, на границах Китайского королевства *ad emolumentum* * католической религии. Сделал он это из-за того, что отчаялся в своей *liberacui* ** и надеялся, что, если пана воеводу соблаговолил бы Господь Бог освободить, то известие о нем могло бы дойти как до его королевской милости и папы, так и до короля испанского. Свою стойкость и неизменную любовь к вере он доказывал, заботясь об одном мальчике, индийце, который, будучи сыном знатного и лучшего в Индии человека, пустился вместе с ним ко двору короля испанского, как и он, попал в сети и был посажен в тюрьму. Этого мальчика всякими жестокими муками пытались насильно привести к тому, чтобы, отступившись от

* К пользе (лат.).

** Освобождение (лат.).

католической религии, он пристал к их обману. Чего из него никаким способом вымучить не могли.

Вместе с тем посланием было также письмо пана Андрея Стадницкого из Ростова, в котором он извещал, что ему стало известно о коронных раздорах ²¹¹ и о внутреннем столкновении между королем его милостью и панами. Поэтому говорили больше об огорчениях и печалях.

Дня 13. Подброшены в городе письма, присланные от войска, в которых сообщали, чтобы, не печалясь, другого царя себе в Москве на жительство дожидались, а после этого и мира. Замучили того мужика, который был *suspectum*.*

Дня 14. Проехало до 700 человек конных с луками к Шуйскому. Это войско из таких рыцарей, что 40 гусаров могло бы их, без сомнения, разгромить.

Дня 15. Приставы навестили пана воеводу и между прочими разговорами рассказали, что царь Шуйский объезжает монастыри. А в других местах говорили, что серпуховцы, видя, что не могут избавиться от Шуйского, нарочно запалили город, и, в числе остальных вещей, 70 шатров сгорело. Тогда царь вынужден был выступить из Серпухова.

Дня 17. Ян Березаньский, коморник пана воеводы, купаясь в реке, называющейся Которосль (что нам позволяли под присмотром приставов), утонул, унесенный течением воды на глубину. Из-за его смерти приставы в больших хлопотах были. Похоронили его в поле, за городом, там, где также похоронили тех поляков, которых до этого привезли и долго держали в тюрьме, а потом утопили в реке Волге. Если этот погиб случайно, то другой от отчаяния, а именно: слуга одного из тех, которые зимой убежали, будучи там у них в особой тюрьме, куда из наших никого допускать не хотели, частью из-за скудости, частью из-за тоски кончил свою жизнь.

В тот же день двое из «москвы» утонуло. А из нашей братьи товарищ товарищу в играх ногу пробил палахом.

Дня 23 (так!). Михал Венгрин (тот, который из Татарского двора к приставам переметнулся), спустившись, через окно убежал от господина своего, у которого он жил. У приставов было много забот, ибо им приказали тщательно искать его, и они наших тайком спрашивали.

Дня 22. Переписали всех тех, кто шел за гробом покойного Березаньского, у гроба же стояло пять стражей. И все же его потом выкапывали из земли, думая, что приставы хотели отослать одного из наших в Польшу, а на его место закопать утопшего москвитина. Все это делалось из-за великого безумия, будто боялись, чтобы он чернокнижничеством не вышел из могилы.²¹²

Дня 23. Присягали стрельцы не носить нам вестей никаких.

Дня 24. Знать, либо доведались о тех письмах, которые к нам пришли, либо потому что тот Венгрин, изменник, от нас ушел, двор наш с улицы огородили в три жерди, как у нас выгоны огораживают. Из-за этого надежда на скорое освобождение ослабела, а печалей прибавилось.

* Подозреваемый (лат.).

Дня 28. Пришло известие, что царь Шуйский, осаждая город Тулу, потерял людей своих до 20 000 в штурмах, на которые ходил 22 раза. Поэтому, дождавшись новгородцев, которые шли ему на помощь, и других, он вознамерился снова всеми силами город взять.²¹³

В тот же день одному из наших в новолуние привиделась сабля и метла кровавая на небе по заходе солнца, и он, уstraшенный этим, в тревоге прибежал на двор и рассказал другим. С этого времени дал votum * святому Бернарду вступить в орден бернардинцев.²¹⁴

Дня 29. Сверх обычая усилили нашу стражу, однако не могли мы доискаться до причины. Одни говорили, что уже Шуйского не стало (но ложь), другие же, что о тех письмах прознали, которые 12 июля передали нам. А лазутчиков своих за привезшим письма послали.

Раздел 8

Август

Дня 2. Говорили о нескольких тысячах людей, в разных местах переправлявшихся через реку Волгу, которые возвращались из войска. Также пугали нас опасностью, говоря, что, «если Шуйский вскоре им совсем не сможет дать отпора, тогда, согласившись с ближними своими, он не будет снабжать вас пищей». Но мы с этим уже сталкивались.

Дня 6. Немалая нас всех скорбь посетила, когда Господь Бог всемогущий взял от нас, недостойного народа своего, отца Бенедикта Ансерина²¹⁵ из ордена святого Франциска,²¹⁶ старшего каплана бернардинцев, очень достойного и набожного человека, который был в Польше провинциалом²¹⁷ над обителями этого ордена, и комиссаром²¹⁸ в них часто бывал, и в Москву был прислан в качестве комиссара к вящей своей славе. А Богом был призван на 62 году, и умер в 10 часу, когда мы по обыкновению полностью совершили службу, около тех строк: «In manus tuas est»,** оставив всех, как одного, присутствующих с великой тяжестью в сердце и с неутешным плачем. Так, должно быть, случается, когда сиротеют дети, лишившись любимого отца. Но наша скорбь еще сильнее была, ибо не только плач, но и страх какой-то внезапный охватил всех, и опасение, что не стало того, за набожность и молитвы которого защищал нас добрый Господь до сих пор в руках неприятеля, досаждавшего нам всяческими неожиданностями и опасностями. Казалось нам, что мы остались без сильной опоры и защиты, испугались все, что будут подвергнуты каким-нибудь ударам несчастья. Requiescat in pace.***

Дня 11. Умер Симон Островский, пахолик пана Загорского, подскарбия²¹⁹ пана старосты саноцкого, и там же его, за городом, похоронили, где и Березаньского. За телом его не хотели пускать никого, кроме одного каплана и 4 товарищей. Из-за этого сильно наши «москву» ругали.

* Обет (лат.).

** «В руках твоих, [Господи]» (лат.).

*** Упокой в мире (лат.).

Дня 12. Стража тщательно присматривала за нами, а стрельцы снова присягали не передавать нам ни единой весты. Но там мужику присягнуть — все равно что ягоду проглотить. Приказано им также настрою следить, чтобы к нам никакие письма не доходили. И чтобы они не верили, если бы к ним самим какое письмо пришло от имени Дмитрия, так как его на свете нет.

Сам же воевода Салтыков, переехав за реку, там остановился на своем дворе, расставив слуг по дворам у въезда в город. И кто бы ни ехал из Москвы, сперва должен был представляться ему, а он уже с теми приставами приказывал провожать проезжавших, будь то через город, будь то на перевоз, наказав, чтобы ни с кем не разговаривали и чтобы даже чернь никого не видела.

В тот же день одного из сынов боярских, что нас охранял, схватив, послали в оковах в столичный город Москву. О причине мы не могли узнать, — если только не Венгрин, изменник, который убежал из Ярославля и прибыл к царю в Москву, либо туда, где в то время был царь, был причиной этого, оговорив его перед царем.

Дня 13. Множество различных вестей:

1-е, что Шуйский должен был отступить в Москву для обороны, не сдержав наступления сил другой стороны, но это была ложь;

2-е, что нас должны выслать из Ярославля и поставить на нашем дворе посла пана Малогощского, который, как говорили, уже за рекой, и это также ложь;

3-е, что нас голодом должны заморить из-за того, что якобы польское войско, в московскую землю вторгнувшись, уже около Смоленска нанесло ущерб огнем и мечом, но и это ложь.

Знать, эти слухи пошли, потому что за рекою провозили до 200 пленников, видно, донских казаков, которых они посчитали поляками. Они не знали и сами ничего определенного, ибо им по другому объясняли, нежели на самом деле было. А что им рассказывали, то они и нам говорили.²²⁰

А говорили, нарушая свою присягу. Наконец, узнав об этом, приставы запретили им с нами говорить. Вероятно, чтобы все знали об этом запрете, покупать у нас вещи и в дар брать всячески препятствовали. Но эти их уловки не помогли: стоило кому деньгу или кусок китайки²²¹ показать, наговорил бы он и на отца, только чтобы взять побольше обманом. Друг другу они по дороге немало всего рассказывали об уловках, как кто из них лучше притворился и нашего обманул, хвастались друг перед другом, а наши подслушивали иногда их общие разговоры.

Дня 24. Засовы и скобы к воротам и калиткам с улицы прибиты, пугают нас тем запором (чтобы мы об известиях не допытывались). Очень нас встревожили, особенно, когда там же у ворот один из наших сказал сыну боярскому: «В чем все же причина, что нас так притесняют, ибо нас тут целый год не запирали, а теперь уже под конец...» И когда это произнес — «под конец» — и тогда, кивнув, замолчал, будто говоря, что это лишь начало. Ведь до этого и голодом нас заморить хотели, грозясь перетаскать со двора, как выволокли татар, которых там также в тюрьме держали немалое время и уморили голодом. У нас думали, что это из-за неприятностей, которые им наши достав-

ляли, понося, побивая, ругая и угрожая часто и громко, и другие досады причиняя.

[Раздел 9]

Сентябрь

Дня 3. Годовщина въезда нашего в Ярославль. Не сдержали своего слова, пообещав, что мы недолго будем в нем отдыхать. Уже год минул, а Господь Бог знает, где еще свобода. Пусть же все по воле Божьей делается.

Дня 4, 5 et caeteris diebus * начали к нам вести чаще доходить, что коронный посол уже под Смоленском должен быть и уже 70 лучших бояр к нему навстречу выслано. Поэтому Салтыкову и дьяку, одному из наших приставов, приказано прибыть в Москву для совета. Салтыков [не] поехал, будучи больным, но, зная, по другой причине, а дьяка обвинили еще до поездки к царю и самого в Ярославле в тюрьму заключили.

Дня 7. В ночь с четверга на пятницу один товарищ, человек чистой совести и набожный во всех своих делах, который, будучи суровым новокрепщенцем, по милости Божьей, стал католиком, причем очень хорошим, дав обет вступить в бернардинский орден святого Франциска, сам вычитал на небе, в видении, ниженаписанные слова. Перепуганный видением, он примчался и записал их, хорошо запомнив, *videlicet*:**

*Corpus meum flagellatum est obtinendo non unum vulnus,
Regnum tamen meum non est intraturus ne quidem unus.
Omnes facti sunt nequam, omnesque rixosi,
Ideoque debent gustare omnes poculum mortis dolorosi.
Quis igitur possidebit regnum meum? Forsitan boves?
Spreti sunt legem meam ad unum usque omnes.****

Слова дивные и страшные. А так как такие вещи трудно запомнить, многие, узнав о них, не хотели этому верить. Но он поклялся своей душой перед капланами и подтвердил увиденное, хотя и без этого ему вполне можно было верить. Такие стихи он бы сам написать не сумел и не осмелился бы, лишь для утверждения веры он это сделал. Тогда немало наших содрогнулось из-за видения, и было из-за чего, ибо, наверное, именно нам и для нашего предостережения было послано оно от Господа, потому что между нашими возникали жестокие ссоры и распри. И другой товарищ его той же ночью во сне видел какие-то чудесные черты на небе, нарисованные светом месяца, проходящие перед месяцем, между которыми была

* И в другие дни (лат.).

** А именно (лат.).

*** Тело мое, избитое плетью, изранено многими ранами, Однако царство мое то, куда ни один не войдет. Все стали ничего не стоить, все в раздоре, А потому все должны вкусить чашу скорбной смерти. Кто войдет в мое царство? Уж не быки ли? Презрели мой закон все до единого (лат.).

виселица со злодеями. А третий той же ночью видел, как облатка в руках каплана при воздвижении рассыпалась.

Кроме всего этого, прошлой ночью видели не во сне, а наяву — «москва», также и наши стражники все, как один, соглашались, хотя в разных местах стерегли, — что месяц, который в то время был в полнолунии, сперва на четверть, потом наполовину и, наконец, весь исчез. Тогда все эти дела казались каким-то предзнаменованием либо «москве», либо также и нам самим, предзнаменованием, о котором нам в заключении узнать печальнее, нежели на свободе. Грешно жили и Господа Бога гневали беззакониями нашими. Однако, так как ни Даниелю, ни Иोजефу толкования не было, мы вверили будущее Господу Богу.

Дня 19. Сам пристав *in secretis* дал знать пану воеводе, что точно коронный посол должен быть в их земле, а именно в Можайске, где его решено задержать, чтобы царь успел возвратиться в Москву, ибо его в то время еще там не было. И другие осведомители говорили согласно с этим. Частично мы этому поверили и рады были, а отчасти нет, особенно когда приказали готовить нам печи к зиме и ясно стало, что еще конца тамошней их внутренней смуте не видно. Твердили не так о Дмитриии, как о Петрушке в Туле, что он находится в этом городе в крепкой обороне от Шуйского, отвечая выстрелами и стрельбой. И, покуда не вырос, он удовлетворен тем, что захватил землю и крепости. Ибо говорили, что он очень молод. Тогда не ожидали мы скорого освобождения, однако все в руках и в силе Господа Бога всемогущего.

Дня 20. Приставы говорили, что Карл ²²² в Инфляндии нанес поражение большому войску королевскому и занял 12 замков.

Дня 25. Понравились друг другу двое невысокого положения, после чего, *propter evitandum periculum concupiscentiae*,* не препятствовали им в церковной помолвке, поэтому мы в заключении и свадьбу справили.

Дня 26. Были такие разговоры, что коронный посол точно должен находиться в Можайске, а именно в 18 милях от Москвы, однако делаи вид, что он едет не столько для нашего освобождения, а для того, чтобы обвинить в предательстве царя. Также о коронном войске говорили, что оно за границей.

[Раздел 10]

Октябрь

Дня 1. Говорили о великой битве, в которой двух думных бояр Шуйского поймали (якобы для Дмитриия) и побили очень много его войска. Действительно, было что-то похожее, и им тяжело приходилось, ибо в тот же день слышали наши в городе, что зазывали на войну, обещая большую награду, но охотников не находилось.

* Ради того, чтобы избежать опасностей вожделения (лат.).

Дня 8. Снова слухи о другой битве дошли, что Шуйского под Серпуховом поймали, а войско его разгромили.

Дня 14. Очень много раненых и здоровых возвращалось сюда из войска по своим дворам.

Дня 18. Разные вести, но много неверных, что Шуйский потерял Серпухов.

Дня 20. Тогда то и дело возобновлялись слухи, *videlicet*, что сторона Шуйского ослабела и войско должно было отступить к Москве, проиграв решающее сражение, о котором упоминалось выше.²²³

Дня 25. Пришли к пану воеводе тайно письма от того испанца, который уже раньше писал ему. Не останавливаясь на том, каким храбрым был этот человек, который отдавал их одному из наших при такой большой и постоянной страже, не спускавшей никогда с нас глаз, я думаю, важнее здесь представить только пункты из его писем, пространно написанных на испанском языке, о частых битвах Шуйского с Болотниковым, которого он называет все же гетманом Дмитрия. К тем чернецам, среди которых находился испанец, доходили известия более верные, нежели к нам, а он от чернецов все знал, живя вместе с ними немало, хотя и очень стесненно, под особой стражей, в жестокой нужде.

Передаю здесь те самые пункты, которые содержались в письме вышеупомянутого каплана Николая де Мелло.

«Уверяет сперва, что то, о чем он пишет, — это истинная правда. Извещает о происшедшем с 12 мая до того дня. Войско царя Дмитрия,²²⁴ которое в то время около Калуги стояло, вступило в битву с войском Шуйского, у которого на поле полегло 13 000, а с другой стороны также убито 6000 мужей.²²⁵ Предводителем в этой битве был некий Иван Болотников,²²⁶ доблестный гетман Дмитрия.

Печать Лжедмитрия II.

После той кровавой битвы много из войска Шуйского как рядовых жолнеров, так и думных бояр на другую сторону передалось,²²⁷ из которых первыми были князь Долгорукий,²²⁸ также князь Андрей Телятевский,²²⁹ и другие с выразительными фамилиями. В их числе один знатный пан, который до этого заправлял всеми делами Дмитрия в Москве и которого я здесь назвать не смею. Потом и другие битвы и кровавые стычки случались у Болотникова с войском Шуйского, и всегда он побеждал.

Видя несчастливое правление того тирана, пришли к нему 10 лучших бояр. Они тогда изобразили перед ним несчастья, происшедшие в его царствование, и великое, в столь короткое время, пролитие крови людской. Сказали, что он явно отвратил от себя сердца почти всех москалей и земли и что одни явно воюют против него, а другие предаются противной стороне, третьи же тайно действуют на благо неприятеля. Те же, кто еще при нем обретаются, делают это не из уважения или доброжелательности, как должны бы, но из боязни жестокостей, которые угрожают и им самим, и братье их, и всем домам их. И никто не заботится ни о чем другом, как только об имуществе и детях, которых царь отбирает и подвергает опасности.

Сказав ему это, затем стали уговаривать его, чтобы он лучше постригся в монахи, а государство отдал тому, кому оно будет принадлежать по справедливости. Разгневанный Шуйский приказал отобрать имущество у этих панов и заключить их в тюрьму. Когда они, таким образом, откровенными речами и советами своими от тирана ничего не смогли добиться, другие, видя это, стали подбрасывать подметные письма и пасквили ему и его близким. Чтобы пресечь это, царь созвал совет и от имени московского патриарха,²³⁰ своего подданного, издал эдикт.²³¹

Прежде всего он всякими оскорблениями осыпал царя Дмитрия, сказав, что по справедливости у него государство отнято, называл его (с гордостью) Гришкой Отрепьевым и Расстригой, при этом обвиняя его, что он себе несправедливо присвоил имя Дмитрия, рассказывая также, как настоящего Дмитрия Борис Годунов, прежний царь, убил еще ребенком хитростями своими. И сами вы, — говорил он, — за несколько лет перед этим видели, что тело его с великими почестями было перенесено в столичный город и положено вместе с гробами предков его. Сказал, что при погребении явные чудеса творились, когда у того тела невинного слепые, хромые и хворые выздоравливали. Затем патриарх отлучил от церкви всех, кто этим чудесам верить не хотел и кто верил, что этот Расстрига, которого год назад в Москве убили, потому что он несправедливо государство и царский титул похитил, есть настоящий Дмитрий. Также говорил, что Расстрига склонялся к латинской вере, в которой старшим почитается папа римский. В том послании Расстриге и католической вере, а при этом и духовным особам, великие и срамные наветы и оскорбления заключались, которые здесь как постыдные для слуха добропорядочных людей опускаю.

Отлучил от церкви и всех тех, которые были расположены и помогали второму ложному Дмитрию, противясь признанию его прав на московское государство и обвиняя его во лжи. Проклял также Болотникова и других мятежников.

После объявления этого приговора царь разослал по всему государству, повелевая, под страхом смерти, чтобы к нему приезжали воевать против неприятелей святой веры. Наконец, приказал, чтобы и монастырские люди, которые могут владеть оружием, ехали на войну, а монастырям велел везти всяческое пропитание к острогам или к обозам, самим же монахам — быть готовыми сражаться за веру.

После этого царь сам 14 мая отправился на войну и, выехав, поклялся под Серпуховом не возвращаться в столичный город Москву до тех пор, пока либо победит, либо сложит голову свою в этом походе.²³² Болотников же, имея сведения об этом решении и зная о силе Шуйского, соединился немедленно с Петрушкою и для своей безопасности ушел из Калуги в сильнейшую крепость Тулу.²³³ Снабдив ее оружием, пищею и всякими припасами на 6 лет, он сам, не дожидаясь, с войском своим выступил против Шуйского, завязал с ним сражение, выиграл его и разгромил царя. Люди же Шуйского отступили и уговаривали его возвратиться в Москву. Но он не хотел возвращаться по причине клятвы и не надеясь на свою безопасность.

Болотников, перед тем, как уехать из Калуги, выпустил на волю всех колодников,²³⁴ взяв с них присягу на имя царя. Шуйский же, за день до того, как отправился из столичного города Москвы, Антония и двух докторов — Давида и Кшиштофа²³⁵ приказал заключить в тюрьму.

Пишет также и о том, как царь ложными известиями тщетно утешал Москву, давая знать туда о своих удачах и натиске на другую сторону, о великой нужде и бессилии неприятеля, что все, надо понимать, неверным было.

Извещает также, что приехал в Путивль капитан из Польши, и его зовут Эломага, который рассказал, что Шуйский подкупил татар и побудил подарками шведов доставить Польше неприятности, а себе радость. Хотя они на это решились, но у них ничего не вышло. Ибо татары разгромлены, а шведов ужасно много убито. Такова могла быть причина того, что Дмитрий не имел с тех пор покровительства в Польше.²³⁶

Пишет еще, что после того, как он написал это письмо, приехал к нему боярин-москвитин с челядью другого боярина — Федора Княжнина,²³⁷ являющегося большим приятелем пана воеводы, и нашел способ с ним увидаться ночью. Тому уже 18 дней, как выехал он из Путивля, где находился царь Дмитрий, имея при себе 9000 войска. Он рассказал, что царь Дмитрий писал Шуйскому, давая знать, что имеет огромную силу, но ему как настоящему владельцу престола жаль крови христианской, которой уже и так очень много пролито. Дмитрий убеждал Шуйского в том письме вручить себя его милосердию, а государство ему отдать, ибо, если Шуйский добровольно этого не сделает, то он силою будет принужден (к этому). Посланец с письмами был сперва в Туле, после его отрядили к Шуйскому, которому он и отдал их, отправив посольство при великом стечении бояр и жолнеров. Отрядили посла в Путивль и отдали ему письма, а тем временем, до дальнейшего обсуждения, обе стороны оставались в покое.

Наконец, пишет, что боярин ему также рассказал, как вышеупомянутый капитан привел тем временем 12 000 войска, прежде разгромившего татар. О великой печали пана Андрея Стадницкого так-

же пишет, которого он радовал различными добрыми известиями, однако тот либо верить не хочет, либо не желает понять.

С теми письмами пану воеводе пришло письмо и самого Андрея Стадницкого, поскольку они в Ростове как-то между собой сносились, в котором он пишет, что не может быть Фомой неверным в этом деле, не верить, что Дмитрий жив. После передачи ему этого письма, пишет испанец, посланец более не показывался, не известно, по какой причине. А к нам еще большую и строгую монастырскую стражу приставили».

Дня 31. На радостях звонили во всех церквах, говорили, что царь Шуйский, взяв Тулу и схватив Болотникова и Петрушку,²³⁸ возвращается в Москву. Эти известия из грамоты царя Шуйского приказали слушать, согнав всех в крепость. Другие, напротив, рассказывали, что он в отчаянном положении и просит, чтобы за него Господу Богу молились. Мало верили как этим, так и другим рассказам о грамотах.

Раздел 11

Ноябрь

Дня 1. Слишком много было слухов, но правды в них совсем нет: все нас утешали скорою свободой. *Sic unicuique datum est nosse mentiri.**

Дня 11. Когда челядь наша ездил на реку за водой, застала она на берегу несколько десятков служилых, которые, возвращаясь из войска домой, остановились у переправы. Из них один, подскочив на коне, хотел отстегать возницу нагайкой, говоря, «что вы, бл..ны дети, со своим Расстригоу наделали нам столько хлопот и крови пролили в земле нашей». Возница сказал, что «я ни в чем не виноват». Он же, повернув назад и ударив его, сказал: «Однако скоро уже уйдете, ибо уже Расстрига с ворами у черта, а посол ваш великий едет».

Дня 14. Распространяли слухи о том, что царь, одних воров побив, других захватив, идет на Москву, послав воевать крепости, подерживавшие противоположную партию.

Дня 16. О тех послах польских, о которых выше упоминалось, уже не говорили, но о других, а именно — о пане Конецпольском и о князе Островском.²³⁹ Не верили мы этому, так как этого не могло быть, тем более, что наслушались уже многократно всякого вздора. Вручили себя только милосердию Господа.

Дня 20. Слышно было, что, хотя послы наши точно в Москве, однако, как говорили, «не только вам, но и им никак не выехать, ибо король ваш изменить замышляет нашему царю. Сюда король послов отправляет, а на границы с войском великим наступает, с которым, если бы послы воеводу и вас вызволили, он посадил бы Расстригу на царство. По этой причине царь приказал стеречь и послов, и вас до времени». Очень мы это неохотно слушали и не верили, зная наверняка их мошенничество.

* Так всякому дано уметь лгать (лат.).

Дня 25. Отдельные пункты из письма одного нашего товарища, который там же, в Ярославле, находился, но по некоторой причине на другом дворе. Тот тайно писал вельможным панам правдивые вещи, о чем только мог доведаться, ибо до него там надежнейшие (если правда) известия доходили.

[1-е]. «Как в том, что я здесь, так же и относительно царя не сомневайтесь, что он жив и в Путивле находится».²⁴⁰ Чему он приводит, между прочим, основания и доказательства: «И то дай, Господи Боже, чтобы я так был в доме отца моего, как он сейчас в Путивле, никто ни в чем не должен сомневаться».

2-е. Петрушка и Болотников в столичном городе Москве находятся, и это несомненно. Хитрость какую-то хотел совершить Болотников, но она ему повернулась боком. Люди из Тулы, по соглашению с царем, вышли, а сам Болотников попал в плен.²⁴¹

3-е. Посол наш, уже три недели будет, как выехал в столичный город Москву, но аудиенции еще не получил и находится под большой стражей, чтобы, упаси Боже, не увиделся со старым послом или не договорился с ним. Очень этого боятся.²⁴²

4-е. Царя до сих пор не было, и лишь теперь в столичный город Москву приехал.²⁴³

5-е. Уже взяли в плен Петрушку и Болотникова, но все-таки снова на праздник святого Николая²⁴⁴ приказано в полки съезжаться; это значит, что Дмитрий жив.

Раздел 12

Декабрь

Дня 1. Лишь теперь снег в здешних краях покрыл землю. Отсюда видно, как все это время нам Бог всемогущий дивным провидением своим не отказывал в благодеяниях, также и в тепле.

Дня 3. Когда рано утром возницы ездили за водой, увидели на реке у перевоза между «москвой» поляка, который, приблизившись к ним, спрашивал о пане воеводе и о других. Более же ничего сказать не мог, только отойдя подальше, нарочно громко отвечал расспрашивавшим его чернецам, чтобы наши слышали, говоря, что с обеих сторон (то есть с царской стороны и с польской стороны) такие собрались войска, каких до того времени не бывало. И если бы «москва» не воевала с уловками, ничего бы за собой не могла удержать, ибо уже сколько раз «москва» то появлялась, то убегала. Но этому верить не хотелось.

Дня 9. Пришли известия, что уже посол отправлял посольство, суть которого, говорили, в следующем. Спрашивал он царя: «Почему пана посла государя моего и сенатора, пана воеводу, и других таких знатных людей столь долгое время без всякой вины держал в заключении? Ибо не землю грабить, не военным обычаем приехали они все, но потому что вы сами прежнему царю, государю своему, у короля его милости и Речи Посполитой жену просили. Мирным обычаем, в свадебном поезде, въехали они вместе с послами польскими, подтверждая дружбу, чтобы договариваться о вечном мире».

На это царь и бояре думные отвечали, что «как пан воевода, так и все другие люди государя твоего не к истинному царю, но к Расстриге, на горе Речи Посполитой вашей приехали, который иначе кончить не мог свою жизнь, как он ее кончил».

Услышав это, посол стал утверждать и доказывать, что Дмитрий не Расстрига, но был настоящим царем, потому что «всею „московю“ был принят за государя и коронован, и потом ему присягу на верность давали. Однако же, что бы там ни было, вы все вечный позор и бесчестье от всего света заслужили. А теперь, если оставшихся людей государя моего из своей земли не отпустишь, да не таких оборванных, как других отпустил, государь мой приказал отдать тебе эту саблю, объявляя справедливую войну». Якобы после этого царь, приняв саблю, приказал того посла задержать, посадив под надежную стражу, а своего посла снова хотел отправить в Польшу.²⁴⁵

Потом сделали вид, что из наших панов лучших со дня на день должны кого-то взять для переговоров.²⁴⁶ Другие же уверяли, что переговоры между Дмитрием и Шуйским должны состояться по заключении двухмесячного перемирия. Совсем мы не знали, кому верить. Если бы все те дела записывать, то никогда им не было бы конца. Однако, когда тревоги утихли, за особенную милость Божью мы сочли, что ни у кого, в особенности у родственников, в ту пору не было дурных предчувствий.

Дня 10. То же подтвердил стрелец, который приехал из Москвы и рассказал по секрету пану воеводе, через наших, что посол отдал царю грамоту на обнаженной сабле.

Дня 16 и в последующие дни говорили, что воевода Салтыков, который нас сперва стерег, должен приехать в Ярославль за паном воеводой и за другими панами польскими, чтобы везти их в столичный город Москву для переговоров, а меньшую челядь прямо отсюда в Польшу отправить. Но это все-таки не подтвердилось.

Дня 21. Говорили, что послом был пан Глебович.²⁴⁷ Других вестей было слишком много, которые из-за их ненадежности записывать не хотелось. Между прочим, сообщали, что царь Дмитрий лишь теперь тронулся из Путивля, поэтому и не было слышно о тревоге в столичном городе Москве. Но ничего подобного не было.

Дня 22. (Незаметно).* Одного из тех, кто собрался было в дорогу прошлой зимой, взяли в Москву, по царскому пожалованию, на имя которого он предался, выдумав подлые вещи.

Конец же года того, по милости Божьей, прошел у нас в счастливом покое, не то, что год назад. Потому что мы, начиная с самой Пасхи, избавлены были от тревог и от опасностей. Отсюда видно также и то, что тоска наша понемногу утихла, и мы обжились здесь, но у некоторых тоска еще более прибавлялась. Пусть же и впредь творится воля Божья, как надежды наши, так и свобода наша только в нем и от милосердия его великого зависят.

* Так в рукописи.

Книга III

ДЕЛА ПОЛЬСКИЕ В МОСКВЕ И В ЯРОСЛАВЛЕ

ЛЕТА ГОСПОДНЯ 1608

Раздел 1

Январь

Помоги Бог, Господь всемогущий, и смилуйся над бедными узниками.

Дня 1. В первый день нового года новое (однако не известно, верное ли) пришло известие, что Дмитрий со всякими московскими людьми, имея с собою немало поляков, спешит под столичный город Москву. Говорили также о каких-то стычках.

Дня 2. Видели на луне удивительные радуги и зарево. Знающие люди справедливо утверждали, что такие вещи естественным образом не могли возникнуть.

Дня 5. Возобновились слухи, что под Карачевым (в 54 милях от Москвы) находится большое войско Дмитрия, против которого Шуйский готовится выступить. Также и о том, что Петрушка повешен в столичном городе Москве, а Болотников в тюрьме,²⁴⁸ что господ послов, старого и нового, несколько раз приглашали к столу. Что те, которых Шуйский послал воевать Астрахань, взяли ее на имя царя Дмитрия и, овладев городом, заперлись в нем.²⁴⁹

Дня 6. С воскресенья на понедельник видели мы снова луну необыкновенной и веселой, окруженной двумя радугами и саму находившуюся в радуге. И об этом говорили, что такое явление не только естественным образом не могло возникнуть, но и никого между нами не было, который бы когда-либо подобное видел. А так как луна была тогда очень веселой, то мы посчитали это добрым предзнаменованием, и надежды наши на Господа Бога вскоре воспрянули.

Дня 12. Слышно было, что, выбрав самых худых из нас (хотя к тому времени немного оставалось толстых, однако ж всемогущий Бог чудесно, истинно своим провидением, нас еще сохранял и снабжал кое-какими пожитками), собирались отослать со всем их имуществом в вышеупомянутую крепость Архангельск, которая является портом на Английском море.²⁵⁰ Мы не радовались этому, так как только в небе хорошо с архангелами.

Дня 15 и в последующие дни говорили, будто царь Шуйский собирався взять себе жену из дома Нагих.²⁵¹ Потом же бояре воспротивились этому, настаивая, чтобы прежде он освободил и успокоил землю. Разные еще рассказы и слухи появлялись, но не было не только такого, что можно записать, но и чему можно верить.

Дня 20. Советовали нам приставы наши, чтобы мы, особенно слуги, просили царя о пожаловании и улучшении питания. Но мы не последовали совету, опасаясь какого-либо подвоха, и предпочли кормиться, как кому удавалось, нежели соглашаться на то их подлое предложение. И потому продавали, кто что имел. Но сильного голода, по милости Божьей, не испытывали.

Дня 22. Пришло из Карельской провинции 100 стрельцов на смену тем, которые нас стерегли. Люди чуть ли не все те пришли, которые сопровождали нас из Москвы и год назад стерегли. Однако прежде чем принять охрану, каждый должен был присягнуть, что не будет нам никаких вестей и секретов приносить. Но это обязательство мало помогло, потому что у мужика присягнуть — что ягоду проглотить. Очень хорошо обманывали, по своему обычаю, как и прежде.

Дня 29. С великою боязнью видели мы столбы огненные, необыкновенные и жуткие, проходившие по небу. Должно быть, они предвещали что-нибудь либо нам, либо «москве».

Приставы также посетили пана воеводу, в то время с ними разругались паны старосты о слове, у нас употребляющемся в кабаках, а у них обычном. Пан воевода просил, чтобы ему разрешили писать царю относительно посланца в Польшу, но его заставили подождать несколько дней, ободряя надеждой на что-то доброе. Один из них шепнул на ухо пану воеводе, что имеет что-то сказать, но воздержался, намекнув только, что здесь идет какая-то игра.

Дня 30. Слухи были, что царь отправил вперед войско в несколько тысяч против Дмитрия. Это войско, отойдя от столичного города Москвы, начало роптать на царя Шуйского, думая бить челом Дмитрию. Увидев это, гетман, разумеется, повернул назад, а войско, которого 8 тысяч было, перешло на сторону Дмитрия. Когда об этом услышал Шуйский, видя явное несчастье, он хотел сложить свой жезл (таков там обычай, когда царь покидает царство), но ему народ не позволил, говоря, что, «пока от последнего из них не очистишь страну, до тех пор должен быть нашим царем». Сразу после этого к двум войскам царь отправил третье, во главе которого вышел Дмитрий Шуйский, но был ранен и едва с несколькими сотнями человек вернулся.

Тем временем царь Шуйский женился,²⁵² должно быть, его женили, чтобы он, все порывавшийся в монастырь, не ушел бы туда, но упорнее защищался.

Также говорили о панах Стадницких, что с 12 000 войска они вторглись в страну и уже до 1000 бояр к тому времени, пленив, в Путивль отослали, обещая Дмитрию и самого царя поймать, если он не вернет им друзей и родственников.

Дня 1. Один боярский сын, приехавший из Москвы, привез известие о том, что войска Дмитрия собираются идти к столичному городу Москве, а сам он стоит под городом Брянском, в пяти верстах, в монастыре, именуемом Свенским;²⁵³ что царь Шуйский, закрывшись в крепости, один, с несколькими друзьями, празднует свадьбу.

Дня 6. Странные столбы были видны в воздухе ночью, а также огненные отражения, так что страх охватил многих из нас, видевших это. Мы были все встревожены, многое связывая с этим видением. А на следующий день на довольно спокойном и чистом небе исчезла луна, подевалась неведомо куда на глазах людей, что и наша стража во дворе, и московская, вокруг двора стоящая, очень хорошо своими глазами видела и сочла это дурным предзнаменованием для своего царя.

Дня 7. Три письма от испанца Николая де Мелло. 1-е. В нем сообщалось то, о чем он писал уже 8 декабря, — что Тула взята у Петрушки и Болотникова и отдана Исидору Нагому.²⁵⁴ 2-е, что Петрушка в Москве повешен, а Болотников — в тюрьме. 3-е, в тот день, когда новый посол въехал в столичный город Москву, старый хотел уехать, но его догнали у ворот и не выпустили.²⁵⁵ 4-е, что царь Шуйский женился, удивляется, как в годину такого явного и великого бедствия умудрился он жениться. Взял какую-то Марту, а по нашему — Марию,²⁵⁶ но Мария *optimam partem elegit*.^{*} 5-е, о великой неволе своей дал знать и о жестоких страданиях, что ему временами едва на третий день пищу приносят. Все это — из-за забот, которые их угнетают, ибо из того монастыря отправлено на войну 53 человека, а возвратилось их только 13. 6-е, напоследок просит, чтобы пан воевода, если Господь Бог поможет, постарался, чтобы его из того жестокого заключения вызволил своими стараниями. На это ему отписано и деньги в помощь, милостыня послана.

Дня 9. Пункты из письма пана К[оморовского]:²⁵⁷

[1-е]. Что быстро разгорается, то долго не светит. Царь женился, один день пожил с женой, а на другой отправил ее в монастырь. Сам не уберется, взял в жены дочь князя Петра Ростовского из рода Годуновых.²⁵⁸

2-е. Дмитрий Шуйский возвратился, потеряв всякую надежду, из-под Алексина, упрекал царя, что тот женился, говоря: «Ты веселишься, а кровь невинная льется». Также сказал ему, что «уже царствовать тебе осталось недолго, ибо не на кого тебе опереться, а поэтому подумай о себе и о нас, поклониться надо тому, кому царство по справедливости принадлежит».

3-е. После ухода Дмитрия Шуйского из-под Алексина все оставленное там войско, получив грамоту от царя Дмитрия, подчинилось его воле и власти, сложив оружие и придя в повиновение.

* Избрала лучшую часть (лат.).

4-е. В прошлый четверг посол царя Дмитрия полковник Адам сам-четвертый был в столичном городе Москве с письмами Шуйскому и миром принят с признательностью. Общее содержание тех писем было таково: всем, кто ему по доброй воле подчинится, он обещает свое милосердие. Это письмо московский патриарх при царе и перед миром читал всенародно. Когда он кончил, царь спросил их мнение, а они также — царское. Царь решил, что делать нечего, когда наступают на горло, и поэтому сказал им: «Думайте теперь сами, а я тоже сам думать буду, если так велит Бог, я ему уступаю, и будь, что будет». Услышав это, мир воскликнул единогласно: «И мы также! Да здравствует Дмитрий Иванович всей России! Но мы просим, чтобы ты нам милосердие показал, не велел своим жолнерам, как в других городах, о чем мы слышали, насилие чинить». И с этим отправили посла, прося, чтобы царь прислал кого-нибудь для принятия присяги.

5-е. О наших говорят, что они под Смоленском и ту крепость взяли.²⁵⁹

Дня 16. В субботу все, как и прошлой ночью.

Дня 17. В воскресенье масляной недели ходил дьявол между нами. Правда, его самого не видели, но слышали голос те, с которыми он разговаривал. На некоторых нагнал страха, некоторых душил, а именно, одного человека придушил так, что тот едва очнулся, вздохнул и другим рассказал, что с ним дьявол задумал сделать. А еще с одним спорил в видении о душе его, до того, что ему эти строки («Corpus meum flagellatum est, etc.») привиделись, и говорил ему, «что в тебе моя душа, а только тело Божье». А тот дьяволу отвечал, «что Бог с тобой дела не имеет, если тело Божье, тогда и душа». А дьявол крикнул: «О, Франциск! Навыхватывал их у нас, но дай же покой!» — и полетел. Ведь тот отрок был опоясан поясом святого Франциска и в нем всегда спал.*

Много было у дьявола и других явных проделок и разговоров с некоторыми. Одному наговорил, чтобы к ним отправился, обещая его кормить очень вкусной кашей, которую тот одно время пробовал во время болезни. И он к тому часто приставал.

Досаждали нам также суровые морозы, лютые — почти всю зиму, начавшиеся в декабре, но, однако, особенно сильные в данное время, столь суровое, что земля почти гремела, как медь.

Дня 18. Еще большие бесчинства натворил сатана. Тою ночью одних со стульев свалил, других ушиб, и в свечах показывался, и в женском обличье, и не однажды, но несколько раз их облетал, продельвая различные штуки.

Дня 26. К тем стрельцам, которых здесь год тому назад оставил Салтыков для охраны крепости, добавлено 50 человек, чтобы нас сторожить, ибо опасались набегов. Как об этом и пан Коморовский пишет в своем письме, ниже переписанном. Следовательно, и повсюду, не только в городе, но и по дорогам придано стражи.

*Die ultima** февраля дошло до нас от пана К[оморовского] письмо, содержание которого таково: «Пишу, как и раньше, не сомневаясь, что все так и происходило, то есть, что они добровольно*

* Тело мое, избитое плетьюми, и так далее (лат.); см. известие за 7 сентября 1607 г.

** В последний день (лат.).

предались царю и с этим известием послали было к нему, теперь же сообщая вашим милостям, почему до этого дело не дошло. Потому что, когда царь послал в столичный город Москву бояр своих принимать присягу, он также отправил с ними небольшой отряд и воеводу, некоего Ивана Голицына.²⁶⁰ В Москве же другой совет без ведома царя состоялся, так как Дмитрий Шуйский вместе с отцом царской жены привели мир к тому, чтобы Расстриге не доверять и мужественно защищаться. „А так как,— молвил он,— мой брат не способен царствовать, обещаю, что, когда вас обороню и государство московское успокою, царем вашим буду“. Услышав это, они все тотчас согласились, чтобы все так происходило. А он, видя их расположение, в надежде на царство раздал боярам очень дорогие подарки, и сразу после этого совета, не мешкая, послал вооруженных людей против войска царя во главе с отцом царской жены. Ударили они по врагу без предупреждения, в то время, когда послы царские уже были в столичном городе Москве. Но Господь Бог проявил чудесную милость свою, и нападавшие были наголову разбиты. Отец царской жены попал им в руки, с него содрали кожу, а потом на части разрубили. Затем, не мешкая, Голицын пошел с войском под столичный город Москву. К нему прибыло также немного поляков, которые пришли из войска польского, находившегося около Смоленска, крепости Тверь, Углич и иных немало привели к присяге царю. Эти крепости и сейчас сохраняют верность, кроме Углича, который изменил, а люди из него ушли. Итак, узнав, что Голицын направился с войском к столичному городу Москве, чтобы овладеть этим городом, поляки, не мешкая, пошли к нему на помощь. С одной стороны подошли наши, а с другой — Голицын, и мощным штурмом взяли Деревянный город, часть войска побили, а часть привели к присяге.

После этого, пробив сперва брешь в 8 сажен в Каменном городе, с той же яростью ворвались в башню, которая там стоит на углу у реки, называющейся Москва, и разрушили ее. В этом проломе с обеих сторон полегло много людей. Полному поражению помешала ночь. Тогда Голицын встал со своими людьми в Деревянном городе, а наши встали лагерем в поле. В той страже, которая стояла у пролома (она состояла из людей, набранных в крепостях), изменили, войско — а его только что привел Татищев из Великого Новгорода — из города выпустили.²⁶¹ И тогда спереди и с тыла, со всею силой по Голицыну ударили. С обеих сторон бились хорошо и храбро, один другому не уступал. Однако победили более свежие и не столь утомленные войска, как те, что воевали в Деревянном городе, и людей Голицына в поле далеко вытеснили. Между тем поляки, стоявшие лагерем, ворвались в город, перебили многих людей саблями, убивая встречавшихся наповал, без всякой пощады. Совершив это и не понеся урона, они вышли из города и направлись к Смоленску, делая более десяти верст в день. Голицын же ушел к Серпухову, чтобы лечить тяжелую рану, ибо он был ранен в бок. Там его опять подстерегли Дмитрий Шуйский с братом, чтобы окончательно разгромить. Но он, оправившись от раны, сам разгромил их, разгадав задуманную военную уловку, так что Дмитрий Шуйский едва ушел в столичный город Москву.

Между тем, уже царь приближался со всеми войсками, которые были очень многочисленны, имея при себе и поляков, кроме тех, что были под Смоленском».

Тогда (что достоверно известно) 100 человек из наших собирались отослать в Каргополь, в 200 верстах от Белоозера, но бояре не советовали, говорили, что и тут около нас хорошая стража. И в самом деле, стерегли со всех сторон, и даже монастырские люди с другими были рассажены по дорогам, а к вельможным панам приставлено 59 стрельцов, тех самых, которых год тому назад оставил Салтыков в здешней крепости.

Раздел 3

Март

Дня 1. Слышно было, что Голицын снова вернулся под столичный город Москву, а царь Дмитрий в Туле ждет, пока войска стянутся. Также и то, что Москва в осаде, кроме одних ворот с нашей стороны, которые свободны.

Дня 2. Проехал через Ярославль Михайло Салтыков — воевода, тот самый, который нас год назад стерег. А с ним некий Степан, который тут прежде у нас был приставом, а потом в Вологде — у глинских, откуда его взяли, не известно для чего. Догадывались, что обоих выслали в Сибирь, в опалу, из-за какой-то измены. Другие же толковали иначе. Было с ними и еще несколько бояр.

Дня 3. Узники все из темниц ярославских выпущены, собирались их приодеть как-нибудь и использовать для обороны крепости или же отправить на войну.

В тот же день, в полночь с воскресенья на понедельник, луна на ясном и очень красивом небе была окружена двумя разноцветными кругами, длилось это несколько часов. Так как мы привыкли к подобным диковинкам, то боялись их меньше.

Дня 5. То же известие, — что столичный город Москва в осаде, что к ней стягиваются войска, что сожгли часть Деревянного города и его ближние слободы. Говорили, что однажды из города вышел отряд, на который неожиданно напало из лагеря несколько сот человек на лыжах и великий урон вышедшим из города причинило, взяв в плен 36 человек и отослав их к царю Дмитрию. Он, угостив их, освободил и отослал назад, молвя, что «не жажду я вашей крови, и если бы мне не было жаль губить невинных людей, то уже давно бы вами смог овладеть». Дмитрий же Шуйский (так как о царе не слышать, говорят, что он болен) велел всему духовенству съезжаться, чтобы выставить его с крестами против войска Дмитрия, а самому выйти за ними и погибнуть, обороняясь.

Пришло известие, что наши проникли в Смоленск, но не известно, чей стороны держатся.

Дня 7. Конюший пана старосты саноцкого внезапно скончался.

Дня 10. Привезли тогда Болотникова и несколько бояр, а сослали его в опалу в Каргополь. Когда его везли несвязанным и это увидели бояре, они спросили, почему он так свободен. Услышав это, Бо-

лотников заявил, что «я вас самих скоро буду заковывать и в медвежьи шкуры обшивать».²⁶²

Дня 12. Оба пристава и немало сынов боярских было на пиру у пана воеводы. Сказал вполголоса один из приставов, что «приближается ваша радость».

Дня 14. Привезли из Сибири несколько десятков верблюдов, притворились, что хотят устроить конницу поляков, которая, по слухам, находится под Москвой.

О титуле царя и князя российского выдрано.*

Очевидно, что-то действительно было, ибо нас в те дни усердно стерегли и к ключникам, которые ходили на рынок, к каждому в отдельности, приставили по 6 стрельцов. Часто носились пустые слухи о каких-то людях под Москвой.

Дня 18. Пришло известие, что войско продолжает оставаться под Москвой, что 16-го была там кровопролитная битва, также что московских людей погибло до 10 000, а тех, кто был в бою с другой стороны, — 2000. Больше всего полегло казаков, ибо они сражались храбрее остальных. Потом с крестами выходили; говорили, что сам царь Шуйский был смущен и не знал, что делать, и рад бы был уже сдаться, но брат его с другими думными боярами чернь сдержал.

Дня 22. Эконома пана старосты саноцкого, идущего с рынка, схватил за руку при стрельцах один москвитин, говоря: «Скажи от меня воеводе, что скоро все ваши дела в столичном городе Москве, из которого я вчера приехал, решатся. А что говорят, будто Годунов воюет, этому ничему не верьте, ибо его из могилы вырыли». Дальше он не мог говорить, ибо его сразу стрельцы повели к приставу. Когда у него допытывались, кто он такой, откуда пришел и по какому делу, он поведал, что «нас тут трое, что мы вместе из Москвы пришли». Там и те двое вместе с ним были, но как только его схватили, они сразу же исчезли. А его, бив кнутом, посадили потом в тюрьму. Эконом тоже сильно испугался, что ему грозит опасность. Стрельцы выгородили его, сказав, что он не обращался к тому мужику, но мужик сам с ним заговорил. Вдобавок староста сам им заявил, что ничего не понял из речей мужика.

Сочиняли также, что поляки овладели Северской землей.²⁶³ К концу же того месяца все известия утихли. Конец святого поста провели спокойно, без всяких вестей, и о «москве» под столичным городом Москвой не говорили.

Раздел 4

Апрель

Дня 6. В день Светлого Воскресенья и потом, в течение всей недели, никаких известий не было, кроме того, что войско Дмитрия находится под Орлом, а войско Шуйского — под Болховом.²⁶⁴

Дня 14. Голов угощал пан воевода.

В тот же день явилась надежда, что мы через три недели поедem в столичный город Москву. Говорили, что уже Новгород, да и другие сильные крепости сдались Дмитрию, что польское войско стоит там

* Вероятно, примечание переписчика рукописи.

же, под Орлом, на стороне царя Дмитрия. А в войске, которое под столичным городом Москвой находилось, были татары из Нижнего Новгорода, явившиеся, как только снег сошел. Увидев это, москвичи вышли против них, но татары, уходя, встретились с поляками, повернули на москвичей, и дали им бой, и разбили их так, что едва три брата Шуйских в крепость Михалец ушли. Там и до сих пор в осаде.

Дня 16. Говорили, что «уже ваш король польский все земли и волости под Москвой завоевал, до самых Вязем», которые только в 6 миллях от столичного города Москвы.

Дня 17. Некий татарин пана воевода хотел предаться на имя царя, но прогуливавшийся пан воевода сам увидел это, приказал его призвать к себе и учинил ему допрос. Татарин тотчас во всем сознался, и затем его в цепях посадили под стражу.

Тем временем очень много людей из войска Шуйского убегало, из-за чего нас окружили более сильной стражей, чем в другое время: как только один или двое наших отправлялись куда-нибудь, так сразу несколько стрельцов следовало за ними по пятам до ограды. А к ограде не подпускали никого. Даже воду возили от реки не обычной дорогой, но вкруговую, за валами, и другие всякие предосторожности были, — а все для того, чтобы мы ни о чем не знали. Однако же ежедневно одни и те же частые разговоры заходили о царе Дмитрии и его могуществе и, напротив, о слабости Шуйского. Те, кто чувствовали себя виноватыми, были в сильной тревоге, бояре же вели постоянные переговоры с миром. От наших старших постоянно приходили вести, что Дмитрий вернул себе столицу, и были среди панов такие, которые хлопотали о его будущей милости.

В это время мы были очень опечалены и озабочены болезнью пана старосты красноставского, который давно уже лежал и болел так сильно, что даже написал завещание.

Дня 24. Волга-река разлилась, а за несколько дней перед этим Которосль. Ужасные холода, случившееся из-за этих вод, принесли немало мучений.

Дня 25. Пристав Афанасий, которому царь приказал немедленно явиться к себе в столичный город Москву, прощался с паном воеводой и со всеми. А на его место прислали другого, по имени Якима. Все мы очень сожалели, что нас покидает такой хороший человек, потому что он всегда к нам относился дружелюбно и сочувственно. Обычно исправно присылал нам пищу и был к нам необыкновенно привязан. Мы не знали причины его отъезда, кроме того, что он был им нужен для войны. Бояр многих люди пленили, а лучших побили, другие же либо искренне, либо с умыслом предались царю Дмитрию.

Раздел 5

Май

Дня 1. Дано знать, что в день святого Войцеха была кровавая битва, в которой очень много войска Шуйского побито, пригнано к реке и утоплено, взято в плен,²⁶⁵ и что будто бы видели пана Ж. в той битве.

Дня 2. Также известили, что 70 000 войска наступает под столичный город Москву, что бояре разбиты наголову и убегают, что Афанасий, пристав наш, не доезжая до Москвы, пропал куда-то, но потом оказалось, что доехал.

Дня 3. Луна в 3 часа ночи была как будто кровавой и оставалась очень невеселой до самого утра. В тот же день, до захода, солнце вечером стало каким-то мрачным и словно поигрывало.

Дня 5. Пристав Иван был у пана воеводы и от царского имени известил его о милостивом разрешении написать, какие ему лекарства требуются, а великий государь прикажет за них заплатить из своей казны. Пану же старосте луковскому разрешили написать о своем имуществе, обещая послать за ним в Белоозеро.

Дня 11. Дано знать, что из-за действий Мстиславского войско Шуйского разбегается, и он остался в Болхове один с чернью; и что в то время дважды сотрясалась земля в столичном городе Москве; что Баля, Венгрина, Березаньского и четвертого, который изменил пану послу, выслали в Сибирь; что у панов Стадницких на Белоозере большая нужда; что бояре посылали к царю сказать, чтобы он их либо отослал в Литву, либо приказал давать людям хорошую пищу, говоря: «Ибо опасаемся, если нам придется ехать на войну, а их будет голод мучить, что они наших жен и детей перебьют».

Дня 15. Дано знать, что к приставу ночью приехал гонец с письмом, направленным только ему. Прочитав его, пристав сразу приказал хлопотать о хорошей рыбе для пана воеводы, и в самом деле прислали ее в тот же день. Но до сих пор не известно, что было в том письме.

Item* сообщили, что царь Дмитрий с войском своим, будучи под Орлом, приказал запалить город, а сам задумал убежать во время пожара. Увидев это, Шуйский погнался за ним, полагая, что они убегают, но те повернули и пошли на него.²⁶⁶ Item, что пана воеводу хотели взять в Москву для примирения. Знать, что-то у них неладно, ибо нам позволили брать всего в долг и свободнее нас выпускали, чего до того времени не было.

Также о войске короля его милости говорили, что находится у Смоленска и взяло несколько крепостей.

Дня 19. Новый пристав приветствовал пана воеводу, имея, вероятно, указания от царя, уговаривал написать смиренное прошение, в котором следует повиниться, и дал для примера образец. Но пан воевода не написал никакого прошения, поняв, что здесь какой-то подвох, что нельзя так раболепно написать и унижаться перед теми, которые наутро могут его казнить.

Дня 20. Дано знать, что под Орлом царь Дмитрий разбил наголову войско Шуйского, едва Дмитрий Шуйский с воеводами своими спасся и бежал без оглядки до самого Серпухова. Носились также слухи, но очень нелепые и ложные, что жена пана воеводы находится с 20 000 войска под Орлом. Распускались слухи для того, чтобы людей обмануть: сказали им, что идут не на царя Дмитрия, но на Литву, чтобы их вернее, будто бы для защиты веры, выманить на войну.

* Также (лат.).

Дня 21. Приехал бывший пристав Афанасий, и сразу же разнесся слух о выезде пана воеводы и царицы в Москву на какие-то переговоры. Теперь обнаружилось, что то прошение, о котором выше упоминалось, потребовалось для того, чтобы пустить миру пыль в глаза. Что вроде бы не потому вызывали пана воеводу, что он был нужен кому-то, но потому что царь сжалился над ним и берет его к себе, чтобы ему было лучше. В тот день уже хотели получить не такое прошение, какого три дня тому назад добивались, но другое, какое пану воеводе будет угодно, чтобы только содержались требования и просьбы. И с великим неудовольствием они вынуждены были открыть истинные причины своих действий.

Дня 22. Велели пану воеводе, царице ее милости, панам старостам готовиться, позволив взять с собой лишь нескольких шляхтичей. Долго это обсуждали и спорили, но порешили на том, чтобы взять 90 человек пану воеводе и царице ее милости и каждому из панов старост. Причину их отъезда некоторые усмотрели в том, что, наверное, они необходимы были для соглашения с Дмитрием, который нанес царю большой урон под Орлом, перебив много народа. А некоторые думали, что для соглашения с Польшей.

Дня 23. Гонцы один за другим прибегали, чтобы пан воевода выезжал. Различные слухи были; одни советовали отправляться, а другие — нет, и наконец остановились на том, чтобы ехать. Плача было много, особенно у тех бедняг, которые без господ своих в руках тиранов оставались. Надежда их теперь была только на Бога, их покровителя, что он и дальше, как милосердный отец, будет иметь о них попечение.

Дня 24. Проводили панов Стадницких.²⁶⁷ Но нам с ними не разрешили увидеться, мы их только с крыши видели. Говорили также, что в то время Шуйскому плохо приходилось, и по этой причине приказано быстрее везти пана воеводу.

Дня 25. Выезд вечером за перевоз. Утром перед выездом хорошие для нас предзнаменования были, ибо с великими клятвами убеждали нас, что Дмитрий жив. Вечером же, перед выездом, наступила тревога: дали знать, чтобы пан воевода не торопился, ибо около Москвы великие мятежи, и пока с ними не расправятся, чтобы задержался. Однако, этих советов не послушались, и он все-таки выехал в жестокую непогоду.

Ночлег за перевозом в предместье прошел в хлопотах и трудностях, ибо челяди было мало, а в подводы запрягли непослушных московских кляч. А в городе были печали и рыдания, одной надеждой оставшиеся себя утешали, что через три недели их обещали вывезти. Таким образом, выехали все женщины (ибо девушки все вышли замуж) и юноши, больше всего — шляхтичи; челяди же не разрешали брать больше шести сверх определенного числа. После этого осталось *in genere* * 162 добрых молодца.

Дня 26. После обеда переехали с одного ночлега на другой.

Дня 27. Положение наше в Ярославле улучшилось. Приставы Иван дьяк и Яким остались при нас. Афанасий же проводил пана воеводу. С нами обращались довольно милостиво, пищи стали давать не больше, однако несколько получше, свободу нам также дали, раз-

* В общем (лат.).

решив ходить как на прогулки, так и на рынок. Разные вести с дороги о пане воеводе приходили к нам и письма. Но первого письма нам не отдали. А другое, написанное в самом конце мая в миле от столичного города Москвы, дошло, копия его ниже.

Раздел 6

Июнь

Дня 7. Выпустили из тюрьмы Яна Запорского, который был туда заключен еще 24 сентября 1606 года, как об этом в своем месте сказано.

Дня 8. Отдано нам письмо от пана воеводы. Вот копия этого письма:

«В прошлый праздничный вторник писал вам, оставшимся в Ярославле, но сомневаюсь, чтобы то письмо дошло, таким образом, снова первое письмо посылаю. Вот оно: Сегодня, даст Господь Бог, то есть в субботу, накануне дня святой Троицы,²⁶⁸ я в столичном городе Москве буду, потому что теперь мы остановились только в миле от этого города. Завтра, даст Господь Бог, надеюсь быть у великого государя, а в воскресенье обещают сразу послать как в Ярославль, так и за другими пленниками, которые в разных крепостях находятся. Ибо за князем Вишневецким и за теми, кто еще находится на Белом озере, уже послано. Я получил письмо от панов послов, которого копию, по пунктам написанную, вам посылаю. Все это приняв во внимание, легко вы поймете, что потом наступит. Надежда на Бога, заступника нашего, что милосердием его скоро дождемся чаемой радости».

Вот пункты из письма панов послов, изложенные таким образом: «Прислать изволил сам король его милость почти год тому назад нас, своих посланников, и мы, соединившись с новыми послами, после долгих переговоров с думными боярами договорились. И было решено, что великий государь изволит послать для наших дальнейших посольских переговоров с боярами за вельможным паном самим и за ее милостью дочерью его, а также за всеми панами Мнишками, которых вельможный пан возьмет с собой, тех, кого сочтет достойными находиться в столичном городе Москве. Также и ее милость, дочь вельможного пана, чтобы взяла с собою женщин тех, в которых будет нуждаться для услужения и будущего тут пребывания. Все же прочие королевские люди, наша братья, как те, которые находятся в разных отдаленных местах, так и те, которые в том месте находятся, где вельможный пан изволит быть, пусть еще останутся. Но после приезда вельможного пана, их тоже, возможно, скоро сюда препроводят, причем как там, так и в дороге будут снабжать всем необходимым. Сообщаем также, что король его милость, государь наш, с королевой ее милостью и королевичем здоров и на счастье нам в мире правит. В отчизне нашей все, по милости Божьей, благополучно. А кардинала и старостину красноставскую и луковскую, а также остальных родственников наших, по милости Божьей, оставили мы здоровыми. Письма из Польши, как вам, так и другим, находятся при нас, а когда, даст Господь, ваша милость пан прибудете сюда,

тогда они вам отданы будут. Посылаем мы всем привет. Составлено в столичном городе Москве. Дня 19 мая 1608 года».

С тем же письмом прислана такая записка: «Как я горячо жаждал всегда увидиться с вашей милостью паном, не требуется доказательств. Но, будучи подвергнуты таким испытаниям, мы оба с трудом могли достигнуть этого. Теперь же, когда Господь Бог такое благоприятное время ниспослал нам, что видиться позволено, очень прошу к нам поспешить. Господь Бог, устроив, что встреча и свидание наши близки, скоро приведет нас к желанному берегу вольности, по своей Божьей милости, а дальше и нашего освобождения мы с радостью ожидаем. Мой Городецкий ждет также с великою радостью вельможного пана. Николай Олесницкий, каштелян малогощский».

Дня 9. Улучшили нам пищу и кормили так, как прежде, когда рассылали из Москвы, ибо тут в Ярославле сократили довольствие на третью часть. Это теперь возместили и очень милостиво с нами обходились. И даже позволили нам прогулки по-над Волгой и на торг.

Дня 10. Пришли к нам вести, что царь посылал пана старосту луковского в полки уговаривать царя Дмитрия. Другие же говорили, что пана Юрия Плату, а третьи — что их обоих. И пана старосту из полков не отпустили, а пан Плата возвратился и должен был получить за это пожалование от царя Шуйского.

Дня 11. Пришли вести, что все бояре покинули царя Шуйского и встали в поле, и говорили, что только мир при нем остался.

Дня 13. Провезли более десяти казаков через Ярославль, обманывая мир и говоря, что это воры, которые громят и грабят.

Дня 15. Дано знать, что в столичном городе Москве начался большой мятеж, в котором сражаются между собой одни за Шуйского, а другие ни за ту, ни за другую сторону. Также и о том, что на столичный город Москву наступают вооруженные полки, берут и сжигают окрестные крепости.

Дня 16. Дано знать, что царь Дмитрий встал на том самом месте, в полутора милях от Москвы, где разбивали шатры, в которых ночевала царица; что в столичном городе Москве великая тревога, а бояре разбегаются.²⁶⁹

Дня 17. Рассказывали о большом мятеже в столичном городе Москве, и что там, перед двором пана воеводы, полегло несколько сот человек. Некоторые говорили, что причиной этого была злоба, которую мир затаил на пана воеводу. А бояре не допускали расправиться с ним, поэтому-то они так жестоко дрались между собою. А другие сочиняли, что всего лишь несколько панов думных сговорилось с паном воеводой, чтобы везти его к войску. Когда об этом дали знать Шуйскому, он послал быстро к миру, который дал бой боярам. А наших будто бы выпустили со двора для подкрепления. Там будто бы бояре были разбиты, а слуг пана воеводы опасно ранили, а пана Загурского, слугу пана старосты саноцкого, и других убили. Самого пана воеводу взяли в крепость, также и царицу, дочь его, поместив отдельно с женщинами, а панов старост посадили под стражей по разным дворам. Это известие очень нас испугало и обеспокоило, но так как называли разные причины столкновения, то мы не очень-то этому хотели верить.

Дня 18. До нас доходили разные вести, особенно о том, что ежедневно под столичным городом Москвой происходят стычки, что люди царя Шуйского всегда с разными уловками выходят на бой, а наши их рубят и бьют без счета, подъезжая за ними к самым воротам. Были также слухи, что с той стороны идет войско занимать крепости. Сначала идет на Углич, из-за чего ярославцы немедленно послали к угличанам, чтобы они не сдавались, объявляя им, что они сами будут защищаться.

Дня 19. Дошло до нас неприятное и грустное известие, что вместо отправки в Москву приказали нам готовиться к отъезду еще далее, то есть в Вологду, милях в 30 отсюда. Произошло это из-за того, что в Ярославль ожидалось войско и что им было трудно защищать город, когда мы здесь. Сопrotивлялись мы, сколько могли, чтобы уклониться от этого путешествия.

Дня 20. Заявили мы, что предпочтем сложить голову, нежели уехать отсюда, но потом, когда ничего нельзя было поделать, мы подчинились и пошли договариваться с нашим приставом Иваном дьяком, чтобы он не отправлял нас, пока мы не пошлем челобитной царю, и обещали приставу подарки. Ведь слышно было, что столичный город Москва в тяжелой осаде и что Ярославский тракт занят. Принудили мы его теми обещаниями послать гонца и думали дожидаться его возвращения. Но все-таки это дело провалилось, успехи противника помешали нам.

Дня 22. На рассвете ударили в набат, на звук которого сбежался мир до нескольких тысяч человек. Внезапно напали на крепость, схватили Ивана пристава, избили палками и посадили в тюрьму. А царю дали знать, что пристав «был в сговоре с „литвой“ и под тобою, государем нашим, замышлял измену». Мы были наготове, если бы до чего дошло, но они на нас даже не взглянули. Только успокоив суматоху во дворе, они вместо того пристава дали нам здешнего старосту, по имени Третьяк,²⁷⁰ и приказали готовиться в дорогу. Раздали подводы согласно потребностям. Допытывались у нас также, не одаривали ли мы чем того Ивана, обещая нам все это возвратить, и со всеми очень милостивы были. Однако в итоге получилось не так, как мы хотели, ибо нам приказали ехать.

Дня 23. Наступил день отъезда в Вологду всех, остававшихся в Ярославле. Перед тем, как мы тронулись в дорогу, нас встревожили, захотев отобрать наше оружие. Услышав об этом, мы поклялись друг другу и присягнули на том, что отдадим его только ценою жизни. Когда стали выезжать, объявили мы, что вышлем вперед к перевозу подводы и «москву», а сами пойдем пешком с нашим оружием, и пусть нам никто не дает повода поднимать его. И другое — что все мы в одном судне переправимся. Все это позволили сделать в соответствии с нашим решением. Мы же, вручив себя в руки Бога, выслали возы с подводчиками и пошли десятками с оружием к перевозу, потому что переправа была далеко. Во время нашего отъезда немного было мира, затем всем было приказано выйти, и они сидели на валах и по берегам реки до тех пор, пока мы счастливо не переправились. Также выпустили и послали с нами тех, кто находился за приставами, а именно: пана Конецкого, пахолика его и мальчика пана Запорского. Таким образом, отчалив от берега, поблагодарили мы за хлеб и за соль трубными звуками и киданием шапок. И многие опешили от

такой опасности: «Не литовские ли люди наступают?» Ночевали мы тут же, за перевозом, в таборе, туда к нам пришли вести, что взят город Переславль и войска готовятся идти под Ярославль. И что ярославцы, отправив нас, поспешили рыть окопы и укреплять город.

Дня 24. В день святого Яна, когда мы уже двинулись в путь, было какое-то замешательство в городе. Затем задержался Третьяк, наш новый пристав, так что мы его ждали до полудня. Потом наступил ночлег в яме,²⁷¹ в 6 милях. Туда явился гонец пристава с сообщением, что Переславль и Ростов взяты,²⁷² а Ярославль еще стоит.

Дня 25. Ночлег за царским селом Даниловым, в 6 милях. В этом лагере одна из наших женщин слегла, из-за чего должна была остаться, но на следующий день нас догнала.

Дня 26. Ночлег после очень плохой дороги в яме, в 6 милях. А ямом называют каждое село, в котором меняют подводы. Порядок же такой, что за один час представляют несколько сот подвод. Но это из-за необыкновенной жестокости, с которой относятся к мужикам, ибо, когда замешкаются, то их карают: поставят рядом всех мужиков и, зайдя с конца, три человека палками по три раза ударяют каждый своего мужика и стегают их бичом по ногам. А обойдя ряд, снова то же повторяют, до тех пор, пока не будет подвод. В той дороге сопровождающие изображали перед крестьянами, что нас пленили на войне. Но они этому не верили, видя, что мы идем с оружием.

Дня 27. Ночлег также милях в 6, в яме.

Дня 28. В 8 милях встали лагерем у реки Оркши.

Дня 29. В 4 милях встали лагерем под Вологдой. Там советовались мы между собою, особенно по поводу того, что, как нам сказали, вологжане нас в город свой принимать не хотели.

Дня 30. После долгих препирательств с нашими приставами здешний воевода²⁷³ приказал нас все-таки проводить до назначенных дворов. Но мы не хотели идти, требуя, чтобы несколько наших поехали вперед и осмотрели их, и расписали квартиры. Когда они не захотели позволить этого, мы решили настоять на своем и отказались ехать, расположившись лагерем там, где остановились. Только узнав об этом, они позволили сделать, как мы требовали.

Получив разрешение, поехало четверо наших вперед и распределило квартиры на трех дворах, которые располагались поодаль от города, в отдельной слободе. Один двор построен был и обнесен таким высоким забором, что только небо да земля, на которой он стоит, видны были. Возле него два двора, взятые у их хозяев. Итак, въезжали все мы неохотно. На первом дворе прежде наши жили, которых от нас из Ярославля забрали, а перед нашим приездом выслали отсюда в Устюжну Железопольскую. Немало их предалось на царское имя, а именно: князь Воронецкий, Солтан Старший, Добецкий, Домарацкий, портной Папроцкий, которого взяли в столичный город Москву для писания писем, других имен мы не знали. Этих под присмотром приставов там же держали, давая им кормовых денег в день по копейке, то есть по грошу.²⁷⁴ Из их числа двое к нам убежали, а двух догнали (как передавали) и посадили под стражу.

Положение наше в Вологде было таково: город тот несравненно меньше и, несомненно, гораздо хуже, чем Ярославль. Крепость расположена отдельно, обороноспособность ее не может сравниться с той, что описана в Космографии.²⁷⁵ Город окружен стеной, но недо-

строенной и не пригодной для защиты. Стену эту, как слышно было, строили наши поляки, которых взяли в плен на войне. Было их 400 человек. Но всех их до одного потом убили за то только, что они пару телят съели. Вскоре после этого часть города сгорела, и жители написали жалобу на них царю, утверждая, что это явно их Бог пока-рал за воровской поступок. Услышав о том, разгневанный царь приказал своим приговором перебить пленников.

Река Вологда невелика, течет под городом. От нее кругом идет овраг, который окружает другую сторону города, воду, текущую в том овраге, называют Золотухой. Поселение расположено в такой низине, что едва заступом, раз или два, ударишь по земле, сразу появляется вода.

Раздел 7

Июль

Дня 1. От самого пристава (помимо других вестников) пришло секретное известие, что город Ярославль взят.²⁷⁶ А случилось это по той причине, что, когда один из наших сказал в его присутствии, что понимает дело, пристав, поверив ему, стал тщательно расспрашивать и осведомляться у него об отдельных вещах. Некоторые из них он угадал, так как его уже известили его секретари, упомянул также мимоходом о Ярославле, говоря, что «видел я, как ему худо приходится». И после этого пристав рассказал ему, когда и как взяли город. Однако же мы этому не поверили, хорошо зная об их изощренном коварстве в поступках и речах, а потому не придавали значения этой вести. Гораздо больше беспокоились мы о еде, когда нам ее не давали.

Когда пристав наш напомнил об этом, воевода сказал ему, что «и без „литвы“ здесь хватало забот, привезли нам ересь и разврат». Мы же передали приставам: «Либо дайте нашу пищу, либо отправьте назад, либо объявите, что собираетесь с нами делать. Ибо мы не собираемся здесь терпеть голод, а лучше умрем в борьбе с неприятелем».

Дня 2. Они оправдывались, говоря нам, что это «не наша вина, а здешнего воеводы, который не слушается царя, и пищу не дает, и с нами ссорится. Поэтому мы немедленно напишем и доложим государю нашему. И вы напишите свою челобитную и пожалуйтесь на него».

Дня 3. Отправили мы тогда челобитную в столичный город Москву. С этой челобитной пристава послали тайно на своих лошадях одного стрельца, наказав ему не менять лошадей вплоть до третьего яма. Воевода, узнав обо всем, приказал догнать того гонца, но его не сумели настичь.

Дня 4. Заняв деньги у архиепископа,²⁷⁷ выдали нам положенную пищу и уплатили за задержанную. Также и воевода приступил к переговорам с нами.

Дня 5. Невеселое известие дошло до нас, будто бы царицу, сам-друг только, везли из Москвы в Сибирь. Были и иные печальные слухи, которые дошли до нас еще в Ярославле (как говорилось об

этом 17 числа). То есть будто бы пана воеводу и других панов, каждого в тюрьму отдельно посадили. Слуг их — одних побили, а других ранили. И тем печальнее было слышать об этих новостях, что нам называли подлинные имена. Причина состояла якобы в том, что пан воевода, вместе с паном послом, сносились письмами с ворами.²⁷⁸ Это дошло до царя, когда один из посольских комнатных слуг, достав те письма, предался на царское имя (и выдал все их секреты). Царь приказал сперва схватить бояр, через которых это было сделано, посадить их на кол, мучить etc. Потом, когда дело дошло до пана воеводы, он защищался на своем дворе, имея при себе кого-то из «москвы». Итак, одни были убиты, а другие, тяжело раненные, едва остались живы. Мы рассказам не верили, считая, что они сообщают нам это для того, чтобы держать нас в страхе. Потому что они сильно опасались, чтобы мы им чего-нибудь не сделали. А особенно по той причине, что они видели около нас сильную стражу и что нас было 160 человек.

Дня 6. Прибыл гонец, но с чем, этого мы не знали, только догадались по москалям, что им как-то несладко было и что они заметно носы повесили. Даже и в общих разговорах невеселы были их лица. Наверняка, если бы было что-то утешительное, его бы не таили. Пишу нам отпускали своим порядком каждый день.

Дня 8. Говорили, что те, которые столичный город Москву осадили, соединились. Срок осажденным положили до четырех недель, говоря, что «если до тех пор не сдадитесь, то с женами и детьми вашими всех вас совершенно истребим».

Дня 10. Предостерегли нас, что здешний воевода «с того дня, как вы приехали, всяческими ухищрениями хочет забрать у вас оружие. И чтобы успешно исполнить это, он распорядился всей черни приготовиться с пушками и вас уstrasить».

Дня 12. Рассказали нам, что в Ярославль привезли 300 посольских людей на те самые дворы, на которых мы жили, чему другие не советовали верить.

В тот же день умер Адам, егерь пана воеводы, и был похоронен в могиле над рекой, называющейся Золотуха, которая прокопана кругом от реки Вологды.

Дня 13. Так как там все праздники римские привыкли умалять, приказали и в Пасху работать, как в обычный день. В воскресенье утром мужики вышли на работу, чтобы поставить забор около наших дворов, которые до тех пор еще не были обнесены оградой. Но работы все-таки в тот день не было, ибо молния ударила в угол церкви. Мужики, испугавшись, убежали и не работали в тот день.

Дня 15. Пришли известия, что «москвы» в одной битве убито до 2000, в другом же месте, где-то у переправы, «москва» захватила врасплох казаков и перебила их до 1000 человек. По этой причине здешнему архиепископу приказано служить молебен со всем миром. Потому что воры разбиты.

Дня 22. Приехал из Ярославля Иван дьяк, бывший у нас прежде приставом, лишь с его приездом мы узнали, что нам лгали о взятии Ярославля. Таким образом, по приезде его, уехал от нас Третьяк, староста ярославский, который вместо него был у нас приставом.

Дня 24. Прибыл гонец, который сообщил слухи о том, что «уже соглашение с „литвой“ состоялось, а прежние послы, заключив перемирие на пять лет, выехали из столичного города Москвы в Литовскую землю» и что «теперь „литву“ будут свозить из крепостей, а как скоро всех соберут, тогда с воеводой и со всеми другими вышлют их за границу».²⁷⁹ Правда ли то, неправда ли, об этом ведает сам Господь Бог.

Дня 28. Приехал другой гонец с теми же самыми известиями, говоря, что «уже с „литвой“ мир, меня послали за „литвой“ на Белое озеро, а сюда, со дня на день, другой гонец будет, прошу, не сомневаясь, готовить подводы». Этим речам нам еще не очень хотелось верить.

За полчаса перед приездом того гонца ударили в набат, собравшаяся чернь хотела схватить нашего пристава Ивана в доме, в который он силой въехал. Он хотел защищаться, имея при себе одного стрельца, но с приездом гонца толпа присмирела. Другие же, будто бы более осведомленные, передавали со слов того же гонца, что паны послы и пан воевода присягнули установить на пять лет перемирие. Затем одного из послов отправили к его милости королю, чтобы тот тоже присягнул. Как только посол вернется с договором, мы дождемся свободы. Между другими условиями договора и такое, — что польские люди будут вывезены из-под Москвы.

Раздел 8

Август

Дня 1. Были слухи, что Дмитрий Шуйский предался ворами.

Дня 3. На рассвете ударили в колокола, созывая чернь, никого из наших в то время в город не пустили. Причина этого сбора была, как нам говорили, в том, что наши из глинских, которых до нас выслали из Ярославля в Вологду, а из Вологды, перед приездом нашим, в Устюжну, ушли оттуда, подкрепившись более чем десятком стрельцов, и направились к инфляндской границе. Так как не было города ближе, чем Вологда, дали знать сюда, после чего воевода, собрав людей, отправил за ними пять всадников в погоню.

Дня 4. Дали знать, что их где-то на болоте окружили и поймали, некоторые советовали не верить этому, но, напротив, говорили, что они уже на границе грабят и жгут села.

Дня 7. Снова пришло известие, что одного из них убили, других ранили и, взяв в плен, посадили в мешки.

Дня 8. Начало нашей радости. В вечернее время отдали нам, бесспорно, подлинное письмо от панов послов коронных, в котором обещают нам скорую свободу и называют время и день — 8 октября. Решили нас, всех задержанных (по-ихнему «зад[е]ржанцев»), известить о высылке на границы.

Вот копия этого письма:

«Вам, милостивые и любезные паны и братья, сообщаем, что после долгих переговоров с думными боярами постановили мы, наконец, заключить мир между королем польским, паном нашим милостивым, и московским государем на 4 года без одного месяца. При заключении этого договора наипервейшим условием было, что-

бы всех людей его королевской милости, находящихся здесь в заключении, отпустить и не позднее 8 октября доставить на границы отечества. И в самом деле, тех их милостей, которые сюда в столичный город Москву были привезены, сразу с нами великий государь отпускает к королю его милости, пану нашему. Уверили нас, что и ваших милостей также, не мешкая, отпустят в дорогу. Нам показалось необходимым известить вас об этом, чтобы вы знали о своем скором освобождении и более уже соблаговолили не беспокоиться. При этом, о возмещении вашим милостям и другим за пограбленные вещи, Господь Бог свидетель, какое мы старание имели и сколько на этом потеряли времени. Но так как со стороны великого государя называли якобы большие убытки, от народа нашего государству Московскому принесенные, таким образом, после долгих споров, договорились мы только о том, чтобы отложить это на рассмотрение комиссии, снаряженной с обеих сторон. Ибо более думали мы о здоровье и освобождении вашем, а убедить их вернуть еще и имущество нельзя было. При этом усердно, со слугами нашими, умоляем Господа Бога о милосердии к вашим милостям. Лишь бы мы всех ваших милостей вскоре в отчих краях увидели в добром здравии. Датировано в Москве, 1 августа 1608 года».²⁸⁰

Дня 9. Радость и веселье наше сменил Господь Бог на печаль и скорбь, когда умер один из наших — Валерьян Обельницкий, повар пана воеводы, добродетельный слуга, очень степенный и целомудренный человек. Господи Боже, будь милостив к душе его. Похоронили его на том же холме, где и первого. Только 20 людям позволили проводить его до могилы.

Дня 13. Получили мы известие о пане воеводе, что он выехал из Москвы со всеми людьми 2 числа того же месяца и видели его в Ярославле, из чего поняли мы, что наших отправили на воров.

Дня 17. Были такие вести, но верить им нельзя, что пана воеводу и царицу воры поймали.²⁸¹ Это нас встревожило, так как грозило дальнейшим промедлением. А другие, особенно сами приставы, обещали нам отъезд через десять дней. Были и иные слухи и тревожные для нас известия, которым мы не доверяли. Отъезд и освобождение наше считали, по неверию нашему, великим Божиим чудом.

Дня 20. Обещали нам отъезд после воскресенья, Господь Бог знает, которое по счету будет. А нас мучают холода: первый мороз был 21 августа. Остаток месяца мы провели в великой тоске. Особенно когда стали как-то усиливаться сомнения в нашем отъезде. Утихли слухи о возвращении. Но возникли другие слухи, а именно: о трудностях и стычках московских.

Дня 25. Пришло известие, что была большая битва, на которую сам царь Шуйский выезжал, но, проиграв, возвратился с большим уроном.²⁸² После этого разослали грамоты, которые сегодня доставили сюда, в Вологду, чтобы под страхом смерти каждый боярин, не мешкая, ехал на войну. Тем, кто укрывал призванных по всем городам и деревням, объявили, что ни один мещанин не смеет не только укрыть, но даже принять в доме боярина. А если бы укрыл, то самого его велено было казнить, а имущество отбирать к царю. Тревожили нас эти слухи, и надежда на отъезд в назначенное время слабела.

Сентябрь

Дня 1. Прислали из Москвы гонца, чтобы приказать нам готовить возы, обещая скорый отъезд. А поэтому утешились мы, надеясь на милосердие Божье, что уже приблизил он окончание нашей неволи.

Дня 7. Отчасти ослабела надежда наша на отъезд, тем более, когда до нас дошли слухи, что пан воевода со всеми находится в Великом Новгороде под большой стражей и что на столичный город Москву наступает новое вооруженное войско.

Дня 9. Как-то мы писали царю, чтобы нам позволил забрать с собою в дорогу тело покойного отца Бенедикта Ансерина. Но лишь сегодня разрешили, чтобы мы двоих из наших, понадежнее, отправили привезти его тело. Но это нас более смутило, нежели обрадовало, так как до 8 октября, того срока, когда нас, согласно письму послов, было обещано доставить на границу, оставалось только 4 недели. Дорога же до Ярославля, туда и обратно, должна занять, по крайней мере, 10 дней. Мы опасались обнаружить какие-либо другие случайности и уловки, однако же, доверившись Господу Богу и выбрав между собой двух товарищей, послали мы за тем телом, до сей поры еще как-то успокаивая себя надеждой.

Дня 12. Итак, выехали за телом, кормовых денег им дано на 8 дней, из расчета по 3 гроша на каждый день.

Дня 14. После этого известили нас, что из Москвы гонят 230 лошадей, чтобы раздать нам, тех, которые были взяты во время погрома в столичном городе Москве, а также в Ярославле.

Дня 15. Привезли сюда два воза панов Стадницких. Вследствие этого мы приободрились, надеясь на скорый отъезд, а особенно когда стали утверждать, что наверняка уже послали и за другими в Белоозеро и в прочие крепости. И что, собрав всех сюда, потом вместе с нами повезут к границам.

Дня 19. Приехали к нам приставы и объявили, что «вас государь отпускает в землю вашу, жалованья вам на 130 воеводских людей дает 200 рублей. Которые у вас старшие, по вашему усмотрению, пусть каждый человек получит по 15 рублей (было же тех 6 человек). Лошади же, которые у вас были взяты в Ярославле, если не сдохли, будут вам назад возвращены». Это известие очень нам было приятно и радостно, не столько из-за денег, сколько из-за приближающегося освобождения. Радовались от всего сердца, дай Бог счастья до конца. После этого нам обещали отъезд через неделю.

Дня 21. Отдали нам на руки те деньги и 20 с лишним лошадей, от которых остались только кожа да кости. Остальных же, среди которых было много и наших, погнали к нашей братье на Белоозеро. В тот же день привезли из Ярославля тело отца, оттуда же дали нам знать, что Дмитрий от столичного города Москвы стоит только в десяти верстах и, сохраняя мир, живет на дворе, который для него в том месте построен. Но как кто-нибудь из столицы выходит, его тут же побивают. Однако сам он причин для раздоров не дает, дожидаясь, чтобы нас всех отсюда вывезли.

Остаток этого месяца прошел в ожидании желанного избавления нашего, которое приближалось в связи с нашим отъездом. Последний еще откладывался до тех пор, пока не отправилась в дорогу братя наша из Белоозера. Хотя и в то время были разные превратные слухи, но не заслуживающие доверия и не достойные упоминания (что отложился отъезд наш). И тот день, в который нас было обещано доставить на границу, то есть 8 октября, приближался.

Раздел 10

Октябрь

Дня 1. Пришло известие из Белоозера, что сидевшая там наша братя уже отправлена в дорогу водным путем на судах.²⁸³ С этого времени и нас таким же образом обещали отправить и немедленно приказали готовиться в дорогу.

Дня 2. Раздали нам подводы, каждому по потребности. Трудно описать радость, наполнившую наши сердца. Однако можно догадаться, как радуется пленник, получив свободу и выйдя из темницы, в которой он сидел долгое время, на свет ясного солнца.

Дня 3, который *felix faustus fortunatusque sit*.^{*} Отъезд из Вологды, через реку, называющуюся Вологда, на которой живой мост, то есть поставленный без единого столба. Суда на этой реке ходят по сорок сажен, красивой и прочной работы, под навесом. Ночлег неподалеку, под городом, в селении Спасовом, где стоит довольно богатый монастырь Спасов. В нем живет 100 чернецов, и лежат мощи двух чудотворцев — Димитрия и Василия, некогда угличских князей. Они лежат в одном склепе, в накрытых гробах, и перед ними всегда горит лампада.²⁸⁴

Дня 4. Был у нас ночлег в селе Кубенском, в 20 верстах от Вологды, от этого села начинается озеро, которое в длину 12, а в ширину — 2,5 польских мили. На том озере, на острове, когда едешь мимо, виден красивый каменный монастырь.²⁸⁵ В него был сослан пан Кардовский, слуга пана Бучиньского. Там же, в земляной тюрьме, сидел в жестокой опале воевода,²⁸⁶ который был прежде в Туле, до того, как она сдалась Шуйскому.

Дня 5. Ночлег в Велижце, верст 40, вдоль того же озера.

Дня 6. Ночлег в яме, под Николиным монастырем,²⁸⁷ верст 20. Миновали монастырь Корытов²⁸⁸ с довольно большими полями, богатый чернецами и имуществом. Однако его в это время царь Шуйский сильно истощил. Говорили, что только четыре таких богатых монастыря в целой московской земле. Мы полюбопытствовали увидеть остатки древностей, и человек с двадцать наших туда пустили. Отворили образа и церкви сами же чернецы, вежливо встречая гостей, потчевали нас квасом и медом. Миновав этот монастырь, ночевали мы в деревне Своез у реки, называющейся Шексна, в 6 милях, а от Белоозера в 20 верстах.

^{*} Пусть будет счастливый, блаженный и благодатный (лат.).

Дня 8. Прислано нам из того монастыря пожалованье, то есть хлеба, рыбы и кваса. Головы же послали было в Белоозеро сына боярского, чтобы побыстрее прислали суда, но их не дали, а посланца еще хотели утопить. Поэтому пришлось послать сотника с несколькими десятками стрельцов, наказав им, чтобы привели суда, на которых нас должны были вывезти водным путем.

Дня 9. А в это время приказали нам возы и коляски поставить на судно, находившееся на берегу этой реки. Когда спустились сумерки, возвратился гонец, которого посылали из Вологды в столичный город Москву. В связи с его приездом возникли разные слухи о могуществе противоположной стороны.

Дня 10. Над берегом вышеназванной реки в тоске смотрели мы, не идут ли суда.

Дня 11. Сотник привел три судна, которые захватил силою.

Дня 12. Погрузившись на судна, мы воскликнули имя: «Иезус!» Ночью проплыли 5 верст через небезопасные пороги, миновав язы ²⁸⁹ — заграждения, которые на этой реке строят для ловли осетров. Говорят, что больших и лучших осетров, чем в этой реке Шексне, не знают здесь, потому что в Белое озеро впадает 25 рек, а вытекает только одна эта. Проплыли мы 25 верст. Встретились нам две реки, вытекающие из озер, — Славянка и Сехма.

Дня 14. Миновали один из патриарших язов, у которого приставы поймали живого лосося и подарили знатным особам. Проплыли мы 12 верст. Встретилась нам река Ковша.

Дня 15. Одно судно село на мель, однако Господь Бог сохранил от беды, миновали мы один яз и приплыли к реке Угле, проплыли мы 28 верст.

Дня 16. Миновали два яза, проплыли мы 40 верст и прибыли на реку Ягорку, от этого места до Вологды считают только 12 миль. Для чего было нас возить кругом, мы не понимали, если только не для того, чтобы дать нам представление о том, сколь велика земля, или чтобы избежать опасностей. Так как говорили, что в 20 милях от того места находились вры.

Дня 17. Приехали на реку Суду, равную Шексне, только отличается вода, а сливаются они под селом Луковцом. Проплыли мы 20 верст до села Любча, где причалили к берегу.

Умерла пани Дорота Горская, осиротив своего супруга пана Адама Горского и двух детей, сына и дочь, которых им Господь Бог здесь в заточении даровал. Всех нас охватила великая печаль и жалость к той пани, почти святой и праведной.

Дня 18. В Любче высадились мы из судов на берег не только со скорбью, но и с тревогой, когда сказали, что тех, которых повезли перед нами, задержали в Тихвине. И тут нас застал гонец, который передал приказание задержать нас. Не успели мы расположиться, как приставы признались, что нам здесь следует дожидаться царского указа, ибо «Скопин-Шуйский, ²⁹⁰ воевода новгородский, писал нам, что сейчас небезопасно вас везти, так как шведов ²⁹¹ несколько десятков тысяч идет той стороной на помощь государю». Поначалу мы сомневались, думая, что все-таки была какая-то другая причина и, не понимая в чем дело, сказали, что у немцев не может быть такого большого войска и что несчастлива та земля, которую они спасают. Различные были слухи, например, что пан воевода, господин наш,

посажен в тюрьму. Обсуждали возможные причины этого. Но что там ни было, для нас все это было весьма грустно, ибо завезли нас в голодное место. Города поблизости не было, так что мы должны были надеяться только на милосердие Божье.

Дня 19. Отправили приставы гонцов на двух лошадях в столичный город Москву за указом, обещая, что он вернется назад не позднее, чем через 10 дней, а нам тем временем обещали позаботиться о пропитании.

Дня 21. Приехал гонец из села Белого объявить здесь, в этой волости, чтобы мужики готовились к строительству острога около города Ярославля, на который ожидался приход неприятеля.

Охватила нас тревога, так как это место было заражено оспой, от которой умерло много детей, и в скором времени ожидали морового поветрия. В той Любче находились мы 22 дня — до 29—30 дня.

Дня 30. Пришел тот самый день, в который нам обещали возвращение гонца, но он задержался, и его до сих пор не было, что для нас было очень неприятно. Предполагали, что он мог попасть в руки воров либо повернуть домой. Однако же нас все-таки утешали и укрепляли в надежде, обещая нам, что мы скоро будем в столице Москве (а не на границе). Многие уловили смысл этих слухов, особенно когда приставы явно стали заискивать перед нами и жаждали завоевать наше расположение. Уже даже тайно с некоторыми об этом говорили.

Дня 31. Провезли под Луковцом человек 40 стрельцов, говорили, что они бежали из Твери, чтобы перейти к Дмитрию, некоторые же говорили, что к нашим, которых задержали в Тихвине.

Раздел 11

Ноябрь

Дня 1. Задумали стрельцы восстать против приставов, чтобы двинуться с нами в дорогу, и прислали к нам сказать, что «мы вам и голов связанных отдадим, и проводим вас до границы». Тогда мы пошли к головам, рассказав им об этих словах. Те сильно встревожились и приняли их близко к сердцу, зная нрав стрельцов. Итак, отложили на три дня; если гонец не возвратится, то «велим мы свезти подводы и поедем, согласно вашему желанию. Но берегитесь, чтобы вам в дороге хуже не было, когда без указа не будут вам давать пищу». После этого мы ушли, а они, *interim in secretis*,* нарушив присягу, открыли свое злое намерение некоторым из нас, прося о милосердии. Ибо «дошла к нам весть, что Ярославль взят на имя царя Дмитрия.²⁹² Если все так и есть (мы послали узнать об этом), тогда вас прямо к ним повезем, а вы постойте за нас и проявите к нам милосердие в свое время». Опасались мы какой-нибудь измены, но когда они то же самое назвали завтра и на третий день под великими присягами подтвердили, отчасти мы поверили.

Дня 3. Отправили гонца под Ярославль за известиями, а другого на дорогу к Устюжне, чтобы узнать, что там с нашими, которых

* Пока под секретом (лат.).

Портрет Яна Сапеги. XVII в.

отправили вперед. В то же время собралось наших человек 20, которые дали себе слово незаметно убежать в полки.

Дня 5. Тот гонец, который был послан в столицу Москву к Шуйскому за указом, лишь теперь возвратился с утешительным для нас известием. Он также привез письмо к приставам нашим от ярославцев, скрепленное именами царя Дмитрия Ивановича и пана Павла Сапеги,²⁹³ бывшего в то время губернатором в Ярославле. Это письмо заключало в себе приказ, чтобы нас, ни в чем нам не отказывая, отправили из этого голодного места далее к Устюжне за 18 миль и чтобы также, в соответствии с нашим желанием, давали нам пищу. Как только приставы получили в руки это письмо, побросав все в своих домах, они едва живые прибежали под нашу защиту, ибо в то время возник великий мятеж. Когда же наши вышли из домов своих с оружием наготове, увидев это, стрельцы, истинно, онемели от страха, не понимая, что делается, а также и чернь. Когда эта тревога усилилась, опасаясь чего-нибудь худшего, мы послали за сотником и

пятидесятником. Как только они пришли, им рассказали, в чем дело. А они, выслушав наши речи, пошли к стрельцам, которые тотчас же с великой радостью, но не без боязни, явились к нам и просили нас о милосердии. Обещали утром принести присягу царю его милости и смириться. Так Господь Бог всемогущий не желал уже далее помех для справедливости своей. Неприятелей наших, которые попирали нашу жизнь и жаждали выпить нашу последнюю кровь, заставил пасть к ногам нашим. Но однако же мы не жаждали мести, забыли обиды и не подняли на них рук наших, но, напротив, еще пообещали им охрану от всех несправедливостей. Видя это, сами неприятели дивились вниманию и состраданию нашему, а раз так, то повода к кровопролитию и чьей-либо обиде не осталось. По успокоении той ссоры, решили мы ехать не в Устюжну, но, как можно скорее, в Ярославль, а оттуда уже в полки царские. Ибо, как нам разъяснил тот гонец, еще столица Москва не сдалась, а царь Дмитрий и воевода находились под Москвой. О Шуйских же говорили, что двое из них отравились, а третий еще жив. Узнав об этом, мы отправили к царю пана Казановского с несколькими товарищами, через которого просили мы, чтобы царь милость свою показал и велел нас принять в свои полки для службы себе и панам нашим. Они сейчас же с тем поручением отбыли. А мы тем временем, как можно скорее, готовились ехать, сперва дав знать об этой радости всем, кто перед нами и за нами был.

Дня 6. Не хотели стрельцы присягать ни царю, ни нам, но когда увидели, что мы настаиваем, сразу на все легко согласились. Затем, пойдя в церковь, целовали крест царю, обещая ему верность. В тот же вечер пришла весть о войске, которое идет на помощь Вологде, полтораста стрельцов. Однако мы не тревожились из-за этого слуха, особенно учитывая малочисленность отряда, ибо наши стрельцы обещали хранить верность нам, и мы им также — не отступаться до самой смерти. Все же, желая справиться об этом получше, решили мы послать за «языком», не веря до конца тем вестям.

Дня 7. Переправляли мы возы через реку Шексну, к Ярославлю.

Дня 8. Возвратился гонец из Устюжны и рассказал, что застал там уже 2000 бояр, которые присягнули на подданство царю Дмитрию.²⁹⁴ А когда показал им письмо от наших приставов, написанное от имени Шуйского, тогда они так разгневались, что хотели его утопить в реке. О наших же, что перед нами ехали до Новгорода, поведати, что их якобы захватили.

Дня 9. Приведя сначала здешний посад к присяге царю его милости, мы благополучно со всеми переправились и двинулись в дальнейший путь. Перед вечером прибыли мы на ночлег к деревне, называвшейся Ильинским селом, на расстоянии 5 верст.

Дня 10. Ночлег в селе Волынь, верст 20, а другой — в Щетинском селе. Тут снова присяга.

Дня 12. Ночлег в Адриановой пустыни,²⁹⁵ верст 40, отсюда ехали пустынными местами и чащобами.

Дня 13. В Бѣлом селе мы остановились. Здесь везде пищи всевозможной очень много для нас приготовлено, но мы ее не брали, потому что нам были даны кормовые деньги.

Дня 14. Ночлег в деревнях Михаила Скопина-Шуйского. Там всюду по дороге его наследственные деревни и поместья, в населенном и очень плодородном краю. Верст 25.

Дня 15. Переправились под Романовым через реку Волгу, случился ночлег на другой стороне в слободе, верст 20. Город Романов и деревянная крепость на высокой горе, над самой Волгой, тянется на большое расстояние.

Дня 16. Там мы остановились, мещане жаловали нас пищей и питьем.

Дня 17. Ехали мы все верхом на ночлег, который случился в Моржонтской слободе над Волгой, верст 20.

Дня 18. В Ярославле ночлег, верст 10. От страха не очень нам доверяли и не очень в том месте гостям были рады. Застали мы здесь слугу пана воеводы, которого царь специально отправил, чтобы, встретив нас, где бы мы ни были, возвратить в обоз, приказав ему также, чтобы всех слуг одел в самое лучшее сукно, которое только достанет в Ярославле, челядь же снабдил тулупами и сапогами. Этот человек о всем тогда дал нам наилучшие сведения, что под столицей Москвой делалось, и сейчас еще делается: как пан воевода с дочерью своей взяты в полки царя. Но здесь об этом не упоминаю, потому что есть достоверные дневники, где все расписано по времени.²⁹⁶ Тогда нам советовали спешить, ехать как можно скорее, чего мы и сами желали.

Как только мы слезли с коней, здешний воевода, некий князь Федор Петрович Барятинский,²⁹⁷ подойдя, приветствовал нас и потом любезно взял более десяти человек на пир. По московскому вкусу довольно кушаний было. Сперва принесли холодное, а после него водка, второе блюдо — жаркое, третье — вареные кушанья в железных сковородах, потом пироги с луком без соли. А еще было смешно смотреть, как сам князь ел без тарелки и клал кости на скатерть. Но перед нами все же поставили несколько оловянных тарелок, очень грязных, а также положили деревянные ложки. Застали мы здесь также 100 человек жолнеров, оставленных для обороны города. Но на другой день великий польский пан Сапега уехал под святую Троицу, где встал лагерем. Уехали с ним и 4 товарища, посланных от войска для ревизии казны в новозанятых крепостях, для жалованья жолнерам. Всего путь от Любчи до Ярославля верст 180, а миль 36.

Дня 19. Там же ночлег, во время которого требовали мы сукна и тулупов, а также улучшения пищи.

Дня 20. Там же. Не взяли мы сукна, потому что оно было худое и в малом количестве, так как купцы, опасаясь разгрома, развезли его по разным местам.

Дня 21. Выехали мы из Ярославля одни, стрельцы же, которые были при нас, опасаясь приступа, сбежали.

Дня 22. Ночлег в Ростове, верст 60. Недель пять назад этот город был взят татарами и запорожскими казаками, которых было 600, а «москвы» было с ними 200 человек. В Ростове было как бояр, так и мира до 2000. Погибло вместе с теми, которые потонули, до 1000 человек. Захватив монастырь, татары взяли живьем митрополита²⁹⁸ и воеводу.²⁹⁹ Попов и мир там же в церкви побили, женщин очень многих забрали в полон. Церковную казну — золото, серебро, жемчуг и другие ювелирные изделия — разграбили. В числе других был

там один замечательный предмет, сделанный из чистого золота (называется это ракой чудотворца), который семь с половиной пудов весил, а пуд заключает в себе 20 фунтов. Также серебряный гроб, золото и серебро, на иконах найдя их великое множество — все это взяли. То-то богатую добычу оттуда унесли, — кроме того, что в лавках погорело.

Дня 23. Ночлег в Кулакове, верст 40.

Дня 24. Ночлег в Переславле, верст 20. Там мы соединились с братьей нашей, то есть с жолнерами и двором пана старосты саноцкого и князя Вишневецкого, которые перед этим были на Острове, а после в Галиче, где их и застало известие, о котором мы узнали в Любче.

Дня 25. Взяв, что получше, бахматов московских, обзаведясь знаменами на древках, сели мы на лошадей, более 200 человек, и шли так под командой до самой Троицы. Ночлег в Александровой слободе.

Дня 26. Дав знать о себе пану Сапеге, гетману над теми, которые под Троицей стояли, шли мы до лагеря, за полмили перед которым сам пан гетман, паны ротмистры и очень многие товарищи и братья наши спешили нас приветствовать. Какова там радость и веселье наши были, трудно описать. Проводив нас таким образом в лагерь, они нас сразу между собой разобрали и всем необходимым снабдили.

Дня 27. Вылазку «москва», как всегда, так и теперь, бесчестную учинила, ибо под стены наших всадников подпустив на расстояние выстрела, имела уже намеченную цель на ровном месте. Выезжали мы охотно верхом на дело, но от выездов очень мало пользы было. Ибо они вероломно сразу в окопы удирали, откуда из мушкетов часто наносили урон нашим. И в этот день двух подстрелив, одного схватили, когда он подступил к самой стене. С их же стороны 20 трупов на поле осталось, людей, застреленных во время погони.

Дня 28. На стычках товарища с пахоликом легко ранили, «москвы» 8 человек убито.

Дня 29. Послали на переговоры, но безрезультатно.

Дня 30. Выехали мы из того лагеря к другому, большому, под столицу Москву, но не без какой-то тревоги. Опасались мы налета, а именно из одного монастыря, мимо которого наш путь лежал. И татарами также в дороге пугали. Все же не без Божьей милости ничего с нами дурного тогда не произошло, и благополучно мы остановились на ночлег, который в тот день случился в Дмитрове, верст 20. Этот город был когда-то большим поселением, как то обширные застроенные места показывают, но теперь сожжен и сильно опустошен.

Декабрь

Дня 1. Опять нас пугали войском. Встали лагерем на ночлег около пустой деревни, версты 4.

Дня 2. Перед вечером, когда солнце только садилось, все под одною хоругвью въехали мы в лагерь, в котором, наконец, сошли с коней. Сам царь вместе с панами нашего отряда сделал нам смотр. Потом нас товарищество, братья наши, разобрало между собой, оказывая нам всяческое покровительство, а также выражая радость по поводу нашего прибытия, так как некоторых они уже давно погибшими считали. Но мы попали в очень голодный лагерь, так как жолнерство и челядь недостатками сильно оскудели, потому что челядь в разное время что разгромила, а что пожгла. Другие же, которых за пищей разослали, учинили между собой сговор. Собравшись скопом, они села и деревни соседние стали грабить и, выдавая себя за неприятеля, назывались татарами. В целом, если бы пришлось описать, какой мы там порядок и согласие застали, очень бы много места заняло это.

Дня 4. В лагере под столицей Москвой вызывала «москва» на переговоры, но вместо переговоров были кровавые схватки. Выехало из Москвы лишь несколько десятков конных, заметив это, наши возвратились в лагерь. Один москвитин, предавшийся от нас на другую сторону, дал им о нас достаточные сведения. Они и сами, увидев, что мало у нас всадников осталось, к вечеру сделали вылазку. Оттеснили наших вплоть до середины пути к лагерю, из которого в то время вышли на помощь свежие роты. «Москва», увидев их, повернула назад. Войско в засаде встало наготове. Но «москва», поняв это очень хорошо, ушла за стены, не желая больше сражаться. Поэтому и нам, уже в потемках, пришлось вернуться в свой лагерь.

Дня 6. Отправили роту к Корсаковскому за теми пахоликами, которые, будучи разосланы за пищей, собравшись скопом, большие грабежи и убийства чинили, вышли уже за Волгу и не возвращались более к своим панам. Что ни день, число их увеличивалось, а особенно за счет тех негодяев, которые, вкусив свободы, из лагеря к ним бежали. Даже и «москвы» очень много к ним присоединилось, и была «москва» у них проводником. Так что великие разбои по дорогам чинились от тех негодяев, действовавших будто бы от имени татар или Шуйского.

Дня 7, 8 и 9. В покое с обеих сторон прошли, за это время много людей к нам переходило из Москвы, чая со дня на день сдачи нам города столичного.

Дня 11. Уже за полночь вышел из лагеря полк пана Зборовского в засаду, а другие полки перед рассветом вышли в поле, всадников же отправили под стены, чтобы выманить осажденных и навести на засаду. Но из Москвы вышло всего несколько сот конных, которые только подводили наших под городские стены, на расстояние выстрела. Длились, однако, те стычки с обеих сторон несколько часов, а потом войско, не дождавшись никого, вынуждено было отойти.

Дня 12. Нагой, Воротынский и другие бояре и знатные воеводы, которые держали московскую оборону, бежав, предались нам.³⁰⁰ Со-

ветовали они тогда, как можно быстрее, занять Коломенскую дорогу. А после этого столица Москва должна была быстро сдаться.

В тот же день пан воевода отправил часть слуг и челяди на своих возах в Польшу, чему противилось рыцарство, не желая и его самого отпускать. Однако же воевода готовился в путь, чтобы попасть хотя бы на конец сейма, который уже должен был скоро закончиться.

Дня 13. До рассвета пришли к царю из столичной Москвы двое стрельцов-изменников. Они советовали, чтобы царь писал миру, обещая сами то письмо отнести и объявить его народу. При этом обещали, что после такого письма люди сдались бы. О Шуйском же говорили, что он забрал оружие со стен в крепость, чтобы там запереться вместе с женою, со своими и ее родственниками.

Дня 15. Приехали послы от запорожских казаков с письмами царю и пану воеводе, в которых доносили, что на царское имя взяли несколько турецких крепостей.

Дня 16. Пришло в лагерь 400 казаков, украинских и других, которые добровольно предлагали свои услуги царю. Из Москвы также почти каждый день на другую сторону предавались.

Дня 18. Говорили о великом кровопролитии и многочисленных трупах людей, лежавших на дорогах. Все это из-за тех своевольных пахоликов, которые, нападая на бояр, попов и деревни, великие грабежи и разбои чинили по дорогам.

Дня 19. Были неудачные стычки, хотя в тот день несколько десятков «москвы» убито. А остальных рыцарство гнало до самого города. Однако же Суспольский, муж храбрый, был подстрелен и на третий день умер.

Дня 20. Пришли известия из Польши о татарах, затем послали людей с Корницким на Коломенскую дорогу. Дано также знать, что Кострома, Галич и Вологда снова перешли к Шуйскому.³⁰¹

Дня 22. Выезжали на стычку, но «москва» не вышла.

Дня 23. Пошел пан Ланцкороньский со своей ротой и добровольцами под те крепости, которые отпали.

Дня 24. Приехали из лагеря своего жолнеры пана Сапеги к царю за деньгами. В те дни очень много знатных бояр из столицы Москвы на нашу сторону переходило.

Дня 25. Дано знать, что под Костромой убили наши несколько тысяч «москвы»³⁰² и что тамошние крепости вынуждены были покаяться в своей измене. Под Коломной наши также жестоко бились с «москвой».

Дня 26. Между другими перешел москвитин, который рассказал, что Шуйский, узнав об отъезде пана воеводы, отправил за ним сильный отряд, чтобы его схватить, и что перебежчик также был назначен в отряд. В этот день наши выезжали, но «москва» не была в состоянии и не хотела испытывать своего счастья.

В тот же день, уже поздним вечером, прибыл из Смоленска гонец, донося, что город хочет сдаться. Получив это известие, в знак радости долго из орудий стреляли.

Дня 28. Царь с царицей вместе ездили в церковь на богомолье. До полудня перешло несколько десятков бояр от противника на нашу сторону. Также полтораста настоящих мужей — казаков-украинцев приехало в лагерь, чтобы царю и полякам служить против «москвы».

Перед заходом солнца пришла весть из Польши, что пан Стадницкий Ланцуцкий прогнал пана старосту лежаньского с женою и детьми.

Дня 29. Приехал царь касимовский,³⁰³ чтобы принять подданство царя и поступить к нему на службу, желая мужественно встать на защиту его имени. Когда он приближался к лагерю, выехали к нему навстречу гетман³⁰⁴ и рыцарство и, приветствовав его, проводили с почетом в Донской лагерь.

Дня 31. Дана была аудиенция касимовскому царю, и он целовал руку царскую, также и его маленький сын, которого привез он с собою. Потом царь Дмитрий показал ему милость свою, также и сыну его. Он нижайше благодарил царя и вручил ему подарки: позолоченную саблю, усыпанную бирюзой, а также золотую цепь с драгоценными камнями. Царь, приняв их с благодарностью, в свою очередь, даровал Дмитрию нож из чистого золота.

Книга IV

ДЕЛА ПОЛЬСКИЕ В СТОЛИЧНОМ ГОРОДЕ МОСКВЕ

ЛЕТА ГОСПОДНЯ 1609

Раздел 1

Январь

Дня 1. Были вести о том, что Скопин-Шуйский идет от Новгорода к столице Москве с 12 000 людей.³⁰⁵

Дня 2. Снова весть, что его Керназицкий,³⁰⁶ который также был под Новгородом, наголову разбил.

Дня 3. Слухи были, что Кострому взяли.

Дня 4. О других отрядах говорили, что, собравшись вместе, они везде бьют и жгут. То-то повсюду *miserabilis statut* * был в этой земле, и очевидная Божья кара им, и началось повсеместное великое кровопролитие, жестокие и неслыханные убийства.

Дня 5. Дано знать, что под Осиповым,³⁰⁷ также и под Коломной, в битве, с немалой кровью с обеих сторон, побили наши много «москвы».

Дня 6. Пан воевода готовился в дорогу в Варшаву, прислали к нему от жолнеров, чтобы не уезжал до тех пор, пока пан Побединский не привезет деньги — 50 000 рублей, которые (как говорили) он должен был взять в Пскове (они возвращены были). Поэтому пан воевода вынужден был задержаться.

Дня 7. Пришла весть, что отправленная вперед челядь пана воеводы подверглась нападению в Стародубе.

Дня 8. Выезжали также под столичный город Москву, и царь касимовский выезжал с татарами своими, из которых двух убили в деле. «Москвы» только несколько сотен вышло на дело, но, увидев хоругвь, немедленно убежали за свои стены, а стрельцы их отстреливались из рвов. Наши, увидев, что не с кем биться, возвратились, не желая бесполезно подвергать себя опасности. Но царь касимовский внимательно присматривался к нашему войску, которое достаточно было вооружено и в котором имелось довольно настоящих

* Достойное сострадания положение (лат.).

и мужественных рыцарей, превосходивших по стойкости его татар. А потому он смотрел на них с большой ревностью.

Дня 9. Дано знать, что из столичного города Москвы вышел какой-то отряд, возможно, на помощь Троице. Вслед за ним двинулось сильное подкрепление, но, как говорили, повернули его назад, а те не могли найти дорогу. Никаких стычек не было в эту неделю.

Дня 10. Привезли деньги из Пскова, причем пан воевода удостоверился, что на его нужды там взято не более 2000 рублей. Отыскивали также письма царские, которые царь тайно послал своей «москве», чтобы товарищество, отправленное от войска за этими деньгами, утопили в реке. Таким образом, как раньше рыцарство видело мало уважения к себе, проливая кровь за его честь, так и теперь. По этой причине наши сильно взволновались и восстали против него, потеряв к нему расположение и видя явную неблагодарность.

Дня 11. Застала врасплох «москва» наши дозоры и окружила несколько сот донцов, настоящих воинов. Донцы, видя столь тяжкое положение, скорее послали в лагерь за подкреплением, которое им и отправили, несколько сотен казаков. Но случилось так, что их предводитель, который должен был привести туда казаков, привел их к московской страже, чтобы их выдать. Однако у него ничего не вышло, ибо стража, не ведая ничего, убежала, а казаки тем временем, схватив предателя, привели его в лагерь.

Когда оставалось полчасу до полудня, приехал гонец от пана Сапегы, донося, что под Троицей захватили и перебили до 200 человек «москвы», и известил также, что Вологда и Галич сдались, а в Костроме всех побили.³⁰⁸

Дня 12. Выходили роты на столицу Москву, и произошли у них стычки весьма удачные.

Дня 13. Приехал слуга от пани воеводины с письмами. Он также о семье и о других коронных делах дал нам знать. Отъезд же пана воеводы, который был назначен на сегодняшний день, рыцарство приостановило. Назавтра было назначено коло,³⁰⁹ на котором о его отъезде должны были договариваться.

Дня 14. Разговор на коло об отъезде снова отложили до завтра.

Дня 15. Пришла весть, что четыре крепости за Волгой, которые отпали от наших, взяв на шит, захватили. Выезд пана воеводы снова отложен на завтра.

Дня 16. Пан Суйский пришел с тремя mille * человек, гусар 150 человек, а пятигорцев и казаков — и тех, и других — столько же. Когда царь вышел из церкви, они встретили его и приветствовали.

Дня 17. Выехали мы с паном воеводой из лагеря часа за два до вечера. Сам царь и рыцарство нас провожали. Послали также с нами в дорогу одну хоругвь донцов, то есть человек 150. Ехали мы, таким образом, благополучно всю ночь, только лошадей немного в Осмигроде покормив и попросив Бога, чтобы он нас счастливо, как можно скорее, к порогам отчизны нашей привел.

Дня 18. После этого приехали мы к Можайску, в то самое время, когда наступил полдень. Этот город от нашего лагеря, откуда мы двинулись, находится в 90 верстах, что в наших милях составляет

* Тысячами (лат.).

18. Там была у нас тревога, потому что показалось, что Шуйский отправил за нами отряд в 2000 людей.

Дня 19. Выехав из Можайска, мы были встревожены слухом, поэтому ночью, как можно скорее, поспешая, приехали мы в Медынь, находящуюся в 45 верстах, что составляет 9 миль. Там, оставившись, дожидались утра.

Дня 20. Потом мы остановились в Калуге, верст 45, а миль 9 от Медыни. Под той Калугой протекает река, называемая Ока.

Дня 21. Там же дали отдых коням и себе время для развлечения и осматривали разные укрепления в крепости, которую Шуйский осаждал полтора года.³¹⁰ Однако осажденные мужественно защищались, хотя им пришлось дойти до такой нужды, что они от голода ели лошадей. Но все-таки они не сдались ему. Наконец, войско Шуйского, растратив все боевые припасы на калужан, вынуждено было постыдно отойти и снять осаду.

Дня 22. Ночлег у нас случился в селе Разбойниках, от предыдущего удалено на 40 верст, а миль 8.

Дня 23. После него остановились мы в слободе, называющейся Брынь, верст также 40.

Дня 24. Приготовив припасы для себя и лошадей, пустились мы через Брынский лес, который, считают, тянется на 120 верст, а наших миль 24. В той пуще, на полдороге, случился у нас ночлег в одном монастыре, который там является единственной каменной постройкой.

Дня 25. Оттуда двинулись мы в город Брянск и крепость на высокой горе, под которой протекает река Десна. Из Брянска же направился пан воевода в Стародуб рославльским путем из-за очень узких дорог и опасности, грозившей из-под Смоленска. А я в компании, сам-двенадцатый, направился к Рославлю.

Дня 26. Ночлег в Хороброве, 30 верст.

Дня 27. Схватка с мужиками в Берестке, а ночлег в Рукавицах, 40 верст.

Дня 28. Также схватка с мужиками, а ночлег в Субисткове, 45 верст.

Дня 29. Лошади передохнули в Рославле, последней крепости Московского государства, 15 верст. Там случилась ссора с одним попом из-за двора.

В тот же день вечером переехали мы границу, которая находится за Рославлем в 30 верстах. Тут лишь остановились, и показалось нам, как будто мы снова на свет родились и обрели свободу. За что Господу Богу всемогущему, в Троице святой единому, благословенной Деве Марии и всем заступникам небесным да будет вечная честь и хвала во веки веков. Аминь.

Прошли из лагеря от Москвы тою дорогой до границы всего 540 верст, то есть 108 миль. В этот же день ночлег от границы в двух милях в Заселе.

Дня 30. Ночлег в Радыни, в 8 милях.

Sit nomen Domini.*

* Пусть имя Господа [будет свято] (лат.).

КОММЕНТАРИИ

¹ Дмитрий Иванович (1582—1591) — царевич, сын от последнего брака царя Ивана IV Грозного с Марией Федоровной Нагой. После смерти отца в 1584 г. царевичу Дмитрию был дан в удел Углич. Там он находился вместе с матерью до своей гибели 15 мая 1591 г., происшедшей при невыясненных обстоятельствах. Позднее, в начале XVII в., его имя не раз было использовано самозванцами, из них наиболее известен Лжедмитрий I — Григорий Отрепьев, сын мелкого галичского дворянина, беглый дьякон Московского Чудова монастыря в Кремле. В разделе 1 «Дневника» передается исходившая от самозванца версия биографии чудесно спасшегося «царевича Дмитрия», ставшая общепринятой в Речи Посполитой. См.: Письмо Сигизмунда III к канцлеру Яну Замойскому 15 февраля 1604 г. // Записки гетмана Жолковского о Московской войне. СПб., 1871. Прил. № 2. Стб. 6; Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Собрание сочинений Н. И. Костомарова. СПб., 1904. Кн. 2. Т. 4; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937 (1-е изд. — 1899 г.); Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. М., 1912; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; Лжедмитрий I и Украина: Указатель архивных источников и материалов / Сост. В. И. Ульяновский. Киев, 1990; Ульяновский В. И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993; Varbourg Ph. L. Dmitry Called the Pretender Tsar and Great Prince of All Russia, 1605—1606. London; Melbourne, 1967 (рец.: Корецкий В. И., Станиславский А. Л.). Американский историк о Лжедмитрии I // История СССР. 1969. № 2. С. 238—244).

² Иван Васильевич IV Грозный (1530—1584) — сын великого князя Василия Ивановича и Елены Глинской, венчан на царство в 1547 г. Став царем, Иван Грозный предпринял ряд реформ, сменявшихся политикой объединения страны путем опричных репрессий, укрепления деспотической самодержавной власти. Почти в течение всего царствования Ивана Грозного шла затяжная Ливонская война за выход к Балтийскому морю. Царь известен как талантливый публицист, автор литературных произведений, ярких посланий. Был семь (по другим источникам — шесть) раз женат, от первого брака с Анастасией Романовой имел погибшего в младенчестве сына Дмитрия, сына Ивана, убитого самим царем в припадке гнева в 1581 г., сына Федора, правившего после отца с 1584 по 1598 г. См.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923; Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975; Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989.

³ Федор Иванович (1557—1598) — сын Ивана IV от первого брака с Анастасией Романовой, в 1575 г. состоялась свадьба Федора Ивановича и Ирины Годуновой. С 1584 г. — русский царь, в годы его царствования основную роль в управлении государством играл шурин царя Борис Годунов. См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1982.

⁴ Угличское княжество было старым удельным владением. В конце XV в. там княжил брат Ивана III Андрей Васильевич Большой, с его правлением связан рост города и строительство каменного дворца и церквей. С 1584 г., в царствование Федора Ивановича, Углич становится центром удела царевича Дмитрия. См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 213—216.

⁵ Конюший — высшая дворцовая должность. Борис Годунов стал конюшим с 1584 г. См.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 199.

⁶ Борис Федорович Годунов (1552—1605) — начал службу в опричнине, был женат на дочери виднейшего опричника Малюты Скуратова Марии, в 1575 г. дружка на царской свадьбе, с 1576 г. кравчий (дворцовая должность), с 1580 г. боярин, с начала

царствования Федора Ивановича конюший и фактический правитель государства. В 1598 г. избран на русский престол. Во внутренней политике пытался преодолеть кризис, постигший Россию к концу XVI в., одновременно известен расправами с политическими противниками. См.: Платонов С. Ф. Борис Годунов. Пг., 1921; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978; Зимин А. А. В канун грозных потрясений.

⁹ В нашей рукописи «Wlach», что значит по-польски «итальянец». Известие о докторе, подменившем царевича на другого ребенка, стало официальной версией самозванца, ссылки на которую имеются также в переписке польского короля Сигизмунда III с сенаторами. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 77.

¹⁰ По официальной версии царевич Дмитрий сам покончил ножиком в припадке падучей болезнью. В мятеже, поднятом угличанами в день его смерти, были убиты Данила Битяговский, сын присланного из Москвы дьяка, его двоюродный брат Никита Качалов и сын царевичевой мамки Осип Волохов, а также несколько посадских людей и слуг. Разбором дела занималась следственная комиссия в составе боярина князя В. И. Шуйского (будущего царя, см. о нем примеч. 139), окольного А. П. Клешина, дьяка Е. Вылузгина, митрополита Геласия. См.: Клейн В. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. М., 1913. Ч. 1—2; Веселовский С. Б. Отзыв о труде В. К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 г.» // Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 156—189; Скрынников Р. Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 188—196; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 153—181.

¹¹ Моровое поветрие — чума.

¹² Известие об отравлении Борисом Годуновым царя Федора Ивановича является слухом, передаваемым памятниками антигодуновской направленности и некоторыми иностранцами. См.: Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л., 1974. Т. 28. С. 243—244; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 213—215; Житие царя Федора // Полное собрание русских летописей. М., 1964. Т. 14. С. 16—22 (далее — ПСРЛ).

¹³ Речь идет о службе Лжедмитрия — Григория Отрепьева в Кремлевском Чудовом монастыре, где он провел почти год. По свидетельству самого патриарха Иова, инок был взят на патриарший двор «для книжного письма». В переводе Н. Г. Устрялова опущена фраза «...и у самого Бориса в комнатах бывал». См.: Скрынников Р. Г. Самозванцы в России... С. 29—30.

¹⁴ Лжедмитрий попал в Польшу в начале 1602 г., уехав во время голода из Москвы в Новгород Северский вместе с товарищами Варлаамом Якимом и Мисаилом, откуда они перебрались в Киев, а летом жили во владениях киевского воеводы князя Константина Острожского. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 50; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России... С. 32—37.

¹⁵ Имеется в виду Гавриил Гойский, бывший ранее старостой в имениях князя Константина Острожского. Гавриил Гойский и его сын Роман были приверженцами арианства — религиозного учения, расходившегося с официальной церковью в толковании некоторых догматов (о Троице, крещении) и стремившегося поставить свободное мышление выше авторитета веры. В одну из организованных Гойскими арианских школ на Волыни в Гоше и попал Лжедмитрий. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 51.

¹⁶ Князь Адам Вишневецкий — молодой польский магнат русского происхождения, сторонник православия, его огромные земельные владения были расположены рядом с русскими границами по обоим сторонам Днепра, что служило причиной раздоров с московским правительством. Известие «Дневника» подтверждается донесением князя А. Вишневецкого польскому королю Сигизмунду III в 1603 г. Есть и другие версии, рассказывающие о том, как Лжедмитрий «открылся» Вишневецкому из-за нанесенной ему князем обиды или во время первого свидания с Мариной Мнишек, якобы состоявшегося еще тогда, когда Григорий Отрепьев был слугой князя А. Вишневецкого. См.: Nowakowski F. K. Źródła do Dziejów Polski. Berlin, 1842. Т. 2. S. 65—70 (донесение А. Вишневецкого 1603 г.); Костомаров Н. И. Смутное время... С. 52—55; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 71—72; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России... С. 35—37.

¹⁷ Константин Вишневецкий (1564—1641) — князь, польский магнат, воевода, староста крошеницкий, двоюродный брат князя А. Вишневецкого. Был женат на Ур-

суле Мнишек, родной сестре Марины Мнишек. См.: Устрялов Н. Г. Сказания со-
временников о Димитрии Самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 2. С. 321—322.

¹⁶ Юрий Мнишек (ок. 1548—1613) — воевода сандомирский, отец Марины Мнишек. Оказал поддержку в Польше самозванцу Лжедмитрию I, рассчитывая на материальное возмещение долговых обязательств королю и на исполнение честолюбивых замыслов — возвести дочь на русский престол. Осенью 1604 г. выступил вместе с Лжедмитрием в поход на русские земли, но потом уехал из его войска. См.: Мнишки: Указатель архивных материалов и библиографии / Сост. В. И. Ульяновский. Киев, 1989. С. 128—129; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 56—61; Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 6—9.

¹⁷ Сигизмунд III Ваза (1566—1632) — польский король, сын шведского короля Юхана III и племянник, по женской линии, последнего польского короля из дома Ягеллонов Сигизмунда II. Избран на престол в 1587 г., в 1592—1599 гг. шведский король, низложен протестантской оппозицией, выставлял свою кандидатуру на русский трон в 1598 г. При появлении Лжедмитрия в Польше занял выжидательную позицию, встретился с самозванцем и не препятствовал сбору им войска для похода в Россию. См.: Nowak-Dłuski J. Zygmunt III. Warszawa, 1971; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978. С. 181—216.

¹⁸ Сдача Моравска (Монастырево, Монастыревский острог) Лжедмитрию I произошла 21 октября 1604 г., спустя неделю после того, как войско самозванца переправилось через Днепр и вошло в пределы Московского государства. Крепость была взята отправившимися вперед по команде Лжедмитрия отрядом запорожских казаков. Жители Моравска, получив грамоты от имени царевича Дмитрия, добровольно перешли на сторону самозванца, выдав ему воевод Бориса Лодыгина и Елизара Безобразова. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 87; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 181—182.

¹⁹ Чернигов был взят казаками, посланными от войска Дмитрия. В отличие от Моравска, черниговцы организовали сопротивление во главе с воеводой князем И. Татевым. Но большинство посадских людей перешло на сторону царевича Дмитрия. Самозванцу были выданы воеводы князь И. А. Татев, князь П. М. Шаховской и И. С. Воронцов-Вельяминов. После сдачи город был разграблен казаками, что привело к конфликту между ними и Дмитрием, пытавшимся, опираясь на польское войско, вернуть награбленное черниговцам. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 87—88; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 182—183.

²⁰ Под Новгород-Северский (здесь «Новгородок») войско Лжедмитрия I выступило из Чернигова 4 ноября 1604 г., шло до него 8 дней, встав обозом над р. Десною за полторы версты от крепости. Обороной Новгород-Северского руководил окольный П. Ф. Басманов (см. о нем примеч. 97), он приказал сжечь посад и согнать жителей в укрепленную крепость. Войско Лжедмитрия I задержалось под Новгород-Северским на несколько недель, т. к. не имело достаточно сил и пушек, чтобы взять город приступом. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 88—91; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 183—185.

²¹ Под началом П. Ф. Басманова в Новгород-Северском находилось 163 сына боярских, 390 казаков, 458 стрельцов и пушкарей и не менее 500 даточных людей, собранных из крестьян дворцовой Комарицкой волости. Войско, состоявшее из Государева двора, подошло к Новгород-Северскому позднее. См.: Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 183—184.

²² Лжедмитрий I узнал о приближении войска, посланного Борисом Годуновым, 5 декабря 1604 г. Это войско состояло из пяти полков общей численностью около 25 тысяч человек, согласно его сохранившейся росписи, в нем служило 860 русских дворян из Государева двора. Главным воеводой был князь Ф. И. Мстиславский. Решающая битва, в ходе которой войско Бориса Годунова потерпело поражение, состоялась 21 (31) декабря 1604 г. Однако она не означала еще сдачи Новгород-Северского. В начале января 1605 г., после отъезда польских войск из-за неуплаты жалованья, Лжедмитрий вообще был вынужден отступить от Новгород-Северского к Путивлю. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 91; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 199—200; Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. / Сост., подг. текста и вступ. статья С. П. Мордовинной и А. Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 1. С. 72—81; Ч. 2. С. 1—93; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 183—184, 191—195.

²³ Автор «Дневника» неточно передает ход событий. Известие о переходе на сторону Лжедмитрия I пришло из Путивля еще 19 ноября 1604 г., когда самозванец стоял под Новгород-Северским. Воеводу М. М. Салтыкова привезли связанным;

князь В. М. Рубец-Мосальский добровольно поддержал «царевича Дмитрия Ивановича» и стал впоследствии одним из самых его доверенных лиц. В Путивле Лжедмитрий I получил казну, посланную с дьяком Борисом Ступовым для раздачи войску. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 91; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 186—187.

²⁴ О сдаче Рылска и захвате воеводы А. Загряжского самозванца известили 24 ноября 1604 г. 1 декабря к Лжедмитрию I привезли пять воевод из Рылска, одновременно привезли воевод из дворцовой Комарицкой волости. Тогда же стало известно о сдаче Курска, а 3 декабря на сторону «царевича» перешли Кромы. Нападение на Орел сторонников самозванца в конце 1604 г. было отражено. В январе 1605 г. Лжедмитрий I занял Севск. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 90—91; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 198—200; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 198—199; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 187, 197.

²⁵ Воевода Ю. Мнишек и наемное польское войско покинули «царевича Дмитрия» 2 января 1605 г. Поводом к этому послужило получение королевских универсалов — писем, запрещавших вооруженным людям вступать в пределы чужого государства, а также неуплата жалованья. Однако с Лжедмитрием продолжали оставаться небольшие отряды поляков и 12 тысяч запорожских казаков. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 93—94; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 195—197, 234—235.

²⁶ Отступив от Новгород-Северского, Лжедмитрий I двинулся по направлению к Путивлю. В начале января им был занят Севск, а 21 января 1605 г. состоялась битва с войском боярина князя Ф. И. Мстиславского при с. Добрыничи. В этой битве самозванец потерял убитыми более десяти тысяч своих сторонников, большинство из которых составляли «черкасы» (украинцы). Войско Бориса Годунова не смогло закрепить свои успехи и надолго увязло в бесплодных попытках взять штурмом крепости Рылск и Кромы. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 96—98; Скрынников Р. Г. 1) Социально-политическая борьба... С. 196—201; 2) Россия в начале XVII века: Смута. М., 1988. С. 159—163, 172.

²⁷ Борис Годунов скоропостижно скончался 13 апреля 1605 г. Приведенное известие, видимо, восходит к грамоте воеводы г. Ливны Лжедмитрию I от 9 мая, из которой самозванец впервые узнал обстоятельства смерти Бориса Годунова. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 108—109; Пирлинг П. Димитрий Самозванец. С. 191—192; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 216; Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 193 (далее — Маржерет Ж. Записки).

²⁸ Осада Кром началась в конце января 1605 г., сразу после битвы при Добрыничах, отрядом воеводы Ф. И. Шереметева. В Кромах оборонялся небольшой гарнизон во главе с воеводою Г. Акинфиевым и атаманом донских казаков Корелой. Основное войско во главе с боярином князем Ф. И. Мстиславским встало лагерем под этой крепостью 4 марта 1605 г. Под Кромы для приведения войска к присяге новому царю Федору Борисовичу Годунову были посланы новгородский митрополит Исидор, бояре князь М. П. Катырев-Ростовский и П. Ф. Басманов. Присяга состоялась 19 апреля, но, спустя три недели, 7 мая, в результате заговора, который возглавили рязанские дворяне Ляпуновы и бояре П. Ф. Басманов, В. В. Голицын, И. В. Голицын и М. Г. Салтыков, основная часть войска перешла на сторону Лжедмитрия I. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 99—100, 110—118; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 203—204, 211—214; Белокуров С. А. Разрядные записки за Смутное время 7113—7121. М., 1907. С. 200; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 63—64; Скрынников Р. Г. 1) Социально-политическая борьба... С. 206—214, 239—262; 2) Россия в начале XVII века: Смута. С. 185—201.

²⁹ Федор Борисович Годунов (1588—1605) — сын Бориса Годунова, русский царь. Борис Годунов рано начал готовить сына к государственной деятельности, уже с 1595 г. он участвовал в приеме послов вместе с отцом. 1 июня 1605 г. низведен с престола и убит. См.: Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. С. 182; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 205.

³⁰ Мария Григорьевна Годунова (ум. 1605) — дочь Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Бельского), жена Бориса Годунова, русская царица с 1598 г. После смерти мужа в 1605 г. стала соправительницей при сыне Федоре Борисовиче, ее имя стоит в царских грамотах рядом с его именем. Убита вместе с сыном, после его свержения с престола восставшими москвичами. См.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 218; Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века: Смута. С. 206.

³¹ Ксения Борисовна Годунова (ум. ок. 1622) — дочь Бориса Годунова, с 1598 г. царевна. В 1602 г. она была просватана за датского герцога Иоганна, сына датского

короля Фредерика II, но жених, приехав в Москву, внезапно заболел и умер. Схваченная сторонниками самозванца 1 июня 1605 г. вместе с матерью и братом, она не погибла, а была заключена в монастырь, приняв после пострига имя Ольги. Сохранились известия о том, что Лжедмитрий I сделал ее своей наложницей. Слухи об этом, видимо, доходили и до воеводы Ю. Мнишка, предлагавшего царю Дмитрию Ивановичу удалить от себя дочь Бориса Годунова во избежание толков. См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. № 112. С. 243 (далее — СГТид); Костомаров Н. И. Смутное время... С. 132; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 29.

³² Официально было объявлено, что царица Мария Годунова с сыном Федором Борисовичем отравились. Согласно тексту «Нового летописца», боярин В. В. Голицын, обращаясь к «миру», говорил, что «царица и царевич со страстей испиша зелья и по-мроша, царевна же едва живые». Осведомленные иностранцы, находившиеся в России — Исаак Масса, Жак Маржерет, Томас Смит, Петр Петрей сообщают о казни царицы Федора Борисовича и царицы Марии Годуновой по приказу самозванца. Напротив, Лжедмитрий I по прибытии в Москву сообщил воеводе Ю. Мнишку об их самоубийстве. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 131—132; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 290—293.

³³ Лжедмитрий I вошел в Москву 20 июня 1605 г., после того как власть в столице была взята его сторонниками, спровоцированными на выступление грамотами самозванца, привезенными 1 июня 1605 г. гонцами Г. Пушкиным и Н. Плещеевым. См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 47, 577 (далее — РИБ); Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 65—66; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 122—138; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 266—271; Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века: Смуты. С. 206.

³⁴ Мария Федоровна (ур. Нагая), в иночестве Марфа (ум. 1612) — русская царица, с осени 1580 г. последняя жена Ивана IV, мать царевича Дмитрия, в 1591 г. после его смерти пострижена в монахини, к моменту вступления Лжедмитрия I на русский престол находилась в Николаевском Выксинском монастыре. Встреча Лжедмитрия I с инокиней Марфой произошла за три дня до его венчания на царство. См.: Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 218—220; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 86, 95.

³⁵ 1 польская миля = 5 верстам. См. объяснение автора «Дневника» в тексте.

³⁶ Венчание «царя Дмитрия Ивановича» на царство совершилось по русскому календарю 21 июля 1606 г., 31 июля по принятому в Речи Посполитой григорианскому календарю. См.: Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 222—227.

³⁷ Марина Мнишек (1588/89—1614) — дочь Юрия Мнишка, воеводы сандомирского, в феврале 1604 г. познакомилась с самозванцем, 25 мая 1604 г. с согласия ее отца был составлен брачный договор (см. приложение II к наст. изданию), по которому Марине Мнишек были обещаны деньги, драгоценности и «два великие государства» — Новгород и Псков. Обручение Марины Мнишек с «царем Дмитрием Ивановичем» (через его посла Афанасия Власьева) состоялось в Кракове 22 ноября 1605 г. В «Дневнике» подробно описаны дальнейшие события ее жизни, связанные с приездом в Москву, брачными торжествами и коронацией, а также ссылкой в Ярославль в 1606—1608 гг. О последних годах жизни Марины Мнишек в России см. введение к наст. изданию. См.: СГТид. Ч. 2. № 76. С. 159—162; Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908; Dzięgielewski J. Maryna Mniszchówna // Polski słownik biograficzny. 1975. Т. 20/1. S. 111—114 (далее — PSB); Мнишки. С. 132—134 (составитель этого указателя В. И. Ульяновский собрал обширную библиографию работ о Марине Мнишек).

³⁸ К Ю. Мнишку с разными поручениями был послан секретарь Лжедмитрия I Станислав Слонский, позднее к нему же с деньгами и вещами был отправлен другой секретарь Ян Бучиньский, которому даны были поручения обсудить с Ю. Мнишком детали обручения. См.: СГТид. Ч. 2. № 99. С. 220—221; № 102. С. 224—225; № 104. С. 227—228; № 105. С. 228—229.

³⁹ Афанасий Иванович Власьев упоминается в источниках с 1584 г. как подьячий — младший приказной служитель; в конце XVI—начале XVII в. был видным деятелем русской посольской службы, в апреле 1595 г. дьяк, в составе посольства М. И. Вельяминова ездил к императору Священной Римской империи Рудольфу II Габсбургу (1552—1612); 28 июня 1599 г. думный дьяк, отправлен один с посольством к цесарю Рудольфу II, с 1601 по 1605 г. думный дьяк Посольского приказа, ведал управлением Казанских и Мещерских дворцовых земель. С августа 1601 по январь

1602 г. посол в Польше, с М. Г. Салтыковым. В 1605 г. Борис Годунов посылал его к боярам «расспросить и попенять» за отступление от Рыльска, в том же году вместе с боярами ездил из Москвы на встречу к Лжедмитрию I. 16 августа 1605 г. был отправлен в Польшу Лжедмитрием I для обручения с Мариной Мнишек. Он также должен был устроить ее приезд в Москву. В 1605—1606 гг. одно из самых приближенных к самозванцу лиц, казначей и посольский дьяк. После гибели Лжедмитрия I сослан в Уфу, в 1611 г. возвращен Сигизмундом III, по указу которого Афанасию Власьеву велено быть по-прежнему в казначеях и думных дворянах. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 98; Опись архива Посольского приказа 1626. М. 1977. Ч. 1. С. 121—122; Савава В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 197.

⁴⁰ Арчак — деревянный остов седла. См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 31.

⁴¹ Сорок — четыре десятка, употреблялось как единица счета. См.: Срезневский И. И. Словарь... Т. 3. Ч. 1. Стб. 465.

⁴² Посольство выехало из Москвы 5 сентября 1605 г. В письме, отправленном с послом Афанасием Власьевым, Лжедмитрий I извещал Сигизмунда III о своем венчании на царство: «...мы венчаны и священным миром помазаны святейшим нашим патриархом не только в сан императора обширных наших владений, но и в сан короля всех царств Татарии, которые с давних времен повинуются нашей монархии». См.: РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 41; Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. СПб., 1860. Кн. 1. С. 55; Сб. Русского исторического общества. СПб., 1913. Т. 137. С. 748—754 (далее — Сб. РИО).

⁴³ Саадак — чехол для лука и стрел. См.: Срезневский И. И. Словарь... Т. 3. Ч. 1. Стб. 237.

⁴⁴ Вавельский замок в Кракове — резиденция польских королей.

⁴⁵ Сенаторы — члены верхней палаты сейма; сенаторские должности занимали воеводы и каштеляны, носившие эти звания пожизненно (всего их было около 150 человек, хотя это число не оставалось неизменным). См.: Чаплинский В. Органы государственной власти в Польше XVI—XVII веков // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 152.

⁴⁶ Католический обряд обручения допускает замену жениха другим уполномоченным лицом. Документы об обручении Марины Мнишек с самозванцем см. в приложении II к наст. изданию.

⁴⁷ Владислав IV Ягеллон (1595—1648) — польский королевич, сын Сигизмунда III, в 1610 г. был избран Боярской Думой на русский престол, но не был отпущен в Россию Сигизмундом III, вершившим в 1610—1612 гг. дела от имени сына. В 1618 г. королевич Владислав вторгся в пределы Русского государства, претендуя на царство. С 1632 г. — польский король, руководил обороной Смоленска, который в 1632—1634 гг. безуспешно пытались вернуть русские войска. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 209, 313; Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632—1634 гг. Киев, 1915; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 157—161.

⁴⁸ Анна (1568—1625) — младшая сестра Сигизмунда III, шведская королевна. См.: Lepszy K. Anna Wazówna // PSB. 1935. Т. 1. С. 133—134.

⁴⁹ Бернард Мациевский — краковский епископ, кардинал, папский легат (посол римского двора), двоюродный брат Ю. Мнишка. Был облечен особым доверием папы Павла V. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 162—163; Пирлинг П. Димитрий Самозванец. С. 100, 302—309.

⁵⁰ Клавдий Рангони — папский нунций (посланник, легат) в Польше с 1599 г., способствовал обращению Лжедмитрия I в католичество. См.: Пирлинг П. Димитрий Самозванец. С. 58—74, 101—115.

⁵¹ То есть от старицы Марфы (Марии Федоровны Нагой). См. примеч. 34.

⁵² Лот — мера веса, $\frac{1}{32}$ фунта. Фунт — 409, 512 г.

⁵³ 18 декабря 1605 г., по приезде Липницкого в Москву, Лжедмитрий I отвечал Ю. Мнишку: «Пребывающих нас по сие время в печали без уведомления от милости вашей об общих делах наших, ныне попремному писанием своим через Липницкого милость ваша нас обрадовали, что не токмо в добром здравии обретаетесь, но тако ж и щастливо отправили вы сей акт (т. е. обручение. — В. К., А. С.), весьма нам благоприятный». См.: СГГид. Ч. 2. № 109. С. 236.

⁵⁴ Станислав Бонифаций Мнишек (ок. 1580—1644) — второй сын Ю. Мнишка и Ядвиги Тарло, брат Марины Мнишек, учился в Падуанском университете, с 1602 г. староста саночный. В его замке в Саноке останавливался в 1604 г. Лжедмитрий I. Принимал участие в походе самозванца в конце 1604 — начале 1605 г. Присутствовал на свадьбе «царя Дмитрия Ивановича» и Марины Мнишек в Москве. В 1606 г. был

сослан в Ярославль, позднее примкнул к Лжедмитрию II, в начале 1611 г. благополучно возвратился в Польшу, с 1613 г. староста львовский, участвовал в работе сеймов и военных походах. См.: Мнишки. С. 131.

⁵⁵ Вторая жена Ю. Мнишка княжна София Головинская. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 59.

⁵⁶ Жена сandomирского хорунжего Тарло, теща воеводы Ю. Мнишка, мать его первой жены Ядвиги Тарло, бабка Марины Мнишек.

⁵⁷ Свадьба Сигизмунда III и его второй жены эрцгерцогини Констанции состоялась 11 декабря 1605 г. По мнению П. Пирлинга отъезд Марины Мнишек в Промник, подкраковскую резиденцию ее двоюродного дяди кардинала Бернарда Мацеевского, был вызван желанием «избежать... осложнений на почве этикета» (Пирлинг П. Димитрий Самозванец. С. 338).

⁵⁸ Как свидетельствует подлинная грамота от 5 ноября 1605 г., на самом деле Лжедмитрий I послал 200 000 злотых. В отчете о приезде в Краков 20 января 1606 г. Ян Бучинский, посланный с этими деньгами, сообщал: «В мешках многого не доставало и вместо денег вздором наполнено». См.: Русская вивлиофика... изд. Николаем Полевым. М., 1833. Т. 1. С. 322; СГГид. Ч. 2. № 106. С. 227; Устрялов Н. Г. Сказания... Ч. 2. С. 323.

⁵⁹ Ян Бучинский — секретарь Лжедмитрия I, был послан им, чтобы доставить деньги в Краков для уплаты долгов Ю. Мнишка польскому королю и на поездку Марины Мнишек в Москву. С ним же были посланы указы Лжедмитрия I, касающиеся соблюдения этикета Мариной Мнишек после обучения и порядка ее встречи на границах Русского государства. См.: СГГид. Ч. 2. № 102. С. 225; № 105. С. 228—229; № 106. С. 230—231; Русская вивлиофика... Ч. 1. С. 320—321; Сб. РИО. Т. 137. С. 183—185, 223—237.

⁶⁰ Михаил Федорович Толочанов — в 1602—1603 гг. служилый человек невысокого положения, выборный дворянин по Брянску со средним по размерам земельным окладом в 400 четвертей. Можно предположить, что это назначение в столь ответственную поездку связано с какими-то заслугами М. Ф. Толочанова во время похода Лжедмитрия I на Москву. См.: Боярские списки... Ч. 1. С. 232.

⁶¹ Иван Романович Безобразов — гонец Лжедмитрия I к польскому королю Сигизмунду III, тайно передавший ему мнение бояр Шуйских и Голицыных о необходимости свержения «царя Дмитрия» и призвания на престол королевича Владислава. Впоследствии думный дворянин, в 1611 г. получил от Сигизмунда III высокий придворный чин ловчего. См.: СГГид. Ч. 2. № 116. С. 251; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 172—173; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 208—209; Боярские списки... Ч. 2. С. 10.

⁶² Липницкий ездил в Москву с известием о совершении акта обручения в Кракове и сразу же был отправлен обратно в Польшу с новым поручением. Не позднее 18 декабря 1605 г. Лжедмитрий I уже ожидал вестей о его приезде туда, о чем он писал воеводе Ю. Мнишку: «Послали мы было чрез того ж Липницкого на ваши руки к королю письмо в деле долговых ста тысяч злотых польских... О чем чрезмерно удивляемся, для чего милость ваша нимало о том к нам не писали». После этого он успел еще раз приехать в Москву и не позднее 8 января 1606 г. отправился вслед за гонцом И. Р. Безобразовым. См.: СГГид. Ч. 2. № 109. С. 236; № 116. С. 251.

⁶³ «Неделя мясопустная» или «мясопуст великий» — переходящий церковный праздник, воскресный день за 56 дней до Пасхи, «сыропуст» — воскресный день за 49 дней до Пасхи. На «сырной» неделе празднуется Масленица, после которой наступает «великий пост».

⁶⁴ Объясняя причину посылки нескольких гонцов с письмами к воеводе Ю. Мнишку, Лжедмитрий I писал: «Все сие единственно для того мы делаем, дабы тем лучше вы познали, с какою радостью мы вас ожидаем и сколь велико наше желание видеть нареченную цесаревну и супругу нам обрученную, а притом дабы и от вас частые иметь сведения». См.: СГГид. Ч. 2. № 116. С. 251; № 117, 119, 123.

⁶⁵ В этой грамоте от 28 февраля 1606 г. Лжедмитрий I извещал о приготовлении в г. Борисове дворов для воеводы Ю. Мнишка и его дочери. Судя по приписке на грамоте, она была получена 13 марта в Люблине, что подтверждает достоверность известия «Дневника». См.: СГГид. Ч. 2. № 128. С. 277—278.

⁶⁶ «Вербная неделя» — неделя (седмица) «великого поста» и последний воскресный день перед Пасхой.

⁶⁷ Пасха — главный церковный праздник христиан. Даты Пасхи у католиков и православных, как правило, не совпадают. В 1606 г. по православному календарю Пасху праздновали в 26 апреля. См. текст «Дневника» за этот день.

⁶⁸ Лев Сапега (1557—1633) — в 1588—1625 гг. великий канцлер литовский, в 1600—1601 гг. был во главе посольства Речи Посполитой в Россию, заключившего

перемирие между двумя государствами. Доброжелательный прием, оказанный Львом Сапегой воеводе Ю. Мнишку и его свите в своих землях, не случаен. Нунций Клавдий Рангони убедил Сапегу оказать поддержку Лжедмитрию I. См.: СГГид. Ч. 2. № 124. С. 269; Сб. РИО. Т. 137. С. 43—73.

⁶⁹ Зигмунт Казановский — комнатный служитель Лжедмитрия I. 28 марта 1606 г. он привез грамоту, в которой «царь Дмитрий» выражал радость по поводу отъезда воеводы Ю. Мнишка с дочерью и писал о «нетерпеливом ожидании» их прибытия. См.: СГГид. Ч. 2. № 132. С. 282—283.

⁷⁰ Николай Кшиштоф Радзвилл-Сиротка (1549—1616) — воевода виленский с 1604 г. Приносим искреннюю благодарность Г. К. Люлевичу, чья консультация помогла установить имя этого лица. См.: Lulewicz H. Radziwiłł Mikołaj // PSB. 1987. Т. 30/2. S. 349—361.

⁷¹ 4 апреля 1606 г. воевода Ю. Мнишек писал Лжедмитрию I о получении 13 324 талеров (большая серебряная монета, использовавшаяся в качестве денежной единицы в Речи Посполитой) и 5204 рублей, но при этом указывал, что тотчас отсылает их для уплаты долгов, вымогая новые суммы денег. См.: СГГид. Ч. 2. № 133. С. 284.

⁷² Упомянутые в тексте люди, имена которых неизвестны, были высланы навстречу Марине Мнишек от М. А. Нагого и князя В. М. Рубец-Мосальского, ожидавших свадебный поезд в Красном. О встрече их на границе четырьмя русскими боярами вспоминали и другие поляки, ехавшие в свите воеводы Ю. Мнишка. См.: Титов А. А. Записки Станислава Немоевского (1606—1608) // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. Отд. 2. С. 19 (далее — Немоевский С. Записки); Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 342.

⁷³ Жолнеры — солдаты в польском войске.

⁷⁴ Ян Мнишек (ок. 1541—1612) — старший брат Ю. Мнишка, дядя Марины Мнишек, с 1572 г. староста красноватский. В 1606—1608 гг. находился в ссылке в Ярославле. См.: Мнишки. С. 128.

⁷⁵ Князь Константин Вишневецкий, зять воеводы Ю. Мнишка (см. о нем примеч. 15).

⁷⁶ Николай Мнишек (ум. 1613) — старший сын Ю. Мнишка, брат Марины Мнишек, староста луковский.

⁷⁷ Сигизмунд Тарло — родственник первой жены Ю. Мнишка Ядвиги Тарло, был сослан в Тверь в 1606—1608 гг. См.: Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 339.

⁷⁸ Мартин Стадницкий — родственник Ю. Мнишка, сестра которого, Катарина, была замужем за Николаем Стадницким. Гофмейстер двора Марины Мнишек. Ему приписывают компиляцию записок о России; в 1606—1608 гг. находился в ссылке в Ростове и Белозёре. См.: История Дмитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери сandomирского воеводы, царицы Московской / Пер. по рукоп. с польск. Предисл. и публ. А. А. Титова // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 129—174; № 6. С. 177—222.

⁷⁹ Юрий Стадницкий — брат Мартина Стадницкого (см. примеч. 78), умер в ссылке в Твери. См.: Немоевский С. Записки. С. 167.

⁸⁰ Самуил Баль — польский шляхтич, сын Станислава Баля, подкормия саноцкого. См.: Устрялов Н. Г. Сказания... Ч. 2. С. 327.

⁸¹ Фрагмент «Дневника», сообщающий о Павле Тарло, отсутствует в нашей рукописи и переведен по публикации А. Гиришберга.

⁸² Станислав Немоевский (ок. 1560—1620) — королевский дворянин, не позднее 1603 г. подстолий коронный (чин королевского двора, связанный с центральным управлением в стране), выполнял в Москве тайное поручение шведской королевны Анны (см. примеч. 48), предлагавшей Лжедмитрию I купить у нее драгоценности. Оставил записки о своем приезде в Москву и ссылке в Ростов и на Белоозеро. См.: Немоевский С. Записки. С. 1—18.

⁸³ Франциск Помасский — самборский католический священник, погиб во время восстания в Москве 17 (27) мая 1606 г.

⁸⁴ Адам Вольский — придворный коронный маршалок, один из самых знатных поляков, находившихся в Москве. В 1606—1608 гг. был в ссылке вместе с М. Стадницким и С. Немоевским. См.: Немоевский С. Записки. С. 9; Сб. РИО. Т. 137. С. 677, 678.

⁸⁵ Фраза о пане Корытко в нашей рукописи отсутствует и переведена по публикации А. Гиришберга.

⁸⁶ Имеется в виду посол Афанасий Власьев (см. примеч. 39).

⁸⁷ Известие за 19 апреля отсутствует в публикации Н. Г. Устрялова.

⁸⁸ Василий Михайлович Рубец-Мосальский — князь, с 1588/89 г. стряпчий, в 1598 г. исполнял должность головы в Чернигове, в 1601 г. отправлен Борисом Годуновым в Тобольск, в 1604 г. сдал Лжедмитрию I Путивль (см. примеч. 23), был одним из наиболее приближенных к самозванцу лиц. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 181; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 215; Разрядная книга (далее — РК) 1475—1598 гг. М., 1966. С. 540; РК 1559—1605 гг. М., 1974. С. 318, 333; Боярские списки... Ч. 1. С. 110. Вместе с князем В. М. Мосальским для встречи свадебного поезда Марины Мнишек на границах Русского государства были посланы боярин М. А. Нагой и ясельничий, думный дворянин Андрей Матвеевич Воейков. Их отъезд состоялся около 23 января 1606 г. Они должны были приготовить все необходимое и организовать беспрепятственный проезд в Москву Марины Мнишек и ее свиты. См.: СГГид. Ч. 2. № 118. С. 254.

⁸⁹ Михаил Александрович Нагой — дворянин, воевода, дядя царицы Марии Федоровны Нагой, был дружкой на ее свадьбе с Иваном IV, в 1585/86 г. сослан в Кокшайск, затем в Уфу. См.: Беляев И. С. К родословию Нагих // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Т. 3. С. 92—93; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 88, 111.

⁹⁰ Смоленская крепость — грандиозное оборонительное сооружение, строилось в 1595—1600 гг. под руководством талантливого зодчего Федора Коня. На ее закладке присутствовал «правитель» Борис Годунов. Общая протяженность стен, имевших 38 башен, равна 6,5 километров — только на три километра меньше стены Белого города в Москве. Крепость не уступала оборонительным сооружениям Варшавы. См.: Косточкин В. В. Старым Смоленским трактом. М., 1972. С. 136—149.

⁹¹ Пахолик — слуга.

⁹² Этот фрагмент «Дневника» свидетельствует о том, что он был записан или отредактирован автором уже после восстания в Москве и свержения Лжедмитрия I.

⁹³ Борис Михайлович Лыков-Оболеский (ум. не ранее 1642) — князь, в боярском списке 1588/89 г. записан в чине жильца, в 1594—1603 гг. рында (в рындах служили, как правило, молодые дворяне из наиболее привилегированных родов); в 1599 г. — стольник, был послан Борисом Годуновым в Торжок для встречи шведского королевича Густава; в 1601 г. был на приеме послов английской королевы Елизаветы; в 1603 г. воевода в Белгороде, а также исполнял обязанности рынды при встрече датского королевича Иоганна. В 1605 г. приводил к присяге Лжедмитрию I ратных людей под Кромами. С этого времени был одним из доверенных лиц самозванца, получил от него один из высших придворных чинов кравчего и, вероятно, боярина. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 213; РК 1475—1598 гг. С. 522, 532; РК 1559—1605 гг. С. 297—300, 306, 310, 311, 323—325, 334, 343, 345; Боярские списки... Ч. 1. С. 118.

⁹⁴ Здесь слово «бояре» употреблено в широком смысле слова и означает служилых людей дворянского происхождения. В тексте говорится о вяземских дворянах и детях боярских, входивших в состав служилого «города» — корпорации непривилегированного провинциального дворянства. См.: Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. 4-е изд. М., 1909. С. 511—532.

⁹⁵ В Можайском кремле 1541 г. особо выделялась башня Никольских ворот — главный въезд в кремль, которую венчала надвратная Воздвиженская церковь. Здесь в украшенном киоте стояла резная деревянная скульптура святого Николы Можайского — покровителя города. Остатки древнего белокаменного Никольского собора, рухнувшего в середине XIX в., можно видеть в подклете его «копии» — Петропавловской церкви XIX в.

Святой Николай Мирликийский (Никола Угодник) действительно был одним из популярнейших святых в средневековой России, что неоднократно отмечали иностранцы в своих записках. См.: Горсей Джером. Записки о России. XVI—начало XVII в. / Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 54, 176; Турбервилль Джордж. Послания из России // Там же. С. 267, 274; Померанцев Н. Н. Русская деревянная скульптура. М., 1967. Илл. 22—29; Косточкин В. В. Старым Смоленским трактом. С. 28—53.

⁹⁶ Вяземы — одна из подмосковных вотчин Годуновых, где в годы царствования Федора Ивановича «правитель» Борис Годунов возвел «храм камен о пяти верхах» — Троицкую церковь (1585—1586 гг.), необычной постройки звонницу, а также свой дворец, не сохранившийся до наших дней. По преданию, надписи, следы которых остались на фресках Троицкой церкви, были оставлены поляками, побывавшими в Вяземах в Смутное время. См.: Шереметев П. Вяземы. Пг., 1916; Косточкин В. В. Старым Смоленским трактом. С. 17—23.

⁹⁷ Петр Федорович Басманов (ум. 1606) — сын одного из самых известных опричников, старший брат И. Ф. Басманова, убитого в бою против восставших под

руководством Хлопка в 1603 г. В 1588 г. стольник, в 1589 г. назначен рындою в поход против шведского короля, в конце 1599—начале 1600 г. получил думный чин окольничего, около 1602—1603 гг. овдовел, в 1604 г. прославился успешной обороной Новгород-Северского от войск Лжедмитрия I, за что получил чин боярина. Федор Борисович Годунов послал его привести государеву войско к присяге на верность новому царю. Однако это назначение было сделано без учета местнического положения П. Ф. Басманова в иерархии московских служилых людей, — на более высокую должность, чем Басманов, был назначен князь Андрей Телятевский. По свидетельству Разрядной Книги, узнав об этом, «Петр Басманов, падши на стол, плакал с час, лежа на столе; а встав со стола, являл и бил челом боярам и воеводам всем: „<...> и я не хочу жив быти, смерть приму лучше тово позору“». В результате П. Ф. Басманов перешел под Кромами на сторону Лжедмитрия I и стал одним из его самых преданных сторонников, погиб в один день с самозванцем. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 89; Белокуров С. А. Разрядные записки... С. 200; РК 1475—1598 гг. С. 414, 415, 523; РК 1559—1605 гг. С. 259, 319, 354; Боярские списки... Ч. 1. С. 36, 108, 180; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 99.

⁹⁸ Матвей Домарацкий — польский ротмистр, служил Лжедмитрию I в Москве, в 1608—1609 гг. участвовал в военных действиях в России.

⁹⁹ Посылка блюда с царского стола считалась знаком особой царской милости. См.: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» М., 1988. С. 134.

¹⁰⁰ Речь идет, видимо, об Иване Андреевиче Хворостинине (ум. 1625), происходившем из рода ярославских князей, видном публицисте, вольнодумце, поэте Смутного времени. В свои молодые годы он служил Лжедмитрию I, пользовался его расположением, получил от него чин кравчего. Был сослан при Василии Шуйском в монастырь. См.: СГГД. Т. 3. № 90; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. № 147, 149 (далее — ААЭ); Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 295—296; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 47.

¹⁰¹ Московский Вознесенский женский монастырь в Кремле, основан в 1386 г., служил усыпальницей московских великих княгинь. Располагался около Спасской башни. См.: Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1983. С. 263—268.

¹⁰² Алебарда — старинное оружие, секира на длинном древке.

¹⁰³ Локоть — мера длины, ее размеры зависели от соотношения с саженью и пядью. По московскому счету в одном локте около 38 см.

¹⁰⁴ Бердыш — холодное оружие пехоты, схожее с алебардой. На нижний конец древка насаживалось железное копыце, при стрельбе из ручной пищали бердыш втыкался в землю и, таким образом, служил своеобразной подставкой.

¹⁰⁵ Дмитрий Иванович Шуйский (ум. 1612) — князь, младший брат царя Василия Ивановича Шуйского, в 1577 и 1579 гг. рында у Ивана IV, с осени 1580 по апрель 1586 г. кравчий, с 1586 г. боярин, попал в опалу вместе с другими князьями Шуйскими и находился в ссылке в Шуе, в конце 1591 г. возвращен ко двору, в 1596—1598 гг. — воевода в государевом полку, в 1604 г. был назначен воеводою в войске, посланном против Лжедмитрия I; во время царствования брата был одним из первых людей Московского государства. В 1610 г., командуя войсками под Клушино, потерпел сокрушительное поражение от гетмана С. Жолкевского, что в конечном счете привело к низложению с трона его брата. Умер в плену в Польше. См.: РК 1475—1598 гг. С. 293, 295, 319, 360, 364, 459, 497, 520, 530; РК 1559—1605 гг. С. 273, 303, 309, 312, 324, 351—353; Боярские списки... Ч. 1. С. 55, 74, 263; Ч. 2. С. 35, 44; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 21, 133, 135, 195, 199, 250, 275.

¹⁰⁶ Игнатий (ум. ок. 1640) — московский патриарх, по национальности грек, кипрский архиепископ, бежал от преследований турок в Рим, в 1593 г. приехал в Россию, спустя десять лет стал рязанским архиепископом, в 1605 г., после низложения патриарха Иова, избран патриархом. Сведен с патриаршей кафедры после свержения Лжедмитрия I, лишен сана и отправлен в Чудов монастырь. Вторично возведен на святительский престол в 1611 г., но в 1612 г. бежал в Польшу, последние годы жил в Виленском монастыре святой Троицы. См.: Дмитриевский А. Архиепископ Еласонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899; СГГД. Ч. 2. № 92; Пирдин П. Дмитрий Самозванец. С. 224—225, 239—242.

¹⁰⁷ Патриарх с митрополитами и архиепископами составляли Освященный собор, решавший внутрицерковные дела и участвовавший совместно с царем и Боярской думой в обсуждении важнейших вопросов внутренней политики. См.: Ключевский В. О. Боярская дума... С. 510—524.

¹⁰⁸ Здесь, используя привычные термины, автор «Дневника» говорит о членах Боярской думы. Вряд ли Лжедмитрий I предполагал какие-то реформы Боярской думы,

с тем, чтобы расширить число ее членов и приблизить ее по статусу к польским институтам власти. См.: СГГД. Ч. 2. № 93. С. 207—210 (перечень членов Совета в царствование Лжедмитрия I); Ключевский В. О. Боярская дума... С. 355—358; Пирдинг П. Дмитрий Самозванец. С. 328—330.

¹⁰⁹ Держава — символ царской власти в России.

¹¹⁰ Вероятно, автор «Дневника» описывает самовар.

¹¹¹ Пятница — постный день.

¹¹² В стольниках служили молодые дворяне из наиболее привилегированных родов. В Польше чашничие — слуги при столе короля.

¹¹³ Лапландцы (лопары, «дикая лопь», саамы) — жители Кольского полуострова, берегов Северного Ледовитого океана, чьи земли с XVI в. располагались между Норвегией и Россией. «Лопскую землю» в грамотах Ивана Грозного называли «изначала нашей отчиной Новгородским уездом». Лопари платили в XVII в. двойную дань: русским и датчанам, хотя русские власти вели борьбу против датских данщиков. Интересны географические представления автора «Дневника», типичные для средневековья. В издании Н. Г. Устрялова ошибка: «японцы» вместо «лапландцы» (польск.: Laponowie). См.: Харузин Н. Русские лопари. М., 1890; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 772—773; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 274—275.

¹¹⁴ Сообщение о лапландцах (лопарях) показывает, что автор пользовался устными рассказами и записал это уникальное свидетельство «из первых рук».

¹¹⁵ Делия — в гусарской одежде плащ, подбитый мехом.

¹¹⁶ Бахмат — ногайская лошадь, боевой конь. См.: Добродомов И. Г. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 21—29.

¹¹⁷ Николай Олесницкий (ок. 1558—1629) — каштелян г. Малогощ, посол Сигизмунда III на коронации Марины Мнишек, автор записок о «царе Дмитрии Ивановиче» и Марине Мнишек. См.: Witusik A. Oleśnicki Mikołaj // PSB. 1978. T. 23/4. S. 771—773; Маржерет Ж. Записки. С. 201.

¹¹⁸ Иван III, великий князь всея Руси в 1462—1503 гг.

¹¹⁹ Василий III Иванович, великий князь всея Руси в 1505—1533 гг.

¹²⁰ Елена Стефановна Волошанка (ум. 1505) — княгиня, невестка Ивана III, супруга его сына, великого князя Ивана Ивановича Молодого. В публикации А. Гиршберга — «Witłową dziewczką», т. е. София Витовтовна (1371—1454) — жена Василия I, деда Ивана III.

¹²¹ Елена Васильевна Глинская (ум. 1538) — великая княгиня, с 1523 г. жена Василия III, мать Ивана IV Грозного, представительница виднейшей литовско-русской княжеской фамилии Глинских, центром владений которых в Великом княжестве Литовском была Туровщина. См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 85—87.

¹²² Григорий Иванович Микулин — в 1588—1589 г. вяземский выборный дворянин, участвовал в шведском походе 1590 г., в 1600 г. русский посол в Англии (сохранился его портрет, написанный в Англии). Стремительную карьеру сделал в начале XVII в., Лжедмитрий I пожаловал его в думные дворяне. Автор «Дневника» ошибочно называет его окольным чин (второй думный чин). См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 6, 236; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 156—205; РК 1559—1605 гг. С. 259; Боярские списки... Ч. 1. С. 140, 205, 283, 312, 330; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 220; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 33, 50—52. (Литературное наследство. Т. 91).

¹²³ В оригинале *Hospodar*, слово, которое здесь и далее переводится «государь».

¹²⁴ Александр Корвин Гонсевский (ум. ок. 1645) — староста велижский, дипломат и полководец. Ездил с посольствами к Лжедмитрию I в августе 1605 и в мае 1606 г. В результате московского восстания 17 (27) мая 1606 г. был задержан и находился в России до 1608 г. В 1610 г., после заключения договора о призвании на русский трон королевича Владислава, вошел во главе польского гарнизона в Москву. Руководил обороной города от ополчений П. П. Ляпунова, а затем К. Минина и Д. М. Пожарского, будучи фактическим правителем Москвы. В 1612—1618 гг. возглавлял польские войска под Смоленском, в 1618 и 1632 гг. успешно отразил попытки русских войск вернуть этот город в состав Русского государства. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 35, 170, 382, 383, 747, 755.

Сохранилась инструкция, данная послу А. Гонсевскому польским королем Сигизмундом III и «верующая грамота». Русских документов об этом посольстве не сохранилось. Ссылка в цитируемых «Дневником» речах Лжедмитрия I на разговор с

Гонсевским подтверждает, что это посольство действительно состоялось. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 747.

¹²⁵ Сейм — второй орган верховной власти в Польше, в котором была представлена польская шляхта. Сейм состоял из двух палат: Сената и Посольской избы, называвшихся сословиями. Третьим сословием был король. Сеймы собирались, как правило, раз в два года, каждый раз практически в новом составе из-за того, что на местных собраниях шляхты — сеймиках выбирались новые послы. Председательствовал в сейме король. В 1605 г. состоялся сейм, подробно обсуждавший политику Сигизмунда III в отношении русского самозванца. См.: РИБ. Т. 1. Стб. 1—81; Чаплинский В. Органы государственной власти... С. 154—158; Maciszewski J. *Szlachta polska i jej państwo*. Warszawa, 1969. S. 227.

¹²⁶ Посольский двор располагался в Китай-городе в районе Ильинской улицы, начинавшейся от Фроловской (Спасской) башни Кремля, состоял из нескольких каменных и деревянных построек, в которых располагались квартиры послов, толмачей (переводчиков), приставов, а также башен с высокими шатрами и обширного открытого двора. См.: Памятники архитектуры Москвы... С. 361; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». С. 76—80.

¹²⁷ Кухмистер — старший, очень искусный повар.

¹²⁸ Воскресенье праздничное — католический праздник, связанный с Пасхой.

¹²⁹ Кадило — церковный сосуд, используемый в богослужении для курения благовоний.

¹³⁰ Федор Иванович Мстиславский (ум. 1622) — князь, воевода, кравчий, с 1577 г. боярин, один из самых родовитых и наиболее влиятельных членов Боярской думы, после смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. назывался в качестве одной из возможных кандидатур на русский престол, в 1604 г. возглавлял войско, посланное против Лжедмитрия I. При самозванце продолжал занимать одно из первых мест в Думе, принял участие в заговоре против Лжедмитрия I. Позднее, в 1610—1612 гг. возглавлял правительство так называемой «Семибоярщины», был сторонником призвания на русский трон польского королевича Владислава. См.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 137; Боярские списки... Ч. 1. С. 67, 85, 104, 270; Ч. 2. С. 27; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 112—113.

¹³¹ Ирина Михайловна Мстиславская — жена князя Ф. И. Мстиславского. В сохранившемся отрывке из описания обряда свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек читаем: «...а вести государыню под ручку воеводе, отцу ее, да княж Федорове княгине Ивановича Мстиславского». См.: СГТД. Ч. 2. № 138. С. 289; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 109; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 113.

¹³² Центральный момент коронации или свадьбы в глазах москвичей, не признававших обручения, совершенного в Кракове. Принятие Мариной Мнишек миропомазания по греческому обряду (о чем свидетельствует автор «Дневника») могло означать для русских переход Марины Мнишек в православие, а для поляков — всего лишь необходимый элемент коронации. О принятии же причастия Лжедмитрием I и Мариной Мнишек из рук православного патриарха Игнатия источники сообщают противоречивые сведения. См.: Немоевский С. Записки. С. 59—60; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 348—352.

¹³³ Описание португалов — крупных золотых монет с государственным гербом сохранилось в записках еще одного участника описываемых событий Станислава Немоевского: «На португалах с одной стороны особа государя до пояса, с мечом и латинскую надписью: Aetatis suae 24, с другой — двуглавый орел, в груди у которого единого, а кругом по-русски императорский титул» (Немоевский С. Записки. С. 60).

¹³⁴ Жена Сигизмунда Тарло, хорунжего пшемысльского.

¹³⁵ Трудно сказать, кого имел в виду автор «Дневника». Немоевский также писал об «одной московской княгине», стоявшей во время банкета у того края стола, где сидела Марина Мнишек, но не назвал ее по имени. Русские источники не знают князей Коширских. См.: Немоевский С. Записки. С. 61.

¹³⁶ Сажень — мера длины, 216 см.

¹³⁷ Известие за 22 мая отсутствует в публикации Н. Г. Устрялова, а известие за 23 мая ошибочно помещено под 22 мая. См.: Устрялов Н. Г. Сказания... Ч. 2. С. 159.

¹³⁸ День Божьего Тела — католический церковный праздник в память о таинстве евхаристии. Введен в 1264 г. папой Урбаном IV, отмечается в первый четверг после праздника Троицы.

¹³⁹ Василий Иванович Шуйский (1553—1612) — князь, служил первым рындой в полку Ивана IV во время серпуховского похода 1574 г., в 1575—1576 гг. входил в состав

«особого двора» Ивана IV, участвовал в Ливонской войне, в 1580 г. царский дружка на свадьбе Ивана IV с Марией Нагой, с 1584 г. боярин, в 1585—1587 гг. воевода в Смоленске. В 1586—1587 гг. сослан в Галич, затем был возвращен ко двору и в 1591 г. возглавлял следственную комиссию по делу о смерти царевича Дмитрия. В 90-х годах XVI в. и начале XVII в. воевода в Новгороде, неоднократно назначался воеводой в государственной войске. В 1604 г. был послан с подкреплением к войску, отправленному против Лжедмитрия I, нанес ряд поражений войскам самозванца. После воцарения «Дмитрия Ивановича» едва не был казнен по обвинению в заговоре. 17 мая 1606 г. принял активное участие в низложении самозванца и сменил его на русском престоле. Правление царя Василия Шуйского сопровождалось открытыми военными столкновениями различных сословий и политических группировок, вмешательством в русские дела польских войск. В 1610 г. сведен с престола, умер в польском плену. См.: Белокуров С. А. Разрядные записки... С. 197; Гневушев А. М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1915; Цветаев Д. Царь Василий Шуйский и место его погребения в Польше. Варшава, 1901. Кн. 1; РК 1475—1598 гг. С. 260; РК 1559—1605 гг. С. 177; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 245—251; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 226—340; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 191; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 39, 94, 110, 134, 216.

¹⁴⁰ Коморник — слуга в доме знатных польских шляхтичей.

¹⁴¹ Михаил Игнатьевич Татищев (ум. 1608) — в начале царствования Бориса Годунова думный дворянин, имел дворцовый чин ясельничего, принимал участие в низложении и убийстве Лжедмитрия I. С 1606 г. окольничий, служил воеводой в Новгороде, где был убит по обвинению в измене царю Василию Шуйскому. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 293; РК 1475—1598 гг. С. 521, 528; Боярские списки... Ч. 1. С. 36, 109, 247.

¹⁴² Название улицы, на которой останавливалась в Москве Марина Мнишек, в издании Н. Г. Устрялова отсутствует. Никитская улица располагалась в Белом городе в направлении тверской дороги и называлась по имени древнего Никитского монастыря.

¹⁴³ Станислав Борша (ум. 1606) — польский ротмистр, с первых дней похода Лжедмитрия I на Москву находился в войске самозванца, оставил краткие записки о военных действиях. См.: Поход Московского царя Дмитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства. 1604 года // РИБ. Т. 1. Стб. 365—402.

¹⁴⁴ Иван Андреевич Татев-Стародубский — князь, московский дворянин, в 1604 г. воевода в Чернигове, организовал сопротивление войскам Лжедмитрия I, но был выдан ему восставшими. В качестве посла самозванца ездил из Путивля к королю Сигизмунду III, чтобы воспрепятствовать агитации против Лжедмитрия I, проводившейся послом Бориса Годунова — Постником Огаревым. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 567, 584—585.

¹⁴⁵ О количестве поляков, убитых в ходе восстания в Москве 17 (27) мая 1606 г., сохранились разные свидетельства. И. Масса указывает, что было убито 1000 человек, К. Буссов называет другое число — 2135. Сообщение автора «Дневника» более достоверно. См.: Немецкий С. Записки. С. 76—98; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. А. А. Морозова. М., 1937. С. 142; Буссов К. Московская хроника. М., 1961. С. 118—121, 355.

¹⁴⁶ Василий Васильевич Голицын (ум. 1619) — князь, боярин, один из самых знатных и влиятельных людей Русского государства в Смутное время. В 1604 г. воевода войска, посланного против Лжедмитрия I, в мае 1605 г. перешел под Кромами на сторону самозванца, принимал участие в заговоре против царя Дмитрия Ивановича, а позже — в низложении царя Василия Шуйского. В 1610 г. отправлен во главе посольства боярского правительства к королю Сигизмунду III под Смоленск, был там задержан и умер в Польше. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 208—210; РК 1475—1598 гг. С. 407; РК 1559—1605 гг. С. 256; Боярские списки... Ч. 1. С. 74, 125, 266.

¹⁴⁷ Имеется в виду Лобное место на Красной площади в Москве.

¹⁴⁸ Расстрига — духовное лицо, лишенное монашеского сана; здесь — Лжедмитрий I.

¹⁴⁹ Текст допроса боярами Ю. Мнишка известен также в других польских источниках и дважды публиковался на русском языке в XIX в. См.: СГГид. Ч. 2. № 139. С. 293—296; РИБ. Т. 1. Стб. 98—106. В публикации Н. Г. Устрялова текст допроса отсутствует.

150 О Петровском в русских дипломатических документах писали следующее: «А тот Петровский ведомой вор (известный разбойник. — В. К.) ... служил он на Москве у сына боярского у Истомы Михнова, а звали его Петрушею, а не Юрьем Петровским, а был он в Лифляндской земле году или дву и рос у Истомы Михнова в ыменье на Туле; а на Угличе он николи не бывал, и царевича Дмитрея не видал, и у нас таких страдников (т. е. работников, бранное слово. — В. К.) ко государским детям не припускают». См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 264.

151 Известие о подмене трупа царевича содержится и в других записках иностранцев. См.: Немоевский С. Записки. С. 107—108; БуССов К. Московская хроника. С. 134—135, 358.

152 Архангельский собор в Кремле, построенный в 1505—1508 гг. зодчим Алевизом Новым. Служил усыпальницей московских великих князей, а затем царей.

153 Феодосия Федоровна (1592—1594) — царевна, единственная дочь царя Федора Ивановича и Ирины Годуновой, родилась в мае 1592 г., была очень слабым ребенком и вскоре умерла. Слухи о причастности Бориса Годунова к ее смерти не имеют оснований. См.: Шереметев С. Д. Царевна Феодосия Федоровна // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 283—286; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 147, 169.

154 Ирина Федоровна Годунова (ум. 1603) — сестра Бориса Годунова, с 1575 г. жена царевича Федора Ивановича, с 1584 г. русская царица. После смерти мужа в 1598 г. фактическая правительница страны до избрания царем ее брата. Приняла монашеский постриг в Московском Новодевичьем монастыре (в иночестве Александра). См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 19—20, 49; Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подг. текста и вступ. статья В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 81, 86, 167, 193; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 14, 17, 19, 42.

155 Речь идет о посольстве в Москву великого канцлера литовского Льва Сапегу в 1600—1601 гг. Когда русские послы боярин М. Г. Салтыков-Морозов и В. Т. Плещеев приехали в сентябре—октябре 1601 г. в Речь Посполитую, им было высказано недовольство стесненным содержанием посольства Льва Сапегу в Москве. Александр Гонсевский выговаривал русским послам: «...были все заперты в одном месте, никуда нас не пускали, а мы люди вольные, в тесноте жити не извыкли, хотя б мы чего не доели, только б нам воля была». См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 83—84.

156 Пограничные городки Прилуки, Снетино были предметом территориальных споров между Россией и Речью Посполитой. Чтобы урегулировать их, с 1602 г., после заключения перемирия между двумя государствами, проводилась работа по размежеванию рубежей. Однако она сопровождалась взаимными претензиями, спорами комиссий, невысылкой их в срок на размежевание земель и даже военными столкновениями. Самое кровопролитное из них было в 1603 г., когда царь Борис Годунов приказал сжечь принадлежавший магнатам Вишневецким спорный городок Прилуки. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 170—173, 175—176; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 113—114.

157 Гетман великий — высший чин после короля, командующий войсками Речи Посполитой во время войны.

158 Гетман польный — заместитель и помощник гетмана великого. Должность гетмана великого и польного была общей для Польского королевства и Великого княжества Литовского. См.: Maciszewski J. Szlachta polska i jej państwo. S. 223.

159 Посольство Постника Григорьевича Огарева состоялось в сентябре 1604—1605 гг. и должно было обсудить возникшие раздоры при размежевании границ, противодействовать поддержке Сигизмундом III самозванца и сношениям польского короля с крымским царем (король подкупал крымских татар для совершения похода в Московское государство). См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 174—181.

160 Универсал — королевское послание, адресованное «всем вообще и каждому особо, кому о том ведать надлежит».

161 Соответствующие распоряжения о встрече в Смоленске послов Григория Константиновича Волконского и дьяка Андрея Иванова были сделаны 29 мая 1606 г. Их приезд туда ожидался 18 (28) июня, следовательно, автор «Дневника» достаточно точно говорит об отъезде послов из Москвы около 12 (22) июня 1606 г. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 193—372.

162 Главным очагом восстания с самого начала действительно был Путивль и другие города, ранее в числе первых поддержавшие Лжедмитрия I. Об этом свидетельствуют обнаруженные И. П. Кулаковой летописные заметки, в которых говорится: «А черниговцы, и путимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские городы за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас, де, царевич Дмитрий жив» (Кулакова И. П. Восстание 1606 г. в Москве и воцарение

Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 49).

¹⁶³ Петр Федорович, он же Илейка Муромец (ум. 1607) — самозванный царевич, выдававший себя за сына царя Федора Ивановича, происходил из посадских людей г. Муром, работал по найму у нижегородских и ярославских торговых людей, служил терским казаком. В конце царствования Лжедмитрия I избран казаками в царевичи, «чтобы итти на Волгу, громить судов торговых». Вместе с казаческими отрядами участвовал в походе на Астрахань, затем на Москву, после смерти «царя Дмитрия Ивановича» оказался в Путивле, затем в Туле в войске И. Болотникова. Взяв Тулу 10 октября 1607 г., царь Василий Шуйский захватил в плен самозванного царевича и вскоре казнил его. См.: ААЭ. Т. 2. № 81. С. 174; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 288—298; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 250—275; Смирнов И. И. Восстание Болотникова: 1606—1607. Л., 1951. С. 339—341 и сл.; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 152—163.

¹⁶⁴ Лжедмитрий II (ум. 1610) объявился в Московском государстве только летом 1607 г., записанные автором «Дневника» слухи о спасении «царя Дмитрия» показывают, насколько подготовленной была почва для его появления.

¹⁶⁵ Спасов день — 1 августа (по старому стилю).

¹⁶⁶ Крестовая слобода под Ярославлем при въезде со стороны Москвы, ныне в черте города.

¹⁶⁷ Из-за искажения автором «Дневника» фамилии (прозвища) установить, о ком здесь говорится, не представляется возможным.

¹⁶⁸ Описание Ярославля представляет собой одно из первых сохранившихся письменных свидетельств об укреплениях города. Точное местоположение домов ссыльных Мнишков неизвестно.

¹⁶⁹ Здесь, вероятно, автор иронизирует, желая подчеркнуть, что посадские люди Ярославля, вместо того, чтобы тушить пожар, сбежали для грабежа, прихватив с собою сумки и мешки («торбы»).

¹⁷⁰ Военные действия под Ельцом продолжались в течение нескольких месяцев. Поначалу успех сопутствовал войскам Василия Шуйского, затем в результате победы новоставших в битве под Кромами в августе 1606 г. царские воеводы, по свидетельству «Нового летописца», вынуждены были отступить: «Слышаху же под Ельцом бояре, что под Кромами смутилось, отоидоша от Ельца прочь и поидоша все к Москве» (Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 71). Об этом отступлении и говорится в «Дневнике». См.: Скрынников Р. Г. Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 94—97.

¹⁷¹ Следующий далее текст «Дневника» за 21 сентября 1606—22 марта 1607 г. утрачен в нашей рукописи и переведен по публикации А. Гиришберга.

¹⁷² Известие о поражении войск царя Василия Шуйского под Кромами другими источниками не зафиксировано, в разрядных книгах говорится об отходе царского воеводы князь Ю. И. Трубецкого и городовых дворян из-под Кром по причине голода и неудачной осады. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 155; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 86—91.

¹⁷³ Это известие, как показал И. И. Смирнов, относится к 10-м числам октября по старому стилю. Оно имеет в своей основе реальный факт — поход на Серпухов войска И. И. Болотникова после победы, одержанной в битве 23 сентября 1606 г. под Калугой над воеводой князем И. И. Шуйским. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 172—173.

¹⁷⁴ Здесь близко к тексту пересказывается содержание грамоты, присланной в Ярославль. Запись имеет большое значение для определения даты, когда восставшие пришли под Москву. Судя по цитированной грамоте, это произошло 13—14 (23—24) октября 1606 г. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 98—111.

¹⁷⁵ Войско во главе с князем Ф. И. Мстиславским и князем Д. И. Шуйским выступило из Москвы около 23 октября 1606 г. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 110.

¹⁷⁶ В приведенном известии говорится о битве под селом Троицким 25 октября 1606 г., проигранной войсками царя Василия Шуйского, после чего основные силы новоставших подошли к Москве. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 111.

¹⁷⁷ Это редкое прозвище в начале XVII в. носил Иван Евстафьевич Плещеев, в 1588/89 г. служивший в выборных дворянах по Владимиру, в 1599 г. воеводой в Монастыревском остроге, а в 1604 г. на Верхотурье. См.: РК 1598—1638 гг. С. 83; Боярские списки... Ч. 1. С. 130; Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 220.

- ¹⁷⁸ Решающее сражение под Москвой состоялось 2 (12) декабря 1606 г. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 140—146.
- ¹⁷⁹ Князь Константин Вишневецкий, находившийся в ссылке в Костроме.
- ¹⁸⁰ Известен Иван Андреевич Татищев — выборный дворянин по Дмитрову в 1598—1603 гг. Однако маловероятно, чтобы речь в этом известии шла о нем, т. к. его имя не упомянуто в боярском списке 1606/07 г. и поэтому ему вряд ли доверили бы собирать на службу ярославских дворян и детей боярских. На такую службу назначались исключительно члены Государева двора. В боярском списке 1606/07 г. помета «отослан в збор» находится рядом с именем Юрия Игнатьевича Татищева. Более вероятно, что в данном известии речь идет именно о нем. См.: Боярские списки... Ч. 1. С. 253.
- ¹⁸¹ Церковный праздник после Рождества Христова.
- ¹⁸² Известие о победе восставших над войском князя Д. И. Шуйского под Калугой и Серпуховом не находит подтверждения в других источниках. См.: Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 382; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 163.
- ¹⁸³ Эта запись позволяет уточнить дату сражения под Венёвом, состоявшегося в конце января—начале февраля 1607 г. О его исходе источники содержат противоречивые сведения. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 166.
- ¹⁸⁴ Марципан — миндальное пирожное.
- ¹⁸⁵ Посольство Г. Волконского возвратилось в Москву около 13 февраля 1607 г. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 193, 359.
- ¹⁸⁶ В этой записи, видимо, отразились сведения о переходе войска «царевича Петра» из Путивля в Тулу. См.: Восстание И. Болотникова. С. 382.
- ¹⁸⁷ Михаил Михайлович Кривой-Салтыков — в боярском списке 1577 г. стольник, в конце царствования Ивана Грозного воевода в Михайлове, в 1588 г. — в Белёве, в боярском списке 1588/89 г. московский дворянин, в 90-х гг. XVI в. неоднократно назначался воеводою в Рязань, Новгород, Гдов, Калугу, попадал в опалу у царя Федора Ивановича из-за необоснованных местнических претензий, в 1597 г. раздавал денежное жалованье детям боярским в Туле, с 4 сентября 1598 г. окольничий. В 1604 г. был воеводою в Путивле, откуда восставшие путивляне привезли его связанным в войско Лжедмитрия I. В годы царствования Василия Шуйского окольничий, был послан в Ярославль для наблюдения за ссыльными Мнишками. См.: РИБ. Т. 1. Стб. 375; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 90; РК 1475—1598 гг. С. 293 и сл.; РК 1559—1605 гг. С. 188 и сл. Боярские списки... Ч. 1. С. 87, 126, 247, 276; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 90, 232.
- ¹⁸⁸ Вместо Б. Огиньского в Московское государство приехали посланники Ст. Витовский и князь Я. Соколинский. Как писали в сентябре 1607 г. послы Н. Олесницкий и А. Гонсевский, они ожидали приезда посланника Б. Огиньского 7 месяцев, т. к. с этим приездом московское правительство связывало вопрос об их возвращении в Польшу. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 398.
- ¹⁸⁹ Автор «Дневника» рассказывает о проведенном М. М. Салтыковым сборе ратных людей из ярославского служилого «города», а также описывает обычный порядок организации посадскими людьми самообороны, существовавший и в более позднее время. См. публикацию переписных книг «посадских и всяких чинов градских жилецких людей с пищалми и со всякими бои» 1668, 1669 и 1671 гг. // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1913. Вып. 6. Кн. 3 и 4. С. 373.
- ¹⁹⁰ Благовещение — непереходящий церковный праздник, 25 марта (по старому стилю).
- ¹⁹¹ Юрьев день весенний — 23 апреля (по старому стилю).
- ¹⁹² Порядок судебного разбирательства в начале XVII в. предусматривал состязательность сторон, допросы истцов и ответчиков на очной ставке.
- ¹⁹³ Самобичевание в католическом обряде богослужения символизирует Страшный суд. См.: Пирлинг П. Димитрий Самозванец. С. 102.
- ¹⁹⁴ Вознесение — переходящий церковный праздник, сороковой день после Пасхи.
- ¹⁹⁵ В этой записи говорится о битве под Пчельней, состоявшейся в самом начале мая 1607 г., в которой войско царя Василия Шуйского потерпело поражение от болотниковской армии. См.: Бусов К. Московская хроника. С. 143, 363—364; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 386—395; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 170—171.

¹⁹⁶ Троица — переходящий церковный праздник, пятидесятый день после Пасхи, иначе «пятидесятница».

¹⁹⁷ Действительно, 21 мая 1607 г. царь Василий Шуйский выступил в поход из Москвы. В приведенном известии, вероятно, описывается созыв Земского собора в Москве. В первой половине XVII в. на периодически проводившихся земских соборах, состоявших из представителей разных сословий, обсуждались основные вопросы внутренней и внешней политики Московского государства. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 424—428; Восстание И. Болотникова. С. 216; Зимин А. А. И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 57; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 157.

¹⁹⁸ Соховники — присяжные заседатели в Польше. Видимо, автор «Дневника» имеет в виду выборных земских целовальников, ведавших в городах сбором таможенных и других налогов. В то время они действительно должны были выставить на службу даточных людей, возможно, были мобилизованы и сами. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 432—433.

¹⁹⁹ О В. В. Голицыне см. примеч. 146.

²⁰⁰ Речь идет о завершившемся победой войск царя Василия Шуйского сражении с восставшими на р. Восме 5 июня 1607 г. 9 июня были разосланы царские грамоты, в которых говорилось, что воеводы «живых языков болши пяти тысяч взяли». Одна из них, присланная в Ярославль, вероятно, и была источником известия автора. См.: ААЭ. Т. 2. № 74; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 442—444; Восстание И. Болотникова. С. 217; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 211.

²⁰¹ Повод для сомнений действительно был, т. к. 12 июня 1607 г. произошла еще одна битва на р. Вороней, в которой уже войско И. Болотникова нанесло поражение царским воеводам. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 446—447.

²⁰² 29 июня 1607 г. царь Василий Шуйский извещал о победе над восставшими под Песочней и взятии Алексина. Возможно, что именно об этих сражениях идет речь в приведенном известии. См.: ААЭ. Т. 2. № 76. С. 179; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 448—450; Восстание И. Болотникова. С. 400; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 448—450.

²⁰³ Орден святого Августина — нищенствующий монашеский орден католической церкви, по имени святого Августина (IV в.), оформление ордена произошло в первой половине XIII в. Одежда — белый шерстяной подрясник с наплечником, черная ряса с длинными широкими рукавами, капюшон, кожаный пояс.

²⁰⁴ Николай де Мелло — монах-августинец, происходивший из Португалии, католический миссионер в Северной Америке. Его биография подробно рассказана автором «Дневника», неоднократно ссылающимся на известия, полученные от Николая де Мелло. См.: Пирлинг П. Николай Мело, «Гишпанская земли» чернец // Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 79.

²⁰⁵ Титул «генерал всей Америки» означал, что Николай де Мелло стал главой Августинского ордена в Северной Америке.

²⁰⁶ Климент VIII (Ипполито Альдобрандини) — римский папа в 1592—1605 гг.

²⁰⁷ Филипп II (ум. 1598) — испанский король.

²⁰⁸ Аббас I Великий (1557—1628) — с 1586 г. персидский шах, известен веротерпимостью к христианам.

²⁰⁹ Т. е. через английского переводчика, протестанта, по мнению Николая де Мелло, намеренно исказившего его ответы царю и думным боярам.

²¹⁰ Ростовский Борисоглебский монастырь, основанный в XIV в. монахами Троице-Сергиева монастыря Федором и Павлом, в начале XVI в. здесь был возведен каменный собор, ко времени Смуты в монастыре были и другие каменные постройки.

²¹¹ Речь идет о рокоше (восстании) в 1606—1607 гг. польской шляхты во главе с краковским воеводой Николаем Зебжидовским против короля Сигизмунда III. Одним из руководителей рокоша был Станислав Стадницкий, родственник Стадницких, задержанных в Москве. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 372—382; Немоевский С. Записки. 136—179; Maciszewski J. Wojna domowa w Polsce (1606—1609). Wrocław, 1960.

²¹² Приведенное известие о боязни «чернокнижничества» (колдовства) дополняет имеющиеся сведения о поверьях жителей Московского государства.

²¹³ Сведения о первых неделях осады Тулы в июле 1607 г. являются уникальными и отсутствуют в русских источниках. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 450—454; Восстание И. Болотникова. С. 383; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 217—221.

214 Орден святого Бернарда — монашеский орден католической церкви, по имени святого Бернарда Клервосского. В Польше получил распространение со второй половины XV в. и оставался популярным в XVII в. Бернардинцам покровительствовал в Самборе воевода Ю. Мнишек, они были духовными отцами его семейства, в том числе Марины Мнишек. См.: Пирлинг П. Мнишки и Бернардины // Пирлинг П. Из Смутного времени: Статьи и заметки. СПб., 1902. С. 39—53.

215 Отец Бенедикт Ансерин (ок. 1545—1607) — знаток богословия, основатель нескольких монастырей, приложил немало усилий для обращения Лжедмитрия I в католичество, его называли канцлером Замоиского ордена бернардинцев по имени первого магната и коронного гетмана Польши в начале XVII в. См.: Пирлинг П. Димитрий Самозванец. С. 83—85; Gustaw R. Gąsiorek Benedykt // PSB. 1949. T. 7/4. S. 340—341.

216 Францисканский орден — нищенствующий монашеский орден, основанный в начале XIII в. Франциском Ассизским. Имел тесные связи с римским престолом. Одежда — коричневая шерстяная туника, перепоясанная веревкой, и сандалии. Францисканцы отличались от бернардинцев более суровым уставом, жили не в монастырях, а в миру, проповедовали аскетизм, занимались благотворительностью.

217 Провинциал — заведующий делами ордена бернардинцев на определенной территории (провинции); отец Бенедикт Ансерин исполнял должность провинциала в 1594—1597 гг.

218 Комиссар — управляющий монастырями ордена бернардинцев.

219 Подскарбий — в свите польских магнатов должность управляющего, ведавшего финансами и имуществом.

220 Следующий далее текст «Дневника» за 13 августа—25 октября 1607 г. утрачен в нашей рукописи и переведен по публикации А. Гиршберга.

221 Китайка — сорт ткани.

222 Карл IX — с 1595 г. правитель Швеции, с 1604 г. официально избран шведским королем.

223 Известие о поражении войск царя Василия Шуйского под Тулой не соответствует действительности.

224 Лжедмитрий II (ум. 1610) — самозванец, выдававший себя за спасшегося царя Дмитрия Ивановича, происхождение его точно не известно. Летом 1607 г. он объявился в Стародубе, туда стекались отряды польских войск, в том числе те, которые приняли участие в восстании против короля. В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II занял Брянск и пошел к Туле, осажденной царскими войсками. В это время войско самозванца сильно пополнилось русскими отрядами. Узнав о сдаче Тулы 10 октября 1607 г., Лжедмитрий II бежал в направлении Путивля, но затем возобновил военные действия. Потерпев ряд неудач, зиму 1608 г. провел в Орле. В мае 1608 г. разгромил войско царя Василия Шуйского под Болховом и подошел к Москве, осадив ее. Главный лагерь самозванца располагался в Тушино, поэтому Лжедмитрий II в русских источниках называется «тушинским вором». Осенью 1608 г. в Тушино прибыла Марина Мнишек, которой незадолго до этого по условиям перемирия, заключенного с польскими посланцами, было разрешено отправиться в Польшу. В конце 1608—начале 1609 г. Лжедмитрия II поддерживали многие города не только на юге, но и на северо-востоке страны, в Замосковном крае. Но вследствие злоупотреблений воевод Лжедмитрия II и грабительских набегов польских отрядов на крестьян и посадских людей началось освободительное движение. После нарушения Сигизмундом III перемирия и начавшейся осады Смоленска в сентябре 1609 г. в тушинском лагере начали нарастать противоречия, в результате которых в начале 1610 г. Лжедмитрий II был вынужден бежать вместе с Мариной Мнишек в Калугу. В июне 1610 г. войска царя Василия Шуйского были разбиты в битве под Клушино гетманом С. Жолкевским. Лжедмитрий II, надеясь на поддержку москвичей, совершил поход к Москве. Однако боярское правительство предпочло заключить договор о призвании польского королевича Владислава, чтобы не допустить притязаний на престол Лжедмитрия II. Самозванец снова ушел в Калугу, где в декабре 1610 г. был убит, несколько дней не дожив до рождения у Марины Мнишек сына Ивана — «воренка». См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 299—451; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 268—386; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба...

225 Имеется в виду битва под Пчельней 3 мая 1607 г., окончившаяся неудачей для царя Василия Шуйского. Были убиты два главных воеводы царского войска Б. Татев и А. Черкасский, возможно, часть царского войска перешла на сторону восставших, а остальные ушли к Москве. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 387—393.

226 Иван Исаевич Болотников (ум. 1608) — предводитель восстания против царя Василия Шуйского в 1606—1607 гг.; служилый холоп князя А. А. Телятевского, воз-

можно, происходил из мелкопоместных дворян; бежал к казакам, воевал против турок в Венгрии и Польше, был взят в плен и служил на турецких галерах, освобожден из плена итальянцами и летом 1606 г. возвратился в Россию через Венецию, Германию и Польшу. Осенью 1606 г. нанес поражение царским войскам под Кромами, и во главе с ним восставшие осадили Москву, расположившись лагерем в Коломенском. 2 декабря 1606 г., потерпев поражение, отряды болотниковцев вынуждены были отступить к Калуге, где их до мая 1607 г. осаждали царские войска. После снятия осады, И. Болотников оказался в Туле, в июле—октябре 1607 г. руководил обороной города. По соглашению с царем Василием Шуйским вывел из затопленной Тулы свое войско и сдался в плен. В 1608 г. сослан в Каргополь и тайно казнен. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова; Восстание И. Болотникова; Корецкий В. И. 1) Формирование крепостного права... С. 258—311; 2) О формировании И. И. Болотникова как вождя крестьянских восстания // Крестьянские войны в России... С. 123—126; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 74—253.

²²⁷ Известие о переходе у Пчельни на сторону восставших части войска царя Василия Шуйского, подтверждающееся некоторыми русскими источниками (например, «Иным сказанием»), нельзя считать полностью достоверным, и вопрос этот относится к числу спорных проблем в истории восстания И. И. Болотникова. См.: «Иное сказание» // РИБ. Т. 13. Стб. 112; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 259; Восстание И. Болотникова. С. 101, 353—354, 384.

²²⁸ В публикации А. Гиршберга названо и имя князя Долгорукого — Борис. Однако боярина с таким именем в это время не существовало. Участником восстания был князь Михаил Долгорукий, пришедший в мае 1607 г. с отрядом «воровских людей» под Козельск, но его переход на сторону восставших не связан с битвой под Пчельней. См.: Восстание И. Болотникова. С. 89, 147, 172.

²²⁹ Андрей Андреевич Телятевский (ум. ок. 1624) — князь, упоминается на службе в рязанях в 1584 г., в 1587—1599 гг. стольник, в начале 1600 г. получил думный чин, в 1604 г. боярин, воевода государева полка, посланного против Лжедмитрия I. В 1606 г. был назначен воеводою в Чернигов, перешел на сторону восставших, в 1606—1607 гг. принял самое активное участие в военных действиях против царя Василия Шуйского. Известие «Дневника» о переходе князя А. А. Телятевского в войско его бывшего холопа после битвы под Пчельней не соответствует действительности, т. к. это произошло ранее. Постригся в монахи под именем Гермогена (крестильное имя Емельян), погребен в Троице-Сергиевом монастыре. См.: Восстание И. Болотникова. С. 88—90; РК 1475—1598 гг. С. 414, 415, 522, 528, 532; РК 1559—1605 гг. С. 210 и сл.; Боярские списки... Ч. 1. С. 108, 180, 267; Ч. 2. С. 31; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 86.

²³⁰ Гермоген (ок. 1530—1612) — с 1589 г. казанский митрополит, с 1606 г. московский патриарх, занимал антикатолические и антипольские позиции, поддерживал первое ополчение П. П. Ляпунова и второе — князя Д. М. Пожарского и К. Минина, умер в заточении в Чудовом монастыре.

²³¹ Эдикт — здесь указ, исходящий от церковных властей. Вероятно, имеется в виду грамота патриарха Гермогена о походе войска царя Василия Шуйского на Тулу, составленная не ранее 6 июня. См.: ААЭ. Т. 2. № 73. С. 164—165.

²³² Отъезд царя Василия Шуйского из Москвы состоялся 21 мая 1607 г. Известие автора «Дневника» о данной царем клятве является уникальным, в других источниках сведения об этом отсутствуют. См.: Восстание И. Болотникова. С. 373.

²³³ Оборона Тулы, куда ушел из Калуги И. И. Болотников, началась в самом конце июня—начале июля 1607 г. Незадолго перед этим состоялись две крупные битвы (5—7 июня на р. Восме и 12 июня на р. Вороней), обе были неудачными для восставших. Известие о поражении царя Василия Шуйского, скорее всего, было ложным слухом. См.: ААЭ. Т. 2. № 74. С. 166—168; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 446—447; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 211—245.

²³⁴ Колодник — пленник. См.: Срезневский И. И. Словарь... Т. 1. Ч. 2. Стб. 1256.

²³⁵ Николай де Мелло упоминает в своем письме об итальянце Антонио Влохе, о докторе Давиде Вазмере из Любека и венгре Кристофе (Кшиштофе) Ристленгере. Антонио Влох жил в Москве у «доктора Христофора» и, как стало известно из доноса некоего И. Садовского, получал письма от Стадницких из Ростова («посылали грамотки к Москве к Онтону Влоху с стрельцы не поодинова»). Кроме того, доносчик указывал, что «Онтон Влох Стаднитским говорил, что Рострига жив», а уже одно это было серьезным основанием для заключения его в тюрьму. См.: Пирлинг П. Николай Мело... С. 79; Сб. РИО. Т. 137. С. 373, 374, 377.

²³⁶ Сведения об организации царем Василием Шуйским русско-татарско-шведского союза против Речи Посполитой относятся к разряду домыслов. Напротив, царь отвергал настойчивые предложения о помощи шведского короля Карла IX. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 262—263; см. также: Пирлинг П. Переписка Карла IX с самозванцами // Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. С. 170—171.

²³⁷ Федор Княжнин, вероятно, происходил из рода московских вотчинников XVI в., но в рассматриваемое время этот род захудал, никто из его представителей не служил в Государевом дворе, поэтому, скорее всего, речь идет о провинциальном служилом человеке. См.: Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 144.

²³⁸ Взятие Тулы произошло 10 (20) октября 1607 г., следовательно, автор «Дневника» точно передает хронологию событий: спустя десять дней грамоты с известием об этом пришли в Ярославль, где их, по обычному порядку, объявляли на соборной площади. См.: СГГид. Ч. 2. № 154; ААЭ. Т. 2. № 81; Зимин А. А. И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. С. 64—65; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 234—239.

²³⁹ Упоминающиеся здесь лица в 1607—1608 гг. с посольством в Россию не приезжали, ранее в Ярославле ходили слухи о приезде в Россию посланника Б. Огинского.

²⁴⁰ Действительно, узнав о поражении восставших под Тулой, Лжедмитрий II бежал к Путивлю.

²⁴¹ В других источниках, особенно у иностранных авторов — И. Массы, К. Буссова, также сохранились известия о переговорах царя Василия Шуйского с восставшими, предшествовавших сдаче Тулы. Войско И. Болотникова было распушено, а его предводитель и самозванный царевич Петр Федорович взят в плен. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 234—239.

²⁴² Речь идет о посольстве Станислава Витовского и князя Яна Друцкого-Соколинского, въезд которых в Москву состоялся после 12 октября 1607 г. Известие «Дневника» о задержании послов справедливо, т. к. «верющие грамоты» от Сигизмунда III были вручены посланниками только 10 ноября 1607 г., а аудиенция у царя Василия Шуйского состоялась еще позднее — 22 ноября. Подтверждается также предположение автора цитируемого в «Дневнике» письма о бозни московского правительства сношений между двумя польскими посольствами. Приставам, сопровождавшим новых послов, был дан строгий наказ: «А того б есте однолично берегли накрепко, чтоб к ним ниhto ниотколе ссыльного письма тайно не принес, и они б от себя ни х кому не послали; берегли бы есте того накрепко». Основной целью посольства С. Витовского и Я. Соколинского было заключение перемирия с Россией и решение судьбы задержанных послов к Лжедмитрию I, а также поляков, приехавших в свите Марины Мнишек на ее свадьбу с самозванцем. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 418—427.

²⁴³ Царь Василий Шуйский возвратился в Москву не позднее 19 октября 1607 г., еще 15 октября в царских грамотах писали: «На нашем стану на Туле». См.: Восстание И. Болотникова. С. 222—223.

²⁴⁴ День святого Николая Мирликийского («Никола зимний») — 6 декабря (по старому стилю).

²⁴⁵ Первая аудиенция у Шуйского состоялась 22 ноября 1607 г. Здесь очень приблизительно изложены споры посланников и бояр, возникшие еще при передаче «верющих грамот». Целью польского посольства было заключение перемирия, а не объявление войны, поэтому сюжет о передаче сабли явно устного происхождения. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 426.

²⁴⁶ Такая возможность действительно могла обсуждаться, т. к. прибывшие в Москву посланники, согласно королевскому наказу, потребовали сперва встречи с воеводой Юрием Мнишком и другими знатными поляками, находившимися в ссылке. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 427.

²⁴⁷ Несмотря на то, что послы С. Витовский и Я. Соколинский были к этому времени в Москве уже около двух месяцев, воевода Ю. Мнишек и его свита еще не знали точно имени послов. В «Дневнике» отразился слух о том, что послом был Ян Янович Глебович, староста троцкий, чьи земли располагались рядом с русским рубежом. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 293—294.

²⁴⁸ Точная дата казни «царевича Петра Федоровича» неизвестна, произошло это не позднее начала февраля 1608 г. К этому времени И. Болотников находился в московской тюрьме. См.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 240.

²⁴⁹ Движение в Астрахани началось еще весной 1606 г. В это время туда пошли казаки, избрав себе «царевича Петра Федоровича». В взбунтовавшуюся Астрахань вы-

ехал воевода боярин Ф. И. Шереметев, однако ему не удалось быстро овладеть городом, и он вынужден был устроить долгую осаду, выстроив острог на острове Балчик, в 15 верстах от города. В конце 1607 г. войско Ф. И. Шереметева обосновалось на зиму в отвоеванном Царицыне. Известие о его переходе на сторону Лжедмитрия II не подтверждается документально. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 229—240.

²⁵⁰ Английским называли в Речи Посполитой Северное море.

²⁵¹ Известие о намерении царя Василия Шуйского взять жену из рода Нагих, родственников царевича Дмитрия, основано на том, что самозванец сосватал ему свойственницу Нагих. См.: Скрынников Р. Г. Самозванцы в России... С. 156.

²⁵² Свадьба царя Василия Ивановича Шуйского с княжной Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской состоялась 17 января 1607 г. См.: Государственное древлехранение хартий и рукописей. М., 1973. № 268. С. 123.

²⁵³ Осада Лжедмитрием II Брянска началась 9 ноября 1607 г., источники говорят о ее безрезультатности для войск «царика». Свенский или Свинский Успенский Новопечерский монастырь располагался в 3 верстах от Брянска, на правом берегу реки Десны, основан в 1288 г. великим князем черниговским Романом Михайловичем. См.: Буссов К. Московская хроника. С. 367—368; РИБ. Т. 1. Стб. 1330.

²⁵⁴ В публикации А. Гиршберга указывается другое имя — Федор Нагой. Правильное имя названо в тексте разрядных книг: «Лета 7116-го году, взяв Тулу, царь Василий пошел к Москве, а на Туле оставил боярина Михаила Федоровича Нагова». М. Ф. Нагой — брат царицы Марии Нагой, матери царевича Дмитрия Ивановича, находился в Угличе в день его смерти, был инициатором расправы с Д. Битяговым, О. Волоховым, Н. Качаловым, обвиненными им в убийстве царевича, позднее сослан в Санчурск, где и служил в 1601—1602 гг., возвращен из ссылки самозванцем и пожалован в бояре. Назначение в только что освобожденную от восставших Тулу означало высокую степень доверия к воеводе со стороны царя Василия Шуйского. См.: Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 12; Восстание И. Болотникова. С. 174; РК 1559—1605 гг. С. 341; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 111; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 111, 155—157.

²⁵⁵ Это известие соответствует действительности: послы Н. Олесникий и А. Гонсевский осенью 1607 г. угрожали царю Василию Шуйскому отъездом из Москвы, но до их отъезда дело не дошло. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 424—428; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 315.

²⁵⁶ Мария Петровна Буйносова-Ростовская — с 1607 г. русская царица, жена царя Василия Ивановича Шуйского, после смерти мужа приняла монашеский постриг, в иночестве Елена.

²⁵⁷ В нашей рукописи фамилия пана К. не раскрывается, здесь восстановлена по изданию А. Гиршберга.

²⁵⁸ Петр Иванович Буйносов-Ростовский (ум. 1606) — князь, отец жены царя Василия Шуйского. В тексте «Дневника» ошибочно сказано, что он происходил из рода Годуновых. В боярском списке 1588/89 г. записан среди служивших ростовских князей, к концу 1597 г. думный дворянин, в 1598 г. приводил Новгород к присяге на имя Бориса Годунова, в 1604 г. боярин. Был убит в Белгороде в 1606 г. в самом начале царствования Василия Шуйского сторонниками «царевича Петра Федоровича». Произошло это еще до того, как его дочь стала царицей. См.: Восстание И. Болотникова. С. 88, 110, 232, 241; РК 1475—1598 гг. С. 271; РК 1559—1605 гг. С. 320, 352; Боярские списки... Ч. 1. С. 120, 274; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 216, 224.

²⁵⁹ Известие об осаде Смоленска является слухом, в действительности осада Смоленска началась 16 сентября 1609 г., город был взят войском Сигизмунда III 3 июля 1611 г. См.: Буссов К. Московская хроника. С. 371.

²⁶⁰ В это время было несколько людей с таким именем, определить, о ком из них идет речь, без указания отчества, не представляется возможным. Отметим, однако, что это не мог быть Иван Васильевич Голицын, брат князя В. В. Голицына, т. к. в конце 1607 г. он был отправлен под Астрахань с подкреплением к находившимся там во главе с воеводой — боярином Ф. И. Шереметевым войскам царя Василия Шуйского. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 242—244.

²⁶¹ Михаил Игнатьевич Татищев (см. о нем примеч. 141) — в царствование Василия Шуйского был вторым воеводой в Новгороде, ни с какими отрядами в указанное время в Москву не приходил, был убит по обвинению в измене Шуйскому в конце 1608 г. в Новгороде.

²⁶² Это уникальное известие «Дневника» очень правдоподобно, т. к. Болотников был сослан в Каргополь, дорога на который лежала через Ярославль. Гневная фраза Болотникова адресована, видимо, встретившим его ярославским дворянам, последова-

тельным сторонникам царя Василия Шуйского. Смысл угрозы заключался в том, что Болотников напоминал им об известной в Московском государстве казни, когда приговоренного зашивали в медвежий шкуры, а затем травили собаками. Так, по сообщению летописей, при Иване Грозном был казнен новгородский архиепископ Леонид. См.: Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2. С. 262.

²⁶³ Северская земля — земли на юго-западе Московского государства, включавшие города Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Севск, Стародуб, Трубчевск. В Смутное время именно Северская земля первой встала на сторону двух самозванных Дмитриев. В указанное время она действительно была занята отрядами польско-литовской шляхты, приходившей из-за рубежа к Лжедмитрию II. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 58—78.

²⁶⁴ Сведения, записанные автором «Дневника», верны: вплоть до начала апреля по русскому календарю Лжедмитрий II и его сторонники находились под Орлом, а войско Д. И. Шуйского — под Болховом.

²⁶⁵ Возможно, речь идет о битве у Каминска, состоявшейся, согласно К. Буссову, 23 апреля 1608 г. Сведений о том, как и где происходила эта битва, очень мало. См.: Буссов К. Московская хроника. С. 150, 368.

²⁶⁶ Здесь говорится о знаменитой битве под Болховом 30—31 апреля 1608 г., закончившейся победой войск Лжедмитрия II и открывшей самозванцу дорогу на Москву. См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 308—309; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 274; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 60—81.

²⁶⁷ В это время Стадники продолжали оставаться в Белоозере. См.: Немовский С. Записки. С. 234—239.

²⁶⁸ Праздник Троицы по католическому календарю приходился в тот год на 25 мая, следовательно, въезд Ю. Мнишка в Москву должен был состояться 24 мая 1608 г., как об этом сообщается в письме, адресованном оставшимся в Ярославле полякам. Н. И. Костомаров же считал, что Ю. Мнишек приехал в Москву в июне 1608 г. (Костомаров Н. И. Смутное время... С. 319).

²⁶⁹ Войско Лжедмитрия II достигло Москвы 1 июня 1608 г., сначала оно остановилось в с. Тайнинском, а затем, после нескольких стычек с отрядами, посланными царем Василием Шуйским, перешло в более удобное Тушино. В течение полутора лет оно было основным местом сосредоточения войск и своеобразной столицей самозванца, получившего в русских источниках прозвище «тушинского вора». См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 81—108.

²⁷⁰ Имя Третьяк пропущено или, возможно, не прочитано переводчиком в публикации А. А. Титова. Приведенные в тексте сведения о социальном статусе пристава и особенно его имя позволяют предположить, что упомянутое здесь лицо — земский староста, «лучший» посадский человек, один из известных тогда ярославских купцов Третьяк Юрьев сын Лыткин. В 1622 г. в одном из документов ярославцы писали про братьев Лыткиных: «А оне, де, в Ярославле, тот Василий да Третьяк лутчие люди первые. И в Ярославле, де, у них во многих лавках и в онбарех сидят сидельцы, и в отъезды по многим городом приказчики от них ездят, и торгуют большими торгами, и за море в Кизылбашу со всякими большими торгами ездят же... А как, де, были в Московском государстве... польские и литовские люди и русские воры, и те, де, лутчие люди с ними против их стояли вместе заодин» (ЦГАДА, ф. 396, оружейная палата, стб. 41680, л. 577).

²⁷¹ Ям — село, в котором жили «ямские охотники», чьи основные обязанности состояли в исполнении ямской повинности, приготовлении подвод, лошадей, содержании постоялых дворов. За Волгой, по вологодской дороге, располагались Ухорский ям и Вокшерский. См.: Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.

²⁷² Сведения о переходе Переславля и Ростова в это время на сторону Лжедмитрия II не подтверждаются источниками.

²⁷³ В 1608 г. вологодским воеводой был Никита Михайлович Пушкин. Имя его встречается в разрядных книгах с 1570 г., служил в опричнине. В боярском списке 1588/89 г. записан среди московских дворян. В 1603 г. был на воеводстве в Сибири, в начале царствования Василия Шуйского находился в Москве. См.: ААЭ. Т. 2. № 88. С. 180; РК 1475—1598 гг. С. 236; РК 1559—1605 гг. С. 67, 344; Боярские списки... Ч. 1. С. 96, 128, 184, 257; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 203—206.

²⁷⁴ В XVII в. в России копейка была основной монетной единицей, средний вес копейки равнялся 66 г, одна копейка была равна двум денегам и четырем полшкам. Автор «Дневника» пытается определить соответствие копейки польским деньгам. См.:

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. М., 1975. С. 171, 188.

²⁷⁵ Космография — сборник историко-географического характера, содержащий описание различных земель. Возможно, автор «Дневника» имеет в виду труд немецкого ученого С. Мюнстера «Всеобщая космография» (1544 г.).

²⁷⁶ В июне 1608 г. Ярославль оставался верен царю Василию Шуйскому.

²⁷⁷ Сильвестр — вологодский архиепископ с 1607 г.

²⁷⁸ В нашей рукописи сказано «с волохами» (wolochami), т. е. жителями Молдавского государства, но из контекста «Дневника» можно понять, что речь идет о переписке с «ворами» — сторонниками Лжедмитрия II. В публикации А. Гиршберга правильное чтение — «z wogm».

²⁷⁹ Договорная запись послов о заключении перемирия была подписана 15 (25) июля 1608 г. В соответствии с дипломатическими документами срок перемирия устанавливался на три года 11 месяцев, начиная с 20 (30) июля 1608 г., по заключенному соглашению задержанные в Московском государстве поляки должны были отправиться в Польшу. Отъезд послов из Москвы состоялся в начале августа 1608 г. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 684—686, 698—719.

²⁸⁰ Это копия подлинного письма, списки которого сохранились также в дипломатических документах и записках других поляков, находившихся в России. См.: Сб. РИО. Т. 137. С. 725; Немоевский С. Записки. С. 263—264.

²⁸¹ Здесь автор «Дневника» передает слух, оказавшийся достоверным. Воевода Ю. Мнишек и Марина Мнишек выехали из Москвы одновременно с послами, в сопровождении смоленских дворян. Едва получив известие о погоне, отправленной за ними Лжедмитрием II, русская охрана, сопровождавшая Мнишковых, разъехалась по своим поместьям. 16 (26) августа 1608 г. Мнишки были остановлены в Бельском уезде и возвращены к Москве. Лжедмитрий II выслал на встречу Ю. Мнишку несколько своих полковников. 5 (15) сентября 1608 г. Марина Мнишек въехала в Тушинский лагерь. См.: СГГид. Ч. 2. № 160—163. С. 336—340; Сб. РИО. Т. 137. С. 731—732; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 319—322.

²⁸² Единственное большое сражение под Москвой состоялось 25 июня (5 июля) 1608 г., когда войско гетмана Р. Рожинского, командовавшего военными силами самозванца, разгромило московский обоз и гнало полки царя Василия Шуйского до самых городских стен, отступив только тогда, когда были двинуты в бой резервные отряды из Москвы. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 276.

²⁸³ Содержавшиеся на Белоозере С. Немоевский и другие поляки были отправлены на судах из Белоозера 11 августа, а 23 августа 1608 г. они уже подъезжали к Москве. См.: Немоевский С. Записки. С. 264—265.

²⁸⁴ Речь идет о посещении Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Основан в 1371 г. вологодским святым Димитрием Прилуцким. Автор «Дневника» ошибается, говоря о Димитрии Прилуцком, что этот святой происходил из угличских князей. Возможно, что в этом известии каким-то образом отразились рассказы о князе-иноке Игнатию, также погребенном в монастыре. Его житие было составлено в конце XVI в., незадолго до описываемых событий. См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 188, 271.

²⁸⁵ Спасо-Каменный монастырь, основан около 1260 г. князем Глебом Васильковичем, в конце XV в. в нем был построен первый каменный на всем русском Севере Спасо-Преображенский собор.

²⁸⁶ Речь идет о знаменитом воеводе князе Григории Петровиче Шаховском. За свою поддержку Лжедмитрия I он был отослан царем Василием Шуйским воеводой в Путивль, там стал одним из инициаторов нового движения, поддержал И. Болотникова. После сдачи Тулы в октябре 1607 г. отправлен в тюрьму «на Каменное», то есть в Спасо-Каменный монастырь. Его имя вычеркнуто из боярского списка 1606/07 г. с пометой «в московском списке не быть», что означало исключение из рядов привилегированного московского дворянства. Вскоре после описываемых в «Дневнике» событий его освободили сторонники Лжедмитрия II, и он оказался в Тушинском лагере у самозванца. См.: Боярские списки... Ч. 1. С. 116, 159, 226, 260; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 240.

²⁸⁷ В Вологодском уезде существовало несколько Никольских монастырей, и установить точно, о котором из них идет речь, не представляется возможным.

²⁸⁸ Монастырь с таким названием неизвестен в Вологодском уезде.

²⁸⁹ Езы (язы) — по Срезневскому, «рыболовная заставка». Описание «язов» есть также в записках С. Немоевского. См.: Срезневский И. И. Словарь... Т. 1. Ч. 2. Стб. 821; Немоевский С. Записки. С. 240.

²⁹⁰ Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1586—1610) — князь, воевода, в сентябре 1603 г. стольник, был послан Лжедмитрием I, чтобы привезти в Москву мать

царевича Дмитрия старицу Марфу Нагую из монастыря, пожалован самозванцем в великие мечники. После воцарения Василия Шуйского принимал участие в военных действиях и обороне Москвы от отрядов И. Болотникова и Лжедмитрия II. Летом 1608 г. назначен воеводой в Новгород, вел переговоры о шведской помощи для России. В 1609 г., совместно с шведским корпусом Я. П. Делагарди, совершил победоносный поход, разбив войска Лжедмитрия II под Торжком, Тверью, приведя к присяге царю Василию Шуйскому многие поволжские города. В марте 1610 г. снял осаду Москвы, но, войдя в столицу, внезапно умер. Современники считали, что он был отравлен. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 274, 281, 288, 457; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 441—519; РК 1559—1605 гг. С. 351; Боярские списки... Ч. 2. С. 44.

²⁹¹ В нашей рукописи вместо «Szwedów» читается «Geredow», что в переводе, опубликованном А. А. Титовым, дословно передано «Середов». Правильное чтение восстановлено по публикации А. Гиришберга.

Шведский полководец Якоб Понтус Делагарди, по договору короля Карла IX с царем Василием Шуйским, во главе корпуса наемных войск участвовал, вместе с воеводой М. В. Скопиным-Шуйским, в военных действиях против Лжедмитрия II и поддерживавших его поляков. В 1609 г. освободил Тверь, в марте 1610 г. вместе с русскими войсками вошел в Москву. Однако несколько месяцев спустя в битве под Клушино большая часть его войска перешла на сторону гетмана С. Жолкевского, и Я. П. Делагарди вынужден был уйти на Север, где начал захват русских земель. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 441—519.

²⁹² Переход Ярославля на сторону Лжедмитрия II вместе с воеводою князем Ф. П. Бяратинским произошел во второй половине октября 1608 г. См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. № 101. С. 133—134 (далее — АИ); Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 70—86.

²⁹³ Ян Петр Сапега (Павел Сапега, 1569—1611) — староста усятский, брат Льва Сапег. Летом 1608 г. пришел под Москву в Тушинский лагерь к Лжедмитрию II, в 1608—1610 гг. организовал осаду Троице-Сергиева монастыря. Находясь в Дмитрове, наладил отправку отрядов для взятия ряда северных городов и приведения их к присяге Лжедмитрию II, посылал туда своих воевод, в том числе в Ярославль. После ухода Лжедмитрия II из Тушинского лагеря продолжал поддерживать его. Умер в Москве в 1611 г., оставил записки о своем пребывании в России. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 90—106.

²⁹⁴ Это известие не соответствует действительности, по состоявшемуся в ноябре 1608 г. приговору посадских людей и волостных крестьян устюжане отказались целовать крест Лжедмитрию II. См.: ААЭ. Т. 2. № 88. С. 181.

²⁹⁵ Пошехонская Адрианова пустынь была основана монахом Вологодского Корнильева монастыря Адрианом Пошехонским, погибшим мученической смертью в 1550 г. от рук восставших крестьян Белосельской волости. См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 199—213.

²⁹⁶ Эта фраза выдает следы редакционной обработки «Дневника».

²⁹⁷ Федор Петрович Бяратинский — князь, в 1588/89 г. жилец, десять лет спустя в боярском списке записан среди московских дворян. В 1606—1607 гг. был воеводой в Ивангороде, затем в Ярославле. В 1608 г., в октябре, под давлением низов посада — «черни» привел город к присяге Лжедмитрию II. См.: ААЭ. Т. 2. № 88. С. 179; АИ. Т. 2. № 138; Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879. С. 17—20; Боярские списки... Ч. 1. С. 111, 186, 258.

²⁹⁸ Филарет, в миру Федор Никитич Романов (ок. 1554—1633) — боярин, родственник первой жены царя Ивана Грозного Анастасии Романовны, один из претендентов на русский престол в 1598 г., был сослан Борисом Годуновым и в 1601 г. пострижен в монахи в Антониевом Сийском монастыре. Лжедмитрием I поставлен в ростовские митрополиты (с 30 июня 1605 г.), после свержения самозванца ездил в 1606 г. за останками царевича Дмитрия в Углич. В начале октября 1608 г. пленен в Ростове, о чем вполне достоверно рассказывает автор «Дневника», отвезен в Тушинский лагерь и там провозглашен патриархом. В 1611—1619 гг. находился в плену в Польше. После возвращения из плена стал фактическим правителем государства при сыне — царе Михаиле Федоровиче. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 230—236, 316—342.

²⁹⁹ Воеводою в Ростове в начале октябре 1608 г., когда город был взят тушинским отрядом, был Третьяк Сеитов. См.: ААЭ. Т. 2. № 88. С. 180; Генкин Л. Б. Ярославский край... С. 69—70.

³⁰⁰ Речь идет об известных «тушинских перелетах» — боярах и дворянах, попеременно служивших то царю Василию Шуйскому, то Лжедмитрию II. О ком конкретно из Нагих и Воротынских упоминает автор «Дневника», не ясно, т. к. не указаны их имена и отчества. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 95—96.

³⁰¹ Кострома, Галич и Вологда действительно «отложились» от самозванца в начале декабря 1608 г. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 340—345.

³⁰² В декабре 1608 г., после перехода Костромы на сторону царя Василия Шуйского, в костромских землях произошло несколько сражений восставших людей с карательными отрядами, посланными туда Я. П. Сапегой и Лжедмитрием II. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 358—361.

³⁰³ Ураз-Магомет — касимовский царь в 1600—1610 гг., выступал на стороне Лжедмитрия II. Убит в Калуге по приказу самозванца. См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах // Труды Восточного отделения Археологического общества. СПб., 1864. Ч. 10. С. 107, 469; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 201.

³⁰⁴ Роман Рожинский (Ружинский) — князь, в начале 1608 г. пришел с отрядом к Лжедмитрию II, был избран гетманом всех войск «царика», занимал руководящее положение в Тушинском лагере. См.: Буссов К. Московская хроника. С. 149—150, 161—166; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 268—273, 315—316.

³⁰⁵ В это время М. В. Скопин-Шуйский продолжал еще оставаться в Новгороде. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 452.

³⁰⁶ Керназицкий (Кернозицкий) — польский ротмистр, в 1609—1610 гг. служил Лжедмитрию II, с отрядом запорожских казаков отправился в поход на Новгород, захватил по дороге Тверь и Торжок, но под Новгородом был разбит войсками М. В. Скопина-Шуйского. 11 (21) января 1609 г. Керназицкий был вынужден отойти от Новгорода. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 323—324.

³⁰⁷ Иосифо-Волоколамский монастырь.

³⁰⁸ Галич и Кострома были взяты польскими отрядами в конце декабря 1608 г., захватить Вологду сторонникам Лжедмитрия II не удалось. См.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба... С. 361—365.

³⁰⁹ Коло — круг, т. е. собрание войска.

³¹⁰ Осада Калуги войсками царя Василия Шуйского продолжалась не полтора года, а пять месяцев, с конца декабря 1606 г. до мая 1607 г. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 325—398.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях к настоящему изданию помещены документы, уточняющие и дополняющие рассказ автора «Дневника» о взаимоотношениях России и Речи Посполитой, историю Марины Мнишек и Лжедмитрия I. Публикуемые в приложениях письма разных лиц, материалы делопроизводства эпохи Смутного времени дают возможность самостоятельного исторического поиска, сопоставления фактов и событий, описанных в разных исторических источниках.

Открывает раздел *приложение I*, содержащее отрывки из следственного дела о смерти царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г., расспросные речи основных свидетелей событий, царский приговор. Общая тенденция «угличского обыска» такова, что в нем все случившееся представлено как несчастный случай. О подозрениях в причастности Бориса Годунова к гибели царевича в деле совсем не говорится, но мысль об этом не оставляла современников. Иначе трудно объяснить последующий триумф самозванного царя Дмитрия Ивановича. От Лжедмитрия I исходила другая версия угличской драмы, изложенная во введении к «Дневнику», — о подмене перед роковыми событиями настоящего царевича каким-то его сверстником. Нужно, наверное, с большей внимательностью отнестись к официальной версии самозванца, «отработать» указанный им след. Но идущие несколько столетий споры о том, что же в действительности произошло в Угличе в мае 1591 г., наталкиваются на отсутствие новых источников.

Далее в *приложении II* публикуется комплекс документов, образовавшийся во время пребывания Лжедмитрия I в Речи Посполитой, а также после его воцарения в Москве и свадьбы с Мариной Мнишек. Здесь помещен знаменитый брачный договор Лжедмитрия I, составление которого вспоминается чаще всего, когда хотят подчеркнуть роль самозванца как «ставленника польских интервентов». Хотя при этом не принимаются в расчет обстоятельства его составления и то, что щедрые территориальные и прочие обещания остались, во многом, на бумаге. Публикуемые документы, напротив, показывают, как менялся тон посланий Лжедмитрия I, ставшего царем. Отсылая деньги воеводе Ю. Мнишку, он требовал, чтобы Марина Мнишек приняла причастие из рук православного патриарха, что было непременным условием коронации и означало переход его будущей супруги в православие, а также, в соответствии с русскими традициями, предписывал, как вести себя Марине Мнишек после обручения: «Волосов бы не наряжала», «не ела б ни с кем, только особно». Любопытны также описания обручения в Кракове и свадьбы в Москве, тем более, что свадебные торжества подробно описаны и в «Дневнике».

В последней части раздела — в *приложении III* собрана переписка 1609—1610 гг. Марины Мнишек с отцом, папским нунцием в Кракове Франциском Симонеттой, королем Сигизмундом III. Письма дают возможность лучше представить себе черты ее характера и личности, тем более, что в «Дневнике» отсутствуют известия, относящиеся к этому времени. В самом деле, как-то иначе воспринимается образ надменной поль-

ской шляхтенки, когда из первого же письма, после ее разлуки с отцом, уехавшим в Польшу, мы узнаем, что Марина Мнишек размышляла, какое платье сшить ей к летнему посту, и просила прислать ей «черного бархата узорчатого». С другой стороны, не может не поразить и та одержимость, с которой тушинская царица добивалась возвращения московского престола.

Тексты помещенных в приложениях документов взяты из разных, порой очень редких изданий XIX—начала XX в. и переданы в том виде, как они были опубликованы, лишь с упрощением орфографии. Чтение некоторых имен и передача отдельных слов в этих публикациях может не совпадать с принятой в настоящем переводе «Дневника».

І. ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ В УГЛИЧЕ

Май—июнь 1591 г.

Расспросные речи Михаила Нагого

И тово ж дни, мая в 19 день, в вечеру, приехали на Углич князь Василей, и Ондрей, и Елизарей и [расс]прашивали Михайла Нагово: которым об[ыча]ем царевича Дмитрея не стало, и что его болезнь была, и для чего он велел убити Михайла Битяговского, и Михайлова сына Данила, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова, и Осипа Волохова, и посадских людей, и Михайловых людей Битяговского, и Осиповых Волохова, и для чего он велел во вторник збирати ножи и пищали, и палицу железную, и сабли, и класти на убитых людей; и посадских из сел многих людей для кого збирал, и почему [городового прика]щика Русина Ракова приводил к целованью, что ему стояти с ним за один, и против было ково им стояти?

И Михайло Нагой сказал: «Деялося нынешнего 99[1591]-го году, мая в 15 день, в субботу, в шестом часу дни зазвонили в городе у Спаса в колокол, а он, Михайло, в те поры был у себя на подворье и чаял он того, что горит... бежал он к царевичу на двор, а царевича зарез[али] Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данило Битяговской, и пришли на двор многие посадские люди, а Михайло Битяговской приехал тутю ж на двор, и Михайла Битяговского, и сына его Данила, и тех всех людей, которые побиты, побили черные, а он, Михайло Нагой, посадцким всяким людям побити их не веливал, а был он все у царицы, а посадцкие люди збежались на звон; а ножей он, и пищалей, и палки железные, и сабель городовому приказщику Русину Ракову збирати и класти на побитых людей не веливал, а збирал ножи, и пищали, и сабли, и палку железную и клал на побитых людей городской приказщик Русин Раков; и городского он приказщика к целованью не приваживал; то на него городской приказщик взводит».

И Григорий Федоров сын Нагово в розпросе сказал, «что деялось тем обычаем, мая в 15 день, в субботу, поехали они, Михайло, брат ево, да он, Григорей, к себе на подворье обедать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили в колокола, и они чаели, что загорелось, и прибежали на двор, ажно царевич Дмитрий лежит, набрушился сам ножом в падучей болезни, что и преж того на него болезнь была; а как они пришли, а царевич ещо жив был и при них преставился. А Михайло Битяговской был у себя на подворье и прискакал к царице на двор, и на двор прибежали многие люди посадцкие и посошные и почали говорить, неведомо хто, что будто зарезали царевича Дмитрея Михайлов сын Битяговского Данило, да Осип Волохов, да Микита Качалов; а Михайло Битяговской учал разговаривать, и посадцкие люди кинулися за Михайлом Битяговским, и Михайло убежал в Брусеную избу на дворе, и посадцкие люди выломали двери и Михайла выволокли, и тут ево убили до смерти, а Данила Третьякова тут же с Михайлом убили вместе; а сына Михайлова Данила Битяговского и Микиту Качалова убили в Дьячьей в Розрядной избе; а Осипа Волохова привели к царице в верх, к церкви к Спасу, и тут ево перед царицею убили до смерти; а людей Михайловых Битяговского четырех человек, и Осиповых Волохова дву человек, и посадцких людей трех человек, где ково изымали, убили чернью, неведомо где, и тово он не ведает, про что тех людей побили. А людей они посадцких забирали для князя Василья Ивановича Шуйского, да для Ондreja Петровича Клешнина, да Елизарья Вылузгина, а блюлись от государя опалы, чтоб хто царевича тела не украл; а в колокол, де, и звонить учал понамарь, Огурцом зовут. А вчерась, де, во фторник, мая в 19 день, брат ево, Михайло Нагой, велел городовому приказщику Русину Ракову забирати ножи, и велел курячью кровью кровавити; да велел палицу железную добыть. И те ножи и палицу велел брат ево Михайло Нагой покласти на те люди, которые побиты: на Осипа Волохова, да на Данила на Михайлова сына Битяговского, да на Микиту на Качалова, да на Данила на Третьякова для того, что, де, будто се те люди царевича Дмитрея зарезали».

Расспросные речи мамки царевича Василисы Волоховой

И вдова Василиса Волохова в разпросе сказала, «что разболелся царевич Дмитрий в середу нынешнего 99-го году; мая в 12 день, падучею болезнью, и в пятницу, деи, ему маленько стало полехче, и царица, деи, его Марья взяла с собою к обедне и, от обедни пришетчи, велела ему на дворе погулять; а на завтрее, в субботу, пришотчи от обедни, царица велела царевичу на двор итить гулять; а с царевичем были: она, Василиса, да кормилица Орина, да маленькие ребятки жилцы, да постелница Марья Самойлова; а играл царевич ножиком, и тут на царевича пришла опять та ж чорная болезнь, и бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да туто его не стало. А

и преж того, сего году в великое говенье та ж над ним болезнь была — падучей недуг, и он поколол сваю и мать свою, царицу Марью; а в другоряд на него была та ж болезнь перед Великим днем, и царевич объел руки Ондрееве дочке Нагово, одва у него Ондрееву дочь Нагово отнели; и как царевич в болезни в черной, покололся ножом, и царица Марья забежала на двор и почала ее, Василису, царица Марья бити сама поленом, и голову ей пробила во многих местах, и почала ей, Василисе, приговаривать, что будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрея зарезали; и она, Василиса, почала ей бить челом, чтоб велела царица дати сыск праведной, а сын ее и на дворе не бывал; и царица, де, велела ее тем же поленом бити по боком Григорью Нагово, и тут ее толко чють живу покинули замертва. И почали звонити у Спаса в колокола, и многие люди посадцкие и всякие люди прибежали на двор; и царица, де, Марья велела ее, Василису, взяти посадцким людем, и мужики, де, ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее держали перед царицею. И прибежал, де, на двор Михайло Битяговской и почал был разговаривать посадцким людем и Михайлу Нагому, и царица, де, Марья и Михайло Нагой велели убить Михаила Битяговского и Михайлова сына, и Микиту Качалова, и Даниила Третьякова. А говорила, де, царица миру: то, де, душегубцы царевичю.

А сын ее, Осип, в те поры был у себя; и как почал шум быти великой, и сын ее, Осип, прибежал к Михайлове жене Битяговского, и тут его и поймали посадцкие люди и привели его ещо жива перед царицу, и Михайлову жену Битяговского з дочерми перед царицу ж привели; и царица, де, миру молыла: то, де, и убойца царевичю сын ее, Осип Волохов, и сына ее, Осипа, тут до смерти и убили, а убив, и прохолкали, что над зайцем. А человек сына его, Васкою звали, и он кинулся и пал на сыне ее, на Осипе, чтоб его не убили до смерти, и человека его, Васку, туто ж над сыном ее убили; а другово человека Василисина убили, что увидел Василису, что она простоволоса стоит, и он на нее положил свою шапку, и посадцкие люди за то его убили до смерти ж.

Да была жоночка уродливая у Михайла у Битяговского, и хаживала от Михайла к Ондрию к Нагому; и сказали про нее царице Марье, и царица ей велела приходить для потехи, и та жоночка приходила к царице; и как царевичю смерть сталася, и царица и ту жонку, после того два дни спустя, велела добыть и велела ее убить ж, что будто сь та жонка царевича портила».

Расспросные речи Андрея Нагого

И Ондрей Олександров сын Нагово сказал в разпросе, «что царевич ходил на заднем дворе и тешился с робята, играл через черту ножом, и закричали на дворе, что царевича не стало, и збежала царица сверху; а он, Ондрей, в те поры сидел у ествы и прибежал туто ж к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертв; а сказывают, что его зарезали, а он тово не видал, хто его зарезал; а на царевиче бывала болезнь падучая; да ныне в великое говенье у дочери его руки пересел да и у него, у Ондрея, царевич руки едал же

в болезни, и у жилцов, и у постелниц, как на него болезнь придет и царевича как станут держать, и он в те поры ест в нещывенье, за што попадетца; а как побили Михайла Битяговского и тех всех, которые побиты, того он не ведает, хто их велел побить, а побила их чернь, посадцкие люди; а он был у царевича тела безотступно, и тело он царевичево внес в церковь».

**Приговор Освященного собора
о рассмотрении следственного дела
и государев указ об этом деле**

<...>И 99 (1591)-го года, июня в 2 день, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, слушав углицкова обыску, что обыскивал на Угличе боярин князь Василей Иванович Шуйской, да околничей Ондрей Петрович Клешнин, да дьяк Елизарей Вылузгин, и приказал бояром и дьяком с углицким обыском итить на собор к Иеву патриарху всеа Руси, и к митрополитом, и к архиепискупом, и ко владыкам, и ко всему освещенному собору, и велел государь перед патриархом на соборе тот обыск прочесть.

И по государеву приказу бояре, пришед к патриарху, велели дьяку Василью Щелкалову углецкое дело на соборе честь.

И как, по государеву приказу, Иеву патриарху всеа Руси и всему собору углетцкое дело прочли, и туто ж на соборе Иеву патриарху Сарский и Подонский Галасея митрополит говорил: «Извещаю тебе, Иеву патриарху и всему освещенному собору, которого дни ехати мне с Углича к Москве, и царица Марья, призвав меня к себе, говорила мне с великим прошеньем, как Михайла Битяговского с сыном и жилцов побили, и то дело учинилось грешное, виноватое, чтоб мне челобитье ее донести до государя царя и великого князя, чтоб государь тем бедным червем, Михайлу з братьею, в их вине милость показал».

Да митрополит же Галасея на соборе Иеву патриарху подал челобитную, а ему тое челобитную дал на Угличе городской приказщик Русин Раков, и в той Русинове челобитной пишет: «Великому господину пресветейшему митрополиту Галасею Сарскому и Падонскому и Крутицкому биет челом и плачеца угляцкой городской приказщик Русинец Раков. В нынешнем, государь, в 99 году, мая в 15 день, в субботу, на шестом часу дни тешился, государь, царевич у себя на дворе з жилцы своими с робятки, тыкал, государь, ножом; и в те поры на него пришла падучая немочь, и зашибло, государь, его о землю и учало ево бити; да как, де, ево било, и в те поры он покололся ножом сам и отого, государь, и умер. И учюл, государь, яз в городе звон и яз, государь, прибежал на звон, ажно в городе многие люди и на дворе на царевичеве; а Михайло Битяговской, да сын ево Данило, да Микита Качалов, да Осип Волохов, да Данило Третьяков, да их люди лежат побиты, и я, государь, прибежал к Спасу, и меня, государь, Михайло да Григорей Нагие изымали, а Михайло, государь, Нагой мертвю пьян, и привели, государь, меня к цолованью и одново, государь, дни велели мне крест шестью цоловать, буде ты наш. А Михайла Битяговского да и сына ево велел убить яз, а Микиту Качалова,

да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей их велел побити я же для того, что они у меня отымали Михайла Битяговсково сыном. И после, государь, тово в первой вторник, вечеру, приказал Михайло человеку своему Тимохе, велел принести куря живой, в другом часу ночи вшел в Дьячью избу, а меня послал в ряд — ножов иматъ, и я собою взял посадцково человека Кондрашу Оловянишника и взял в ряду два ножа, у Фили, у дехтярника, нож, а другой нож у посадцково ж человека у Василия у Ильина, а нож мне дал да саблю Григорей Нагой; и послал меня Михайло Нагой на Михайлов двор Битяговсково, да со мною послал Спасково соборново попа Степана, да посадцких людей: Третьяка Ворожейкина да Кондрашу Оловянишника; а велел мне искати в Михайлове повалуше палицы железной, и яз нашел и к нему привес; и он, государь, меня послал в Дьячью избу и велел мне взять сторожа Овдокима; да взял яз посацково человека Ваську Малафеева; да мне ж велел из Диячьи избы в чулане курицу зарезать и кровь в таз выпустить, и ножи и палицу кровью измазали; и Михайло мне Нагой приказал класти к Михайлу Битяговскому нож, сыну ево — нож, Миките Качалову — нож, Осипу Волохову — палицу, Данилу Третьякова — саблю, Михайлову человеку Битяговскому Ивану Кузмину — самопал, Михайлову ж человеку Павлу — нож, Василисину человеку Васке — самопал; а велел, государь, убити Михайло Нагой Михайла Битяговсково и сыном по недружбе: многжды с ним бранивался про осударево дело, и в тот день с ним бранился о посохе, что велел, государь, с них взять посохи пядесят человек, под город под Гуляй, и он, государь, посохи не дал; и Михайло, государь, Нагой напился пьян, да велел убити Михайла Битяговсково и сыном; а Микита Качалов, да Осип Волохов, да Данило Третьяков, да и их люди учили отимать, и он их велел побити тутю ж.

Пресветейший государь митрополит! Сам пожалуй, а осударю буди печалник, чтобы мне, холопу государеву, подле виноватых в опале не быть, в казни. Государь, пресветейший митрополит! Смилуйся, пожалуй!»

И патриарх Иев, со всем освященным собором, слушав углетцково дела и сказу митрополита Галасеи и челобитные городского приказщика Русина Ракова, говорил на соборе: «В том во всем воля государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси; а преже сего такова лихова дела и такие убойства сстались и крови пролитье от Михайла от Нагово и от мужиков николи не было. А перед государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Руси Михайла и Григорья Нагих и углетцких посадцких людей измена явная, что царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьим судом, а он, Михайло Нагой, государевых приказных людей дияка Михайла Битяговского с сыном и Микиту Качалова и иных дворян и жилцов и посадцких людей, которые стояли за правду и розговаривали посадцким людем, что они такую измену зделали, велел побити напрасно умышленьем за то, что Михайло Битяговской с ним, с Михайлом с Нагим, бранился почасту за государя, что он Михайло Нагой держал у себя ведуна Ондрышу Мочалова и иных многих ведунов, и за тое великое изменное дело Михайло Нагой з братьею и мужики углечане по своим винам

дошли до всякого наказанья. А то дело земское, градцкое, в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси; все в его царьской руке: и казнь, и опала, и милость, о том государю, как Бог известит; а наша должная молити Господа Бога и Пречистую Богородицу и великих русских чудотворцов Петра, и Алексея, и Иону и всех святых о государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и о государыне царице и великой княгине Ирине, о их государьском многолетнем здравии и о тишине межусобной брани».

И того же дни бояре, быв у патриарха, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси сказывали патриарховы речи и скаску митрополита Галасеи, и челобитную городового приказщика государю чли.

И государь царь и великий князь приказал бояром и велел углетцкое дело по договору вершити, а по тех людей, которые в деле объявились, велел государь посылати.

(Клейн В. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15-го мая 1591 года. М., 1913. С. 1—7, 18—21).

II. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О СВАДЬБЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I И МАРИНЫ МНИШЕК

№ 1

1604 г., мая 25. — Запись Лжедмитрия I о женитьбе на Марине Мнишек и условиях заключения брака: о посылке 1 000 000 злотых ее отцу Юрию Мнишку, об отправлении послов к королю Сигизмунду III, об отдаче Марине Мнишек во владение Новгорода Великого и Пскова и о распространении католической веры.

Мы, Дмитрий Иванович, Божию милостию, царевич великой Руси, Углетцкий, Дмитровский и иных, князь от колена предков своих, и всех государств московских государь и дедич.

Разсуждая о будущем состоянии жития нашего не только по примеру иных монархов и предков наших, но и всех христиански живущих, за призрением Господа Бога всемогущаго, от которого живет начало и конец, а жена и смерть бывает от негож, усмотрили есмя и улюбили себе, будучи в королевстве в Полском, в дому честнем, великого роду, житья честного и побожного приятеля и товарища, с которым бы мне, за помощью Божиею, в милости и в любви непремеваемой житие свое провадати, ясновелеможную панну Марину с Великих Кончиц Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Лвовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясновелеможного пана Юрья Мнишка с Великих Кончиц, воеводы Сендомирскаго, Лвовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч. старосты, жуп русских жупника, котораго мы испытавши честность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его себе за отца); и о том мы убедительно его просили, для большого утверждения взаимной нашей любви, чтобы вышереченную дочь свою панну Марину за нас выдал в замуж-

ство. А что тепере мы есть не на государствах своих, и то тепере до часу: а как даст Бог, буду на своих государствах жити, и ему б попомнити слово свое прямое, вместе с панною Мариною, за присягою; а яз помню свою присягу, и нам бы то прямо обема здержати, и любовь бы была меж нас, а на том мы писаньем своим укрепляемся. А вперед, во имя пресвятые Троицы, даю ему слово свое прямое царское, что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и яз проклятво на себя даю, утверждая сие следующими условиями.

Первое: кой час доступлю наследственного нашего Московского государства, яз пану отцу его милости дам десять сот тысяч злотых полских, как его милости самому для ускорения подъема и заплаты долгов, так и для препровождения к нам ея (милости) панны Марины, будущей жены нашей, из казны нашей Московской выдам клейнотов драгоценнейших, а равно и серебра столоваго к снаряду ея; буде не самому ея панны отцу, в небытность его по какой-либо причине, то послам, которых его милость пришет, или нами отправленным, как выше сказано, без замедления дать, даровать нашим царским словом обещаем.

Другое то: как вступим на наш царский престол отца нашего, и мы тотчас послов своих пришем до наясного короля полского, извещаючи ему и бьючи челом, чтоб то наше дело, которое ныне промеж нас, было ему ведомо и позволил бы то нам зделати без убытка.

Третье то: той же преж реченной панне жене нашей дам два государства великие, Великий Новгород да Псков, со всеми уезды, и з думными людьми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всеми приходы, и с пригородки, и с мesty и с селы, со всяким владеньем, и с поволностью, со всем с тем, как мы и отец наш тремя государствами владели и указывали; а мне в тех в обеих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети, и в них ни во что не вступатися; тем нашим писаньем укрепляем и даруем ей панне то за тем своим словом прямо. А как, за помощью Божию, с нею венчаемся; и мы то все, что в нынешнем нашем писме написано, отдадим ей и в канцелярии нашей ей то в веки напишем, и печать свою царскую к тому приложим. А будет у нашей жены, по грехом, с нами детей не будет, и те обои государства ей приказати наместником своим владети ими и судити, и волно ей будет своим служилым людем поместья и вотчины давати, и купити и продавати; также волно ей, как ся ей полюбить, что в своих в прямых уделных государствах монастыри и костелы справити римские, и бискупы и попы латынские, и школи поставляти и их наполняти, как им вперед жити; а самой жити с нами; а попы свои себе держати безо всякие заборыны, якож и мы сами, з Божиею милостию, соединение сие приняли; и станем о том накрепко промышляти, чтоб все государство Московское в одну веру римскую всех привести, и костелы б римские устроить. А того, Боже, нам не дай, будет те наши речи в государствах наших не полюбятца, и в год того не зделаем; ино будет вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуют побольши — того подождут до другого году.

А яз тепере в том во всем даю на себя запись своею рукою, с крестным целованьем, что мне то все зделати по сему писму, и присягою на

том на всем при святцком чину, при попех, что мне все по сей записи здержати крепко и всех русских людей в веру Латынскую привести.

Писана в Самборе, месяца майа 25 дня, лета 1604.

Дмитрий царевич.

(Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. № 76. С. 159—162).*

№ 2

1604 г., июня 12. — Грамота Лжедмитрия I Сandomирскому воеводе Юрию Мнишку на одну половину Смоленской и Северскую земли

Дмитрий Иванович, Божиею милостию, царевич великой России, Углицкий, Дмитровский, Городецкий и проч. и проч., князь от колена предков своих, всех государств, к Московской монархии принадлежащих, государь и дедич. Объявляем, кому о сем ведать надлежит, что мы ясневельможному господину Юрию из Великих Кончиц Мнишкови, воеводе Сandomирскому, Львовскому, Самборскому, Меденицкому и проч. старосте, жупникови жуп русских, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую нам явил и являть не перестает, в вечныя времена дали мы ему и наследникам его Смоленское и Северское княжества в государстве нашем Московском со всем, что к оным княжествам принадлежит, с городами, замками, селами, подданными и со всеми обоего полу жителями, как о том в данном от нас его милости особливом привилии ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для известных и важных причин и для самой нашей любви и доброжелательства к пресветлейшему королю полскому и всему королевству, в предбудущия вечныя времена, для согласия и миру между народом полским и московским, Смоленской земли другую половину с замками, городами, городками, уездами, селами, реками, озерами, прудами (оставляя при его милости господине воеводе самой замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит) дали, подарили и записали, как о том в особом привилии изображено, королям полским и Речи Посполитой польской шесть городов в княжестве Северском со всем, что к оным принадлежит, с доходами и прибытками, и на все сие уже совершенный от нас привилий дан есть; и дабы о исполнении всего того его милость господин воевода был благонадежен, присягою телесною подтвердили мы. И из другога государства, близ Смоленской земли, еще много городов, городков, замков, земель и прибытков определяем ему, господину воеводе, даровать, присовокупить, записать в вечныя времена, как скоро нас Господь Бог на престоле предков наших посадит, дабы равные и немешные, как с Смоленского, так и с Северскаго княжества, с городов, замков, городков, сел, боров, лесов, рек, озер, прудов всякие имел доходы, то мы ему обещаем и ручаем; и что уже мы

* В дальнейшем — СГГид.

однажды присягою подтвердили, то и ныне ни в чем неотменно и ненарушимо подтверждаем все вышеописанное его милости господину воеводе содержать и исполнить. А для болшого уверения и важности сей лист наш, при подписании собственною рукою нашею, печатью утвердить повелели.

Дан в Самборе, июня 12 дня, 1604 года.

Димитрий царевич.

(СГГид. Ч. 2. № 79. С. 165—166).

№ 3

1605 г., августа 16. — Грамота Лжедмитрия I Сандомирскому воеводе Юрию Мнишку о воцарении в Москве и посылке к Сигизмунду III посла Афанасия Власьева

Мы, пресветлейший и непобедимейший монарх Димитрий Иванович, Божиею милостию цесарь и великий князь всея России и всех татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей государь и царь.

Признавали мы то всегда, что всякое приключаящееся нам веселие и вам обрадование приносило; не меньше и ныне надеемся, что по благословию Божию и за щастливым прибытием нашим в государствующий город наш, в котором от пресветлейшей цесаревны государыни матери нашей приняв благословение, от св[ятого] отца нашего патриарха, по древнему обычаю нашему, коронованы мы и миром св[ятым] помазаны, не токмо на одно пространное отечество наше, но и на все те татарския государства, которые издревле монархии нашей были послушны, о чем вы, уведомясь надлежаще, как отец порадоваться можете.

А ныне посылаем к королевскому величеству в посольстве подскарбия нашего надворного Афанасия Ивановича Власьева, которому повелела пресветлейшая цесарева государыня мать наша и мы о заключенных прежде сего и крепко поставленных с вашею милостию делах наших говорить; а для лучшаго уверения государыня цесарева посылает чрез онаго от себя к вашей милости писанныя письма, дабы милость ваша, о сем ведая, немедленно в Краков, или где ныне король обретается, ехать изволил, ибо от того вся сила зависит.

Дана из царствующаго града нашего Москвы, августа 16 дня, 1605, государствования нашего первого года.

Преданный сын Димитрий.

(СГГид. Ч. 2. № 95. С. 212—213).

1605 г., ноябрь. — Память Лжедмитрия I секретарю Яну Бучиньско-
му о делах, касающихся обручения с Мариной Мнишек

Память секретарю нашему Яну Бучинскому, как ему говорить, именем нашим, воеводе Сендомирскому:

1-е. Чтоб воевода у ксенжа у легата папина промыслил и побил челом о волном позволенье, чтоб ее милость панна Марина причастилась на обедне от патриарха нашего; потому что без того коронована не будет.

2-е. Чтоб пан воевода, после обрученья, тотчас о том нам ведомо учинил чрез гонца; а перстень обручелной прислал бы не з жильцом и не с слугою, но с честным человеком.

3-е. Чтоб ей милости панне Марине позволено до греческие церкви ходити; а набоженство и чин свой волно будет держати, как похочет.

4-е. Чтоб ея милость панну Марину звали наяснейшею и всякую честь государскую воздавали и чтоб была во всем предостережена.

5-е. Волосов бы не наряжала.

6-е. Чтоб нихто ее не водил, толко пан староста саноцкой да Бучинской, или которой иной со племяни.

7-е. Промыслити о волности, чтоб Марина в субботу мясо ела, а в среду б постилась.

8-е. После обручанья не ела ни с кем, толко особно, или с воеводою, или с воеводиною и с хоружею, и служили б у ней крайчие.

(СГГД. Ч. 2. № 105. С. 228—229).

№ 5

1605 г., ноября 20. — Из письма Нери Джиральди секретарю тос-
канского великого герцога Велизарии Винта о посольстве Афона-
сия Власьева к Сигизмунду III в Краков

<...> Московский посол прибыл сюда с многочисленною свитою и с большим торжеством и четыре дня тому назад был принят его величеством в публичной аудиенции при многих сенаторах.

Я стоял у самого королевского трона. Отправление посольства заключалось в следующем. Посол поздравил его величество с вожденным здоровьем и с новым его браком; благодарил его за оказанное через г. Сендомирского палатина пособие его князю; предлагал свободный пропуск через Московию здешним купцам и изъявлял готовность содействовать польскому правительству против турок, татар и других врагов христианской веры, а также против личных врагов его величества. Великий канцлер княжества Литовского отвечал ему, от имени короля и всех сенаторов, что мирные и другие предложения будут приняты и что его величество поздравляет московского князя со вступлением на престол. Подарки, привезенные московским послом, состояли из большого бриллианта, из четырех коней в богатейших пополах и множества соболей, черных лисиц и других дра-

гоценных шкур. Он ожидает ответа на представленное им письмо и на этой неделе обвенчается, именем своего князя, с дочерью г. Сендомирского палатина; при этом обряде будут присутствовать его величество и г. палатин, после чего он уедет до приезда сюда светлейшей новой королевы. С ним же московский князь прислал драгоценный жемчуг и особенно замечательное платье из редкого китайского тканья, обложенное жемчугом и бриллиантами, — вещь до сего времени невиданная.

Г. палатин намеревается сопровождать свою дочь в Московию, где останется, может быть, целый год, о чем я впоследствии вас извещу <...>

*([Ч и я м п и С.] Критический разбор
неизданных документов, относящихся до
истории Димитрия // Архив истори-
ческих и практических сведений, от-
носящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1.
С. 55—56).*

№ 6

1605 г., ноября 29. — Описание венчания Марины Мнишек в Кракове из документов сейма 1605 г.

Венчание московской царицы происходило следующим образом. Кардинал с нунцием прибыли в дом ксендза Фирлея, где должен был происходить обряд венчания и где в зале устроен был прекрасный алтарь, и дожидались невесты. Московский посол с прекрасною свитой — и почти на двухстах лошадях — приехал с своей квартиры в дом г. Монтелюпа и там дождался немного, пока не прибыл король с двором своим в дом (Фирлея) и не вошел в жилое помещение. Потом король пришел в залу, в которой должно было происходить венчание, и сел; подле него стал королевич. Шведская королевна с дамами пошла к невесте. Посол, пришедши к назначенному для брачующихся месту, ударил королю челом; король сидел, даже шапки не тронул. Затем посол и его слуги отправились целовать руку у короля, а королевич перед каждым из них снимал шапку. Кардинал надел свои архиерейские ризы и драгоценную митру; два прелата были в фелонях, усаженных жемчугом, а другие в комжах. Два царских мальчика стояли с шелковым ковром, у которого стал посол, а подле него Серадский воевода и Гнезненский кастелян. Марину, одетую в дорогое платье, с короной, от которой по волосам немало было жемчугу и драгоценных камней, подвели к венцу воевода Ленчицкий Липский и кастелян Малогосский; но в качестве свидетельницы подле нее стала ее милость королевна. Перед венчанием посол стал говорить речь, в которой говорил, что прибыл для этого дела по воле своего государя и просил у Сендомирского воеводы его дочери и родительского благословения. От имени воеводы отвечал прекрасною речью канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега, котсрому дал ответ Ленчицкий воевода Липский, причем он показывал, что в настоящем деле высказывается Божия премудрость или воля Божия, и затем заявлял, что на нем будет Божие благословение; далее указывал на величие звания царя и государя, но при этом ука-

зывает также на славный дом девицы, на ее воспитание, богатство добродетелей и приводил примеры, что подобные дела — не новость в Польше; прославлял благодарность и благоразумие царя, именно, что он по раз принятому намерению и обещанию в знак благодарности за благорасположенность, какую видел к себе со стороны Сендомирского воеводы и при дворе, вступает в брак с дочерью воеводы.

После речей с той и другой стороны выступил в архиерейском облачении кардинал и, прежде всего сказал удивительную речь об этом таинстве, указывая в нем действие Промысла; затем он приступил к восхвалению Димитрия — великого царя и государя великой России (он дал ему титул, какой у него был написан на бумаге, по которой он говорил); хвалил настоящее его намерение и показывал, что оно послужит благом и для самого царя, и для тамошних жителей, царских подданных. Бог так часто наказывал их разномыслием, что они то замыслили искать себе государя за морем или в соседних странах, то сажали на престол своих великих государей незаконных наследников. Теперь Божию милостию и устроением они нашли себе надлежащего государя в государствах его величества, нашего милостивого государя. Не место здесь говорить, какие милости и какую помощь получил царь от его величества. Сам его величество царь Димитрий, помня это, зная также планы его величества короля и этого королевства, открыл благочестивому государю свои намерения прежде всех государей и, кроме того, желая еще больше доказать свою благодарность, берет через тебя, г. посол, супругу себе (слова, положенные в чине венчания) в этих государствах, берет свободную шляхтенку, дочь благородного сенатора из благородного рода. В этом славном королевстве, где все свободны, не раз случалось, что князья, короли, славные монархи, даже короли этого королевства брали себе жен из свободных шляхетских домов. Бог ниспосылает теперь подобное благо и царю Димитрию и всем его подданным, — его величество царь завязывает с его величеством, милостивым государем нашим, дружбу, а с этим королевством и с его чинами — свободными людьми — родство. При этом святом супружеском союзе его царское величество, великий государь, сумеет за эту расположенность воздать с своей стороны его величеству королю благорасположенностию, а королевству — любовью.

Когда он сказал эти и другие, подобные им слова, то запели: «Veni Creator».* Король и все остальные стали на колени; не стали на колени только шведская королевна и московский посол. После того кардинал Бернارد Мацеевский начал совершать обряд венчания. Он был одет в очень дорогую фелонь. С ним были в сослужении прелаты, тоже в облачении. Кардинал обратился прежде всего к девице со словами: «Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди народ твой» — и объяснил, что она едет в чужую страну. Затем обратился к послу с словами: «Как Авраам посылал своего подскарбия в чужую страну за женой для своего сына?» Потом венчал.

Когда кардинал, в числе других вопросов, спрашивал посла: «Не обещался ли великий царь кому другому» — он отвечал: «Разве я знаю; царь ничего не поручил мне на этот счет», и уже после напоминаний стоявших подле него при этом торжестве он сказал: «Если

* Пришел Создатель (лат.).

бы он дал обещание другой девице, то не посылал бы меня сюда». Но он восставал против того, что кардинал говорил по латыни, — на это он не соглашался. Когда кардинал сказал: «Г. посол, говорите за мной, как требует наша католическая церковь и ваша: „Я...“», то посол говорил за кардиналом и хорошо произносил слова, впрочем, он не вдруг стал говорить. Он говорил: «Я буду говорить с девицей Мариной, а не с вами, ксендз кардинал». Невеста присягала царю на верность, а посол невесте за царя.

Когда пришлось давать перстни, то посол вынул из маленького ящика алмазный перстень с большой и острой верхушкой, величиной в большую вишню, и дал его кардиналу, а кардинал надел его невесте на палец, а от невесты посол взял перстень не на палец и не на обнаженную руку, но прямо в вышеупомянутый ящик. Когда кардинал хотел связать эпитрахилью руки жениха и невесты, то посол послал к жене воеводы Мнишка за чистым платком и хотел обернуть им свою руку и исполнить, таким образом, этот обряд, а не прикасаться к руке невесты своею голою рукою, но ему не позволили этого сделать, и он должен был дать свою руку от имени своего царя, князя московского. Вышеупомянутый коврик взял капелан кардинала, но посол выкупил его за сто червонцев. Во время венчания его величество король стоял подле кардинала, с правой стороны. Когда кончилось венчание, то все отправились в столовую, — впереди шла царица, за ней шведская королевна, за ней посол. Все эти лица стали на возвышенном месте у стола, царица — по правой стороне, королевна — по левой, а король, придя к столу, сел посередине. В это время подошли около сорока человек москвитян, неся драгоценные подарки от царя, которые посол отдавал. Принимала их жена львовского хорунжего Тарлова, бабка царицы, стоявшая подле нее, потому что мать невесты была больна.

По поднесении подарков стали садиться к столу: в правом углу стола посажена была царица, и, когда она садилась, король приподнялся и приподнял шапку; на другом углу, слева, села королевна. Одновременно с царицей сели: посол подле царицы, пониже, а королевич подле королевны, немного ниже, напротив посла. Когда посол сажился, король не двигался. Перед этим столом, с левой стороны, стоял крайчий его величества короля, подле него кардинал, а подле него нунций папы. Воду подавали в одном умывальном сосуде и при одном полотенце. Когда король мылся, все встали. Затем подавали умываться царице (она умывалась сидя), далее королевне, затем послу (но он не хотел мыться), потом королевичу. Для кардинала и нунция принесли другой ковшик и другое полотенце. Королевские дворяне подавали то тем, то другим воду, а слуги Сендомирского воеводы в то же время разносили яства; подавали яства одновременно — одни ставили перед королем, другие перед царицей. Крайчий его величества служил у короля и его семьи, а крайчий царицы (был им Домарацкий) служил ей, послу и кардиналу. Тарелки перед королем и его семьею ставили вызолоченные, а для царицы, посла и кардинала серебряные, придворные. Так как молодая ничего не ела, то и посол не хотел ничего есть; он, кроме того, боясь царя, остерегался, как бы не дотронуться своею одеждою до ее платья, — он даже не хотел и садиться за стол, так что уже Сендомирский воевода убедил его сесть, сказав, что это нужно сделать. За столом, когда

король пил вино, все встали. Король пил за здоровье государыни, сняв шапку и немного приподнявшись со стула. Царица и посол стояли. Королевна послала к царице своего подчащего поздравить и пила за ее здоровье. Пока подचाщий говорил к царице, она сидела, а когда он кончил и королевна встала, то сейчас же встала и царица; обе они низко поклонились одна другой, царица, однако, поклонилась ниже. Потом царица пила здоровье королевича, а королевич здоровье посла. Посол, собираясь пить, встал со стула, стал за ним и пил за здоровье кардинала. Когда царица обратилась к послу и пила за здоровье царя (это она сделала по приказанию отца, перед которым, когда он подошел к ней, она не встала, привстала только немного, когда он отходил от нее), то посол встал со стула и, стоя подле него сбоку, выпил за здоровье королевича из другого бокала (из того, из которого пила царица, не хотел пить). Царице служивали за столом так же, как королевне.

В той же столовой, в которой кушал король, ниже королевского возвышения, вправо, стоял стол, за которым сидели: епископы Кувявский и Перемышльский, воеводы Ленчицкий и Серадский, кастелян Гнезненский, канцлер Великого княжества Литовского, кастелян Варшавский, Вышегородский и другие сенаторы. С левой стороны стоял другой стол, за которым сидели: сын посла и около двадцати человек москвитян. Тут же сидели: староста Пильзенский, Валецкий и многие другие старосты и дворяне его величества короля. Женщины обедали в особой столовой и еще в особой — придворные его королевского величества. Несколько каменных домов переделали для этого. Всего давали вдоволь, обед был самый щедрый и тянулся с час по наступлении ночи. Когда принесли королю плоды и сласти, то Сендомирский воевода поднес королю в подарок шесть больших позолоченных кубков; в это время все сидели. Королевне он поднес кувшин, таз — позолоченные, и кубок; королевичу — четыре вызолоченных кубка поменьше. Когда плоды сняли, посол встал со стула и подарил царице от себя шелковый, вышитый золотом ковер и сорок соболей.

После обеда начались танцы. Придворные маршалы, коронный и великолитовский, очистили место; король с царицей открыли танцы, причем канцлер Литовский с Гнезненским кастеляном с одной стороны, а Сендомирский воевода с Ленчицким воеводой — с другой, прислуживали. Кончив танец, король дал знак послу, чтобы шел танцевать с царицей, но он из уважения к ней не согласился и говорил, что не достоин того, чтобы прикасаться к царице. Король вторично пошел танцевать с королевной; при этом прислуживали: кастелян Гнезненский с кастеляном Варшавским, канцлер Великого княжества Литовского с кастеляном Ленчицким и великий маршал Литовский с королевичем. Потом танцевали — королевна с царицей, которой прислуживали фрациммер и некоторые сенаторы. Далее танцевал с царицей королевич, а Литовский канцлер с старостой Валецким и Сендомирский воевода с Ленчицким воеводой прислуживали. Во все время этого танца из других женщин танцевала только девица Осветимская с Хелминским кастеляном; другие девицы не танцевали. Королевна и царица, возвращаясь от танцев на свои места, низко кланялись королю (царица кланялась ниже, чем королевна), а затем, придя на свои места, кланялись одна другой, садились в одно место.

После танцев Сендомирский воевода подошел к королю и сказал царице: «Марина, поди сюда, пади к ногам его величества, нашего милостивого государя, моего и твоего благодетеля, и благодари его за столь великие благодеяния и проч.» Она подошла к королю (король встал), вместе с отцом они бросились к ногам его величества, и отец благодарил короля. Король поднял царицу, снял шапку, а потом надел ее и стал говорить царице речь, в которой поздравлял ее с браком и новым званием и внушал, чтобы она своего мужа (так он выразился), чудесно данного ей Богом, вела к соседской любви и дружбе для блага этого королевства, потому что, если тамошние люди (подлинные слова короля) прежде сохраняли с коронными землями согласие и доброе соседство, когда не были связаны с королевством никаким кровным союзом, то при этом союзе любовь и доброе соседство должны быть еще больше. Его королевское величество внушал ей, чтобы она не забывала, что воспитана в королевстве, что здесь Бог возвеличил ее настоящим достоинством, что здесь ее родители и близкие и дальние родственники, что она должна заботиться о сохранении доброго соседства между этими государствами и вести своего супруга, чтобы он своим дружелюбием, добрым соседством и готовностью оказывать услуги вознаграждал все то, что с любовью сделано ему нами, этим королевством и твоим отцом (слова короля). Король убеждал ее помнить приказания и наставления родителей, оказывать им должную честь, помнить Бога и жить в страхе Божием, так как за это ниспослано будет Божие благословение; своему потомству, если Бог даст ей его, чего король желал ей, убеждал внушать любовь к польским обычаям и вести его к хорошей дружбе с польским народом. Затем, сняв шапку, перекрестил ее, а она заплакала и опять с отцом упала к ногам его величества. То же она делала, подходя к королевне и королевичу. Посол внимательно слушал, когда король говорил к царице.

После этой церемонии Малогосский кастелян с Ваповским повели царицу к жене воеводы — ее матери. Там с ней прощалась королевна и делала ей прекрасные наставления. Король уехал во дворец. Когда король уехал, стали провожать посла, который по удалении царицы вышел в другую комнату; провожали его: Сендомирский воевода до кареты, а его друзья до самой квартиры посла; тут же были секретари короля, и посол ехал в королевской карете. Посол был доволен внимательностью к нему, но его дворяне не очень были довольны, потому что наши негодяи поотрезывали у них ножи, покрали у них лисьи шапки и две, кажется, шапочки, усаженные жемчугом, но посол приказал своим молчать. Некоторые из москвитян напились; за столом они ели очень грязно, хватали кушанья руками из блюд. Царица венчалась в белом алтабасовом, усаженном жемчугом и драгоценными камнями платье, очень дорогом; на голове у нее была небольшая корона, усыпанная очень дорогими камнями. Дай Бог, чтобы это торжество послужило ко благу христианского общества и, в частности, нашего королевства.

На следующий день давали ответ послу. Канцлер Великого княжества Литовского ответил от имени короля, что радуется счастливому вступлению на престол великого князя Московского и обещал показывать, с своей стороны, расположенность к нему, а что касается союза против турок, то об этом король и царь будут вести дальнейшие переговоры. Посол заявил, что он находит оскорбительным,

что его государя не называли царем, а только великим князем и государем. Я забыл сказать, что во время брачного пиршества его оскорбляло то, что во время танцев царица падала к ногам короля. На это ему ответили, что король — ее благодетель и что она — его подданная, пока находится в королевстве. Я забыл также сказать, что когда за столом посол не хотел есть и король послал к нему г. Воину спросить, почему он не ест, то он ответил, что холопу не следует есть с государями. Король вторично послал сказать ему, чтобы ел, потому что представляет собою лицо государя; он ответил: «Благодарю его королевское величество, что угощает меня во имя моего государя, но прошу позволить мне не есть за столом столь великого государя короля Польского и ее величества Шведской королевны; я доволен и тем, что смотрю на дела (?) государя и короля Польского и государыни королевны Шведской». Потом король пил к нему за здоровье его государя и четыре раза наполнял чашу, хотя всего-то вина в ней было едва четверть кварты. Посол пил и после, но мало и осторожно, часто поглядывая на невесту своего государя. Когда пили за здоровье царя или царицы, он вставал со стула и, как слуга, бил челом.

(Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. I. Стб. 51—72).

№ 7

1605 г., декабря 3. — Из письма Нери Джиральди великому герцогу тосканскому о обручении Марины Мнишек

<...> После последнего моего письма к г. кавалеру Винта совершилось здесь бракосочетание дочери Сендомирского палатина с большим великолепием и в присутствии шведского короля, шведского князя, сестры его, шведской инфанты, и многих сенаторов. Обмен брачных колец между невестой и московским послом (действующим от имени своего государя) совершал, по католическому обряду, г. краковский кардинал, архиепископ всего королевства. А так как дом краковского палатина Феликса Мнишка, занимаемый невестой, оказался слишком тесным для ее свиты, то взято было в наем еще два другие дома, находившиеся с ним рядом. Княжна Мнишек была убрана драгоценными камнями, каких я смело могу сказать, что нигде не видал; но более всего отличались жемчужные нитки, вплетенные в распущенные косы княжны (подобно тому как у нас распускают косы при обряде пострижения в монахини), составлявшие также корону на макушке ее красивой головки. Затем два сенатора ввели ее в столовую залу, а за ней шли шведская инфанта и дамы в платьях из золотой парчи с зеленою тканью и с богатыми ожерельями на шее; затем последовали жены и дочери вельмож. Стол, приготовленный для польского короля, был поставлен на возвышении и над ним висел балдахин. К обеду короля приглашены были король шведский с князем шведским и г. кардинал; также новобрачная княжна, шведская инфанта, г. нунций и московский посол, а за прочими столами находились сенаторы и дамы.

После первого блюда явились москвитяне из свиты их посла и каждый поднес молодой княжне богатый дар от имени своего государя. Первый нес подарок, который состоял из ларчика, наполненного жемчугом и драгоценными камнями; второй — изображение Пресвятой Девы <...>, обделанное наполовину золотом, с камнями; после чего поднесли ей вызолоченного пеликана посредственной величины, такого же оленя и павлина (последний из чистого серебра), вызолоченный корабль порядочного размера со всеми его принадлежностями (того же металла и вызолоченный); два большие золотые кубка московской формы с множеством камней; глиняную чашу, украшенную золотом и камнями, изящной работы, с крышею, на которой было изображение дракона; большое бюро, произведение немецкого или фламандского мастера, из черного дерева, с серебряными вызолоченными фигурами и с несколькими камнями, внутри его были колеса со звоном, а наверху — слон с часами, вставленными в его корпус, и разными вокруг него предметами звериной ловли, что все приходило в движение посредством внутреннего механизма; четыре связки соборей, лучше которых никогда, как говорят, отсюда не вывозили, и множество персидских золотых камней для одежды, удивительных рисунков и работы. После того г. палатин подарил своей дочери серебряный позолоченный умывальник (несколько более среднего размера), на котором сделан был искусный барельеф, изображающий морское сражение: перед тем он был подан для умывания королю.

Во время пира его величество выпил бокал за здоровье московского великого князя и его посла. Когда столы были убраны, то начались танцы, открытые его величеством с новобрачной, вскоре после чего она удалилась <...>

Московский посол и новобрачная, московская великая княгиня, распростились с его величеством, дабы не находиться при свадьбе короля по причине порядка первенства шестий на этих церемониях; поэтому положено было, что московская княгиня отъедет в путь с многочисленную свитою, останавливаясь в поместьях ее родителя, находящихся по дороге, а г. палатин останется здесь один и по совершении уже королевского брака уедет в Московию <...>

*([Чиямпи С.] Критический разбор
неизданных документов, относящихся
до истории Димитрия. С. 458—460).*

№ 8

1605 г., декабря 22. — Грамота Лжедмитрия I Сандомирскому воеводе Юрию Мнишку о получении известия о совершении обряда обручения с Мариной Мнишек

Мы, пресветлейший и непобедимейший монарх Димитрий Иванович, Божиею милостию император и великий князь всея России и всех татарских царств и иных многих, московской монархии покоренных областей государь и царь.

Из писем ваших, чрез Липницкого, а потом вскорости чрез Пелчицкого, присланных також и чрез посланника нашего, там обретающегося, известие имеем, что, волею всемогущего Бога, дочь

ваша, панна Марина, нам в цесареву и супругу чрез господина ксенза кардинала обручена; и все церемонии, по принадлежности, с пристойным нашим и упомянутой пресветлейшей цесаревы почетом отправлены. За что мы как Господа Бога восхваляем, который нас во всех делах наших явственно благословляет; так вам весьма благодарствуем, что милость ваша с такою охотою нам в супружество дочь свою отдать и нас в отправлении того благополучного акта во всем охранять изволили. Сие за благо приемля, мы обещаем воздавать вам всякое благодарение наше, обнадеживая, что вы о том своем постоянстве не токмо сожалеть не будете, но вящую радость и пользу с вечною дому своему славою получите; токмо желаем, дабы милость ваша с продолжением к нам благосклонности своей как наискорее к нам поспешили с любезными благоприятными гостями, несмотря ни на какие расходы; а мы с великою радостью ожидаем. Как Липницкий к нам приехал, тотчас мы курьера нашего к вам с нужными к его королевскому величеству письмами и к вам отправили, с которых писем копию, для всякого случая, к вашей милости посылаем. Впрочем, желаем вашей милости доброго здравия.

Дана в царствующем нашем граде Москве, лета Господня 1605, декабря 22 дня, государствования же нашего первого года.

Димитрий, друг и сын.

(СГГид. Ч. 2. № 110. С. 237—238).

№ 9

1606 г., мая 8 (18). — Чиновный список свадьбы Лжедмитрия I с Мариной Мнишек (отрывок)

<...> а итти государыне и <...> избу к обручению наперед <...> а перед государынею итти друзьям, а за ними протопопу с святою водою, да со крестом, в патрахели и в поручах саженьх, а за государынею итти свахам всем и боярыням сидячим; а вести государыню под ручку воеводе, отцу ее, да княж Федорове княгине Ивановича Мстиславского. И пришед в столовую избу, протопопу благословить государыню на место крестом; а как изготovitца все, и итти к государю сказати про то дружке, бояром князю Дмитрею Ивановичю, да Григорью Федоровичю, да рождественскому протопопу. И государь поидет из хором в столовую ж избу, а перед государем итти поезду и друзьям всем да протопопу с святою водою и со крестом; а пришед, протопопу говорити «Достойно есть» и благословить государя и государыню крестом; да говорит протопоп молитвы обручальные по чину, а дружки в те поры режут караваи и сыры и подносят щиринки. А как обрученье отойдет, и государю и государыне итти в Грановитую полату постелным крыльцом; а путь слати сукна и бархаты из столовые избы от царского места до Грановитые полаты до царского места и до Пречистой, и в Пречистой вдвое. А в столовой у обрученья быти одному воеводе Сендомирскому да тем, которые в поезду; а воеводиным приятелем и литовским послом всем дожидатись государева выходу в Золотой полате, послати полавочники бархатные.

И как государыня придет в Грановитую полату к цесарскому престолу, и сядет государь; и в те поры, пришед к государыне, говорит речь тысячному боярину князю Василию Ивановичу: «А наяснейшзя и великая государыня цесарева и великая княгиня Марья Юрьевна всеа Руси! Божьим праведным судом и за изволением наяснейшего и непобедимого самодержца великого государя Дмитрея Ивановича, Божьею милостию, цесаря и великого князя всеа Руси и многих государств государя и обладателя, его цесарское величество изволил вас наяснейшую великую государыню взяти себе в цесареву, а нам в <...> и, Божьею милостию, обручанье ваше цесарское ныне свершилось; и вам бы наяснейшей и великой государыне нашей, по Божьей милости и по изволению великого государя нашего, его цесарского величества, вступить на свой цесарский маестат и быти с ним, великим государем, на своих преславных государствах».

А изговоря, протопопу благословить крестом на место; и как государыня сядет на своем цесарском месте, и в те поры велит государь итти литовским послом и воеводиным приятелем, по списку; взяти список у воеводы. А явить литовских послов Офонасью; и государь пожалует велит литовским послом сести по-прежнему, а воеводе сидети на старом месте, а бояром и околничим и дворяном всем сидети по местом, а поезду стоять.

А патриарху б со всем собором притти в церковь на третьем часу и пети молебны; а в навечерье того дни велети в соборной церкви, и по монастырем, и по всем церквам пети всенощное и празновати Троице. А чин в соборной церкви устроити: поставити серед церкви налой с поволокою, где стояти царскому чину, а поволока прежняя; да устроити чертожное место, зделати новое пошире старово, а у него 12 степеней, обалочи багрецом; да поставити государю престол персицкой золот с камением, да колодка золотная, а с правую сторону поставить стул патриарху, а с левые государыне цесареве поставити стул большой золотой, да колодочка золотная бархатна, или камчатая. А от чертожного места слати сукна ж багрецовые и бархаты государю и государыне з золотом, а патриарху бархат черн; и поставити от чертожного места по обе стороны скамьи, где сидети влаstem; а послати полавочники государевы 2 на ряд с плетенки. А устраивати околничему Ивану Федоровичу Колычеву да думному дворянину Григорью Микулину, а с ними земским приказным людям и дьяком.

А как в соборной церкви уготоваетца, и государь пошлет на казенной двор по царский чин; а итти постелничему Семену Шапкину, да стряпчему князю Луке Львову, да протопопа Федора, да дву дьяконов благовещенских. И как царский чин принесут, и государь цесарь и великий князь цесарский чин велит принятьи конюшему Михайлу Федоровичу Нагово и поднести к себе, и прикладываетца к животворящему кресту и целует коруну; а духовник говорит: «Достойно есть». Потом пошлет с Михайлом же тот царский чин к государыне цесареве, и государыня сступит с своего места, ступени с три, и прикладываетца к кресту и целует коруну, и, приложась, велит государь принятьи крест, и коруну, и диадиму протопопу Федору и нести на главе, покрыв пеленою, ко Пречистой Богородице; и отпустить их в соборную церковь ко Пречистой Богородице з боярином с Михайлом Федоровичем, а блюдо нести диаку Федору Янову. А в

то время, как несут, звонити во все колокола; и встретит чин царский патриарх у дверей, вышел ис церкви со всем собором, а принять у протопопа царский сан митрополитом Ноугородцкому да Ростовскому, и поднесут к патриарху, а патриарх поставит на налое. А проводя, боярин Михайло Федорович поидет ко государю и скажет, что уготовано. А в церкви у царского сану и у места оставити околничего Ивана Колычова, да думного дворянина Григорья Микулина, да диака Федора Янова.

И государь цесарь и великий князь Дмитрий Иванович всеа Руси, и государыня цесарева, и великая княгиня Марья Юрьевна всеа Руси поидут в соборную церковь вместе, по ряду; а вести государя под правую руку воеводе Сендомирскому, а государыню вести под левую руку Мстиславской княгине. А перед государем итти столником и стряпчим, да воеводиным приятелем и послом, а за ними поезд; а за поездом нести скифетр князю Василью Васильевичу Голицыну, яблоко нести Петру Федоровичу Басманову; а достальным бояром, и думным людям, и дворяном, и приказным людям и приятелем воеводиным итти за государем. А протопоп Федор, отнесчи коруну, сняв с себя ризы, в патрахели идет ко Пречистой, перед государем и перед государыней кропит. А на крыльце, для береженья, быти головам стрелетцким двум человеком; а по пути уставливати народы: по праву от Грановитые полаты головы два человека, а с ними 10 человек сотников, да 200 человек стрелцов; а по леву от судных полат головы ж 2 человека, а с ними 10 человек сотников, да 100 человек стрелцов; а рыцарем и дробантам своими капитаны стоять по чину по обе стороны, да с ними стрелцы Посников приказ Огарива.

А как войдет государь и государыня в церковь, и пети многолетье государю, а государь прикладываетца к образом к Пречистой Богородице к чюдотворному образу да к чюдотворцам к Петру и к Ионе; а государыне итти за государем, а вести под руку воеводе да княж Федорове княгине Мстиславского, да перед нею ж итти дружкам, а позади итти свахам, а у образов и у чюдотворцов, где государыне прикладываетца, приступцы сделати колодочки, смотря по местом. А в церкви в те поры уставливают народы околничие да столники. А патриарх от себя пошлет архимарита, да игумена, да ключарей; и как государь и государыня, прикладываясь у образов, придет к патриаршу месту, и патриарх со всеми властями поклонитца государю и государыне, и благословит государя и государыню, и возведет государя и государыню на чертожное место; а вести государя под правую руку патриарху, а государыню под левую руку митрополиту Ноугородцкому. А власти сядут по скамьям, а бояре станут за государем у столпа по правую сторону, а по левую сторону стоять боярынем; а стоять у патриарха архидиакону да протодиакону, по правую сторону за государем, а боярынем по левую сторону у государыни, пониже чертожного места.

И, посидев, государю говорити речь патриарху; и патриарх благословит государя и государыню и говорит государю речь. И после речи велит патриарх 2 архимаритом Троетцкому да Володимерскому, да игумену Пахнутьевскому да Осифскому принести животворящей крест на другом, на златом блюде; а у них примут 2 архиепископа Смоленской да Резанской и поднесут к патриарху, и патриарх,

поцеловав, благословит и положит на государыню цесареву; и архидаион начнет малую октенью, и по октенью государыня преклонит главу, и патриарх возложит на верх главы государыни руку, и говорит молитву во услышание всем. И по молитве пошлет патриарх архимарита Володимерского да Спаского, да игуменов 2 Борисоглебского <...> да Угрешского, по барму, по диадиму; а у архимаритов приимати митрополит Крутитцкой, да архиепископ Суздальской, и принесут к патриарху, и патриарх, приняв, целует и знамянует ими государыню цесареву, и государыня их целует; и патриарх возложит на государыню, и благословит крестом, и говорит молитву. И по молитве пошлет патриарх по царскую коруну архиепископов дву, архангелского, астраханского, да архимаритов двух, Симоновского да Ондриковского; а у них примут митрополиты Ноугородцкой да Ростовской, и принесут к патриарху; и патриарх, прекрестив рукою, благословит государыню крестом и положит на нее. А свахам перед тем, как принесут коруну, сняти венец, в котором будет государыня; а в то время позакрyti покровцы низаными. И потом митрополиты, и архиепископы и епископы, вшед на место, благословляют государя и государыню. И после того государь, приняв государыню за десную руку, посадит и сам сядет; и, посидев мало, цесарь и цесарева и патриарх встанут, а архидаион начнет октенью болшую; и по октеньи патриарх говорит молитву Пречистей. И по молитве цесарь и цесарева, и патриарх и власти сядут на своих местех, и архидаион кличет на амбоне многолетье государю и государыне цесареве, и священники в олтаре поют многолетье по трижды. И по многолетье патриарх, встав со всеми властями, поздравляют государя и государыню; а после того здоровают государю и государыне бояре, и дворяне, и всякие люди.

А после совершения молебна, государь и государыня и патриарх соидет с чертожного места и начнет обедню; а государь цесарь станет на своем цесарском месте, а государыня поидет в придел Дмитрея Селунского, а с нею свахи и боярыни немногие, кому государь укажет. А после херувимской, как осеняют свещею, положит патриарх на государыню чепь злату Манамахову, а государю итти с государынею вместе. А как учнут пети кенаники, и в те поры постелничему Семену Шапкину послати перед царскими дверми ковер, а на верх ковра бархат золотной; а архидаион и протодаион зовут государыню цесареву на помазание и к причастию, и государыня поидет к причастию, а государь поидет с нею ж. И после совершения обедни, тутю же, перед царскими дверми, быти венчанью, а венчати протопопу Федору, а патриарху и влаstem стояти на своем месте. А у государя и у государыни стоять тысячцкому, и дружкам, и свахам, а бояром и думным людем стояти за царским местом, а народ в те поры из церкви выслати; а с вином церковным стоять и наряжать Офонасей Александрович Нагово, а у государыни свахе, Ондрееве жене Александровича. А осыпати государя цесаря и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Руси боярину князю Федору Ивановичу Мстиславского, у Пречистые на рундуке, как поидет из дверей; а миса держати казначею Василью Головину, а золотые и денги носить казенному диаку меншому Булгакову. А пути все слати

сукны багрецы, а на них бархаты; а слать казначею Василью Петровичу Головину да казенным 3 диаком.

А как из дверей поидет, и в дверех осыпати трижды, и итти к Грановитой полате в столовую избу, и у Грановитой полаты и у столовой осыпать везде по трижды; а литовских послов отпустить от Пречистые.

А пришед государь в столовую избу, посидит немного за столом до третьей есты, а есты подать приказные, а поидет государь в свои хоромы; а поезду провожать до постелных хором, а воеводе Сендомирскому и тысячцкому до постели. А за столом быти воеводе, и приятелем ево, и бояром немногим. А болшого стола на первый день не будет, а быть болшим столом в Грановитой полате по три дни; сидеть воеводе, и послом, и приятелем воеводским в кривом столе, а против их; и потчивать боярин Петр Федорович Басманов, да околничей князь Григорей Ромодановской, да думной дворянин Григорей Микулин, да приставы. А слугам воеводцким, и посолским, и жолнырем лутчим, выбрав человек до полутораства, посадити в Золотой полате; а потчивать их думным дворяном Иван да Гаврило Пушкины, да дяк Олексей Шапилов. А мусике на первый день не быть, а быть в Грановитой полате за болшим столом.

(СГГид. Ч. 2. № 138. С. 289—293).

№ 10

1606 г., мая 8 (18). — Из «Записок» Станислава Немоевского о венчании на царство Марины Мнишек

Венчание на царство государыни имело место в большой кремлевской церкви, которая сведена в пять немалых куполов, покрытых вызолоченною жестию, куда наперед патриарх и много владык и попов, с каждением и трезвоном, внесли корону и воротник на плечи, вышитый жемчугом и сапфиром.

За сим дано знать великому князю. Место, по которому он должен был идти из своих покоев (это было, как из королевских покоев в Кракове, именно, из замковых ворот), по земле покрыто красным голландским сукном, по нему темно-коричневая турецкая парча в два полотнища, которая, пожалуй, и не была очень богата, но, тем не менее, не без цены. Когда великий князь уже имел итти, нам, полякам, указано ждать в сторонке от того места, по которому шел, в том сводистом помещении, где обыкновенно заседают бояре с москвитянами, которые шли в таком порядке:

Впереди шли, парами, человек сто, нечто вроде дворян (их они называют «боярскими сыновьями»), а за ними около шестидесяти думных бояр, все в парчевых армяках, вложивши руки в рукава, с жемчужным обручем на шее, в три пальца ширины (они его называют «ожерельем»); головы у всех оскоблены, в жемчужных ермолках, более бедные — в парчевых, и в чернобурых шल्याках, сделанных некрасиво, по мере достатка. Таков у них обычай, что <...> в каждый из больших праздников (они их называют «празник») оскобляют себе лбы — ведут они его от Ветхого Завета, — что омыты, де, от греха; частью, взяли от татар, от своих некогда господ, будучи у них долгое

время в неволе, о чем ниже будет речь обстоятельнее. Все они шли без оружия: никто не смеет носить его в городе, того более, приезжать с ним в Кремль, разве что в дороге. Если же один оговорит другого, то о поединке речь неслыханная, а тузят друг друга кулаками в бока, или рукавами по губе, выпустивши их из рук. Удара в лицо никто не боится, хотя бы он был от преступника, но боятся от ногтя.

За боярами шли четверо в белом бархате, в рысьих, из передних частей, шल्याх, с широкими секирами на плечах, а перед самым великим князем мечник Михайло Шуйский, племянник нынешнего великого князя, с мечем наголо, долгим и широким, в парчевой шубе, подшитой неважными соболями, руки всунуты в выпуски; шуба имела вид реверенды, какую употребляют наши придворные ксендзы.

Ношенья этого меча раньше у них не было в обычае; он только что введен, когда узнали, что такая церемония бывает у нашего короля in solennitatibus.*

Все они имели на себе немалые золотые цепи, а многие из них и по две, крестом. По сторонам шли немцы-алебардники с алебардами; сам великий князь, облаченный regaliter,** в короне, в парчевом, [с] жемчугом и сафирами, небольшом армяке, с руками в рукавах а равно с воротником на плечах. С правой стороны его сопровождал г. Малаговский, посол его в-ва короля, с левой — дядя великого князя, Михайло Нагой, тогда конюший (но нынешний сейчас же устранил его от этой должности, которая у них считается первою, и передал ее своему брату). Потом шла государыня, одетая по-московски, в парчевом, вышитом жемчугом платье по лодыжки, в подкованных червонных сапожках. С правой стороны ее сопровождал отец, его милость г. воевода Сендомирский, с другой — княгиня Мстиславская, в атласном платье, лоб в золотом головном уборе, лицо толсто смазанное белилами и румянами. За нею шли дамы — приятельницы государыни и четыре московских дамы. Остальной женской челяди не приказано выходить из их помещения.

Вошедши в церковь, великий князь бил челом перед образами. Посол, г. Малаговский, который, как сказано, провожал его, снял свою магерку с перьями. Тогда подошел к нему канцлер, Афанасий Власьев, и сказал ему:

— Дай, я подержу тебе шапку.

Посол ему дал, а он, взявши ее, приказал вынести ее из церкви. Препроводив великого князя к трону, г. посол напомнил ему, чтобы тот возвратил шапку, но он отделялся, смеясь, словами: «будет», то, другой раз, — «уже скоро будет», то, наконец, — «однако в церкви теперь не студено» (т. е. теперь не холодно), «солнце тебя также не освещает, и ты видишь, здесь никто на голове не имеет шапки», — и так ему воротить не хотел, пока не вышли из церкви, и это для того, чтобы посол не надел шапки на голову, с неуважением места, действия и особы великого князя. Нам передавали, что дело было задумано раньше, чем вошли в церковь, и было видно, что они были удовольствованы, что замысел их удался, говоря про себя: «Надули мы „литву“». Но вскоре потом этот злой и предательский народ надул нас, но о чем ниже.

* При торжествах (лат.).

** По-царски (лат.).

В церкви у дверей (входили боковыми) был построен высокий трон, на который вело около 12 ступенек, покрытый красным тонким сукном. На нем стояли три низких бархатных престола, без поручней: черный — по правую руку, на котором сидел патриарх, и два красных для высоких молодых. Посредине сидел великий князь, подле него великая княгиня, и все трое — поодаль друг от друга.

Внизу, с правой стороны трона, поставили гг. послов его в-ва короля с господами приятелями великой княгини, у колонны, где не было ни форм, ни лавок. От трона к алтарю в два ряда сидели на скамьях владыки, облаченные в свои ризы, wladicaliter,* каждому из них, удаляя челом, кладет священник под ноги вышитые войлочные кружки.

Потом один из священников поставил столик перед наистаршим и, влезши на него, обратился спиной к алтарю, а лицом к великому князю, и быстро стал бормотать, раскрывши пред собою книги; это продолжалось с четверть часа. Пред этим несколько священников что-то пели по книгам; но их нельзя было понять, кроме одного «Господи, помилуй», так как они повторяли это более ста раз.

Когда они замолкли, двое старейших владык взяли корону, которая стояла перед алтарем на позолоченной миске, затем бармы, что на другой, и понесли на трон к патриарху, который, благословив и окадив корону, возложил ее на голову стоявшей великой княгини и, благословив ее самое, поцеловал в плечо. За сим, наклонивши голову, великая княгиня, со своей стороны, поцеловала его в жемчужную митру. Как скоро патриарх отошел на свое место, все владыки попарно поднимались на трон и благословляли великую княгиню, касаясь ее двумя пальцами — ее чела и плечей, крестом; взаимное же целование с владыками отбывалось тем же порядком, как с патриархом.

После второго бормотания того же священника двое из старейших владык принесли бармы, которые с теми же церемониями, как и корону, возложил на плечи великой княгини патриарх, а благословение и целование отправлял он так же, как и раньше, так и все владыки.

За сим началась «обедня» по русскому обряду, к концу которой сошли с трона князь и княгиня. Великий князь стал у боковых дверей (ими мы входили) в своей форме, сделанной наподобие церковной кафедры, расписанной золотом, а великую княгиню, с несколькими дамами, провели в занавес, за алтарь.

После этого подошел к нам, полякам, канцлер Афанасий с просьбой выйти наперед из церкви, говоря, что и государь уже имел выйти. Мы удовлетворили его требование; но государь задержался в церкви, а двери за нами заперли. Спрашиваем мы, что же там будут делать с нашей девицей? Но москвитяне нас утешают:

— Не бойтесь, ей ничего не будет!

Позже мы узнали, что государь приказал нам выйти затем, что устыдился брачной церемонии, которая, как передавали нам после наши дамы, что оставались при государыне, была такова:

Оба стали пред патриархом, который, благословив, дал им по кусочку хлеба, чтобы ели, потом чашечку вина; наперед пила государыня; что осталось, то, взяв от нее, выпил государь, а чашечку бросил о землю на сукно; но она не разбилась, и патриарх ее растоптал, и такими церемониями бракосочетание закончилось <...>

* Т. е. по-архиерейски.

Вплоть до своих комнат шли в коронах великий князь и княгиня, в сопровождении всех нас, кроме гг. послов его в-ва короля, которые, проводивши до церкви, сейчас же отъехали в свое поместье. Обед высокие молодые имели *privatim* у себя в комнате, даже и в спальню, кроме некоторых дам из родни, которые провожали молодую, никто не входил.

(Титов А. А. Записки Станислава Немоевского (1606—1608) // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. Отд. 2. С. 56—60).

III. ПИСЬМА МАРИНЫ МНИШЕК 1609—1610 ГОДОВ

№ 1

1609 г., января 15. — Письмо Марины Мнишек папскому нунцию в Польше Сермонту

Высокопочтеннейший и пречестнейший о Христе отец!

Как вельможный господин воевода, любезнейший наш родитель, вознамерился ехать в Польшу, то мы, пользуясь таким случаем, почли непременно долгом поздравить вас сим писанием и пожелать вам вожделенного здравия и всякого благополучия. Поелику мы всегда имели совершенное благоговение к римско-католической вере и обыкли сохранять должное уважение к престолу апостольскому, то почитаем обязанностью воздавать всякую честь и посланникам святого престола оного.

Достопочтенный господин Рангони, нунциус достойнейший, предместник ваш, всегда оказывал нам великие услуги свои и изъявлял особенное некоторое душевное расположение: надеемся совершенно, что и вы, высокопочтеннейший отец, приняв место его, не отречетесь принять то попечение, каковое он имел о нас.

Мы находимся теперь в лагере под столичным городом Москвою; дела наши в таком положении, в каком благоволил быть оным всеблагий Бог; о сем подробней уведомит вас податель сего письма. Затем, препоручая себя и всех своих вашим святым молитвам, испрашиваем от вас апостольского благословения. Что же касается до нас, то будьте уверены и благонадежны, что мы потщимся употребить все меры и все силы к тому, что только будет относиться к славе всемогущего нашего Бога и распространению римско-католической веры. Паки препоручаем себя любви, благосклонности и святым молитвам вашим.

Дано в лагере под столичным городом Москвою, 15 генваря, 1609 года.

Марина, царица московская.

(СГГид. Ч. 2. № 170. С. 349—350).

1609 г., январь. — Письмо Марины Мнишек отцу, Юрию Мнишку

Милостивый государь мой батюшка!

С низжайшею моею покорностию поручаю себя вашим милостям. Не знаю, что писать к вам в печали, которую имею, как по причине отъезда вашего отсюда, что я осталась в такое время без вас, милостивого государя моего и благодетеля, так и потому, что с вами не так простилась, как проститься хотела, а паче я надеялась и весьма желала, чтобы из уст государя моего батюшки благословение получить, но, видно, того я была не достойна.

Ныне, чрез сие письмо, припадая к стопам, во-первых, в том прощения со слезами покорнейше прошу, что если я когда-нибудь по неосторожности, с умысла, по глупости, молодости или злости чем-нибудь вас прогневала, благоволили бы, милостивый государь мой батюшка, теперь мне все оное отпустить и послать благословение дочери своей, в печали и разлуке оставшейся; что я величайшим счастьем почитать буду. При сем всепокорно прошу, дабы вы, милостивый государь мой батюшка, забывать не изволили, как меня, так и дел моих, имеющихся в Польше, равно и тех, которых сами вы, уехав, не кончили; пиша к его царской милости, упоминали бы и обо мне, прося его о том, дабы я у него почтение и милость иметь могла; а я также, милостивый государь мой батюшка, обещаюсь вам исполнить все то, что вы мне поручить изволили, и так поступать, как вы мне повелили.

Коморский еще не едет, и я думаю, что путь его продолжится в рассуждении нескорого отправления от его царской милости; видно, неугоден скорый его отъезд.

Прошу вас, милостивый государь мой батюшка, чтоб я, по милости вашей, могла получить черного бархату узорчатого на летнее платье для поста, двадцать локтей, прошу усиленно.

Посылая к господам весьма нужные письма и ко ксензу Вислею, прошу их доставить. С сим сама себя и низжайшие мои услуги поручаю в любовь милостивого моего батюшки.

Писано в лагере под Москвою.

Милостивого государя моего батюшки покорная слуга и дочь

Марина, царица московская.

Ниже сего приписано:

Милостивый государь мой батюшка! Я не имею у себя ни... ни сундучка; прошу вас, если можно будет, прислать мне оные зимою; а я все те исправлю ваши родительские дела, которые мне сообщены от г. брата реестром.

(СГГД. Ч. 2. № 171. С. 351—352).

№ 3

1609 г., января 26. — Письмо Марины Мнишек отцу Юрию Мнишку

Милостивейший мой государь родитель!

С низайшею моею покорностию поручаю себя вашим милостям.

По отъезде вашем, милостивый мой государь родитель, весьма для меня печальном, и я не могу ни в чем более находить удовольствия и утешения, как осведомляться о добром вашем здоровьи и благополучном состоянии и спрашивать о том, о ком желательно мне чаще слышать. Ныне, при отъезде господ послов в Польшу, почла я за необходимое дело, известясь о добром здоровьи вашем, моего милостивого государя родителя, и уведомив также о своем, по милости Божией, благополучном здоровьи, убедительнейше просить о том, дабы вы, милостивый государь родитель, тем послам, которые отправляются к его величеству королю, изволили дать милостивый совет, всякое пособие и помощь в скорейшем и успешнейшем отправлении, чтобы оные дела наилучшим образом произведены были; понеже то весьма нужно и его царскому величеству и делам нашим московским. К тому же, дабы оные послы там в Варшаве могли иметь при себе несколько воинских пехотных людей, как для вящей учтивости и почтения его царского величества, так и для тех дел, которые будут отправлять.

Все сие, милостивый государь мой родитель, поручаю вашей милости и усмотрению. За тем, при пожелании вам от Господа Бога доброго здравия и благоденствия, низайше препоручаю себя любви и милости родительской.

Дано в лагере под Москвою, 26 генваря, 1609 года.

Низайшая слуга и дочь послушная

Марина, царица московская.

(СГГид. Ч. 2. № 173. С. 353—354).

№ 4

1609 г., марта 23. — Письмо Марины Мнишек отцу Юрию Мнишку

Милостивейший государь мой родитель!

При засвидетельствовании низайшего моего почтения, усерднейше поручаю себя вашей родительской милости.

В течение столь долгого времени я в той надежде находилась, что вы уже щастливо, в добром здравьи, из России к государыне матушке моей приехать изволили; ныне же получила я известие, что вы, милостивый государь мой родитель, в дом свой еще не прибыли. Сие весьма беспокоит и удивляет меня, что доселе не имею достоверного известия, где вы теперь и в каком положении находитесь; то я из сего разумею, что или сеймовые нужды, или его королевское величество вас на столь долгое время отвлекают; почему низайше прошу, дабы вы, по своей ко мне любви, не оставили уведомить меня о вашем

благосостоянии, а особливо о делах российских, как оныя текут по вашему старанию (на которое, по Боге, моя надежда): а я желала новое и радостное вам, милостивому государю моему родителю, сообщить известие, но еще не вижу ничего, кроме того, в каком состоянии оные дела были при вас, в таком и ныне, только войско польское удержано до того времени, хотя бы и платы оному не было, пока всемогущий Бог к желаемому все то приведет окончанию.

Господина гетмана на сражении под Москвою ранили, но, при надежде на Бога, никакой не видно опасности.

О себе доношу вам, что я в добром здравьи нахожусь и, усерднейше вручая себя вашей любви и милости родительской, нижайше прошу не оставлять меня в оных.

Дано в лагере под Москвою, 23 марта, 1609 года.

Нижайшая слуга и дочь послушная

Марина, царица.

В сие письмо вложена особая записка, писанная также Мариною:

О делах моих не знаю, что писать, кроме того, что только отлагательство со дня на день, нет ни в чем исполнения, со мною поступают так же, как и при вас, не так, как было обещано при отъезде вашем родительском; о чем я хотела более к вам писать, только господин коморник очень спешит, для того вкратце пишу, своих людей не могу послать, ибо надобно дать на пищу, а я не имею. Помню, милостивый государь мой батюшка, как вы с нами кушали лучших лососей и старое вино пить изволили, а здесь того нет; ежели имеете, покорно прошу прислать.

(СГГид. Ч. 2. № 178. С. 359—361).

№ 5

1609 г., августа 10.—Письмо Марины Мнишек к отцу Юрию Мнишку

Ясновельможный милостивейший государь мой родитель!

При засвидетельствовании нижайшего почтения моего, милости вашей государя родителя себя вручаю.

Исполняя долг мой, никакого случая не оставляю, чтобы письменно не осведомиться о здравьи вашем, милостивого государя моего родителя, хотя в сие время я несколько уже писем к вам послала, на которые никакого, а наипаче в необходимых делах, ответа не получила; некоторые из оных писем я сама писала, что меня весьма удивляет, ибо я, при нынешней печали моей, не зная какой оборот примут дела российские, ни в чем более не нахожу утешения, кроме как чаще получать письма от вас, государя моего родителя, и из оных радоваться о добром здравьи и благосостоянии вашем и в том бы полагать свое удовольствие; о чем усильно прошу, дабы вы, милостивый государь мой родитель, меня в том оставлять не изволили.

Я, по милости Божьей, теперь нахожусь в добром здравьи; о будущих же делах российских и о вожденных успехах дома нашего

писать еще нечего, так как оное находится в руках Божиих и его святого промысла.

При сем желая вам доброго здоровья и при благословении Божиим всякого благополучия, милости и любви отеческой себя вручаю и прошу о непрерывном оных продолжении.

Дано в лагере под Москвою, 10 августа, 1609 года.

Нижайшая слуга и дочь послушная

Марина, царица.

(ССГид. Ч. 2. № 187. С. 373—374).

№ 6

1610 г., января 15. — Письмо Марины Мнишек польскому королю Сигизмунду III

<...> Милость вашего королевского величества, столь часто испытанная семьей моей и моей особой, сама налагала на меня обязанность обратиться в моем осиротении к защите вашего королевского величества. Но злополучное пленение мое, почти лишившее меня свободной воли, отняло у меня возможность прибегнуть к этому надежнейшему и вернейшему утешению. Теперь, когда ваше королевское величество изволили вступить в пределы Московского государства, со своей стороны, я искренно желаю, чтобы добрые замыслы, удачное начало предпринятого дела шло успешно, и предприятие окончилось благоприятно.

Уж если кем счастье своевольно играло, — так это мной, ибо оно возвысило меня из шляхетского сословия на высоту Московского царства, с которого столкнуло в ужасную тюрьму, а оттуда вывело на мнимую свободу, из которой повергло меня в более свободную, но и в более опасную неволю. Теперь оно поставило меня в такое положение, что я при своем сане не могу жить спокойно. Приняв все это с благодарностью от Всевышнего, его святому Провидению препоручаю свои дальнейшие дела. Я твердо убеждена, что Он, различными средствами делающий многое, и теперь, в этих превратностях моей судьбы, по благости своей пожелает поднять меня и спасти. А так как ваше королевское величество изволили быть причиной и споспешником первого моего счастья, то я возлагаю полную надежду на Господа Бога, что и в этой моей скорби окажете свое милосердие.

Всего лишила меня превратная фортуна, одно лишь законное право на московский престол оказалось при мне, скрепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех государственных московских чинов. Теперь я все это представляю на милостивое и внимательное рассмотрение вашего королевского величества. Я убеждена, что ваше королевское величество после мудрого обсуждения обратите на это внимание и по природной доброте своей примете меня, а семью мою, которая в значительной мере способствовала этому своей кровью, храбростью и средствами, щедро вознаградите. Это будет служить несомненным залогом овладения Московским государством и прикрепления его обеспеченным союзом, с благословенья Божья,

которое щедро вознаграждает за справедливость. Желая чего, я препоручаю себя защите и милостивому вниманию вашего королевского величества.

(Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 179—181).

№ 7

1610 г., февраль. — Из письма Марины Мнишек тушинскому «воинству»

<...> Не могу уже дальше быть к себе жестокой, попать, отдать на произвол судьбы и не радеть о том, что люди добродетельные ставят выше всего <...> и не уберечь от окончательного несчастья и оскорбления себя и своего сана от тех самых, которым долг повелевает радеть обо мне и защищать меня. Полно сердце скорбью, что и на доброе имя, и на сан, от Бога данный, покушаются! С бесчестными меня равняли на своих собраниях и банкетах, за кружкой вина и в пьяном виде упоминали!.. Тревоги и смерти полно сердце от угроз, что не только, презирая мой сан, замыслили изменнически выдать меня и куда-то сослать, но и побуждали некоторых к покушению на мою жизнь! Подобно тому, как я не могла вынести оскорбления невинности и презрения, так и теперь не попустит Бог, чтобы кто-нибудь частно спекулировал моей особой, изменнически выдавая меня, прислуживаясь, понося меня и мой сан, задумывая увезти меня туда-то и выдать тому-то, ибо никто не имеет никаких законных прав ни на меня, ни на это государство. Не дай Бог того, чтобы он когда-нибудь порадовался своей измене и клятвопреступничеству!

Теперь, оставшись без родителей, без родственников, без кровных, без друга и без защиты, в скорби и мучении моем, препоручив себя всецело Богу, вынужденная неволей, я должна уехать к своему супругу, чтобы сохранить ненарушенной присягу и доброе имя, и хотя бы пожить в спокойствии и отдохнуть в своей скорби, ожидая от Бога — защитника невинности и правосудия — скорейшего решения и указания.

Посему объявляю это перед моим Богом, что я уезжаю, как для защиты доброго имени, добродетели, сана — ибо, будучи владычицей народов, царицей московской, возвращаться в сословие польской шляхтенки и становиться опять подданной не могу, — так и для блага сего воинства, которое, любя добродетель и славу, верно своей присяге.

(Гиршберг А. Марина Мнишек. С. 184—185).

1610 г., июня 28. — Письмо Марины Мнишек из Калуги гетману
Жолкевскому

Я послала под Смоленск гонца моего — Мартина Плата, для покупки некоторых надобностей, а потому прошу, чтобы он мог получить от вас лист для безопасного проезда в лагерь его величества короля и обратно, с теми надобностями. А если бы ему удалось то исполнить здесь ближе, в лагере под Можайском, то, чтобы свободно, без всякого затруднения, он мог воротиться в Калугу. За сию услугу вашу, вместе с иными, от давнего времени нашему дому оказанными, я буду стараться отблагодарить, прося вам от Господа Бога здоровья и вожделенных утешений.

Доброжелательная царица Марина.

(Муханов П. Подлинные свидетельства о самозванцах... СПб., 1834. С. 245—246).

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аббас I, шах 151
 Августин Аврелий 91, 151
 Адам, егерь 118
 Адам, полковник 106
 Аделунг Ф. 14, 19
 Адриан Пошехонский, святой 158
 Акинфиев (Акинфов) Григорий, воевода 138
 Алевиз Новый, зодчий 148
 Александр Сондецкий, каноник бовский 59
 Алексеев М. П. 145
 Альбертранди Ян 13, 14, 17
 Анастасия Романовна, царица 135, 158
 Андрей Васильевич Большой, князь 135
 Анна, королева 140, 142
 Антоний Влох, доктор 99, 153
 Арсений Елассонский 144
 Афанасий Мелексехович, пристав 88, 110—112
- Баль 111
 Баль Самуил, шляхтич 35, 59, 60, 142
 Баль Станислав 142
 Баптиста, купец 60
 Барятинский Федор Петрович, князь 21, 127, 158
 Басманов Иван Федорович 143
 Басманов Петр Федорович 19, 20, 39, 41, 42, 55, 56, 62, 137, 138, 143, 144
 Безобразов Елизар, воевода 137
 Безобразов Иван, гонец 34, 64, 141
 Белко Семен, казачий атаман 74
 Белокуров С. А. 138, 144, 147, 155
 Беляев И. С. 143
 Бенедикт Ансерин, монах 21, 93, 121, 152
 Березаньский 111
 Березаньский Ян 92, 93
 Бернард Клервосский 93, 152
 Бернард Мациевский, кардинал 31, 33, 140, 141
 Битяговский Данила 136, 155
 Боболя 58
 Болотников Иван 7, 17, 20, 90, 97—101, 103, 105, 108, 149, 150—159
 Борис Федорович Годунов, царь 25, 26, 28—30, 39, 63, 66—68, 71, 73, 75, 91, 98, 109, 135—140, 143, 147, 148, 155, 158
- Борша Станислав, ротмистр 13, 58, 147
 Броневский Яков, шляхтич 36, 60
 Буганов В. И. 136
 Буйносов-Ростовский Петр Иванович, князь 105, 155
 Буссов Конрад, автор хроники 147, 148, 150, 154—156, 159
 Бутурлин Д. П. 7, 14
 Бучинский Ян, гонец 33, 37, 42, 122, 139, 141
 Быльчинский 76
- Вазмер Давид, доктор 99, 153
 Варлаам Яцкий 136
 Василий, святой 122
 Василий I, Дмитриевич, великий князь 145
 Василий III Иванович, великий князь 135, 145
 Василий Иванович Шуйский, царь 7—10, 20, 55, 56, 58, 61, 62, 68, 70, 72, 74—77, 81, 82, 84, 89—94, 96—100, 102—106, 109—112, 114, 115, 120, 122, 125, 126, 129, 130, 134, 136, 144, 146—159
- Вахрамеев И. А. 16, 142
 Вельяминов Михаил Иванович, посол 139
 Вельяминов-Зернов В. В. 159
 Веселовский С. Б. 136, 140, 149, 154
 Витовский 58
 Витовский Станислав, посол 8, 150, 154
 Вишневецкий Адам, князь 28, 136
 Вишневецкий Константин, князь 20, 28, 35, 38, 57, 59, 63, 72, 113, 128, 136, 142, 150
 Владислав IV Ягеллон, король 9, 10, 11, 140, 141, 145, 146, 152
 Власьев Афанасий, посол 6, 19, 29, 30, 34—39, 47, 48, 51, 52, 55, 60, 61, 64, 65, 68, 69, 71, 139, 142
 Воейков Андрей Матвеевич 143
 Войцех, святой 110
 Волконский Григорий Константинович, князь 70, 83, 85, 148, 150

* Разрядкой выделены имена исследователей. Имена, встречающиеся в тексте приложений, в указатель не включены.

Волохов Осип 136, 155
Вольский Адам 36, 59, 72, 142
Вонсович 58
Воронецкий 116
Воронцов-Вельяминов Иван, воевода 137
Воротынский, князь 129
Вылузгин Елизар, дьяк 136

Галер 58
Ганьчик 58
Гарабурда 58
Геласий, митрополит 136
Генкин Л. Б. 158
Георгий Победоносец, святой 88, 150
Гербуртова 59, 72
Гермоген, патриарх 153
Гиршберг А. 9, 14, 16—18, 137, 139, 142, 145, 149, 152, 153, 155, 157, 158
Глеб Василькович, князь 157
Глебович Ян 102, 154
Глинская, см. Елена Васильевна
Глинская
Глиньский 58
Гневушев А. М. 147
Гоголинский Станислав, слуга 57
Гойский Гавриил, шляхтич 28, 136
Гойский Роман, шляхтич 136
Голембовский Лука, переписчик 16, 17
Голицын Василий Васильевич, князь 61, 90, 138, 139, 147, 151, 155
Голицын Иван, воевода 107, 108
Голицын Иван Васильевич, князь 138, 155
Головинская София, вторая жена Юрия Мнишка 141
Головня 58
Голуховский Ян, корол. дворянин 60
Гонсевский Корвин Александр, староста велижский, посол 6, 7, 10, 19, 47, 48, 51, 52, 145, 148, 150, 155
Городецкий Якуб 58
Горсей Джером, автор записок о России 143
Горская Дорота 123
Горский, гонец 34, 37
Горский Адам 123
Готард 58
Гродецкий 114
Громыка Старший 60
Гурлянд И. Я. 156
Густав, королевич 143

Даниель (Даниил), библ. 96
Дворжицкий 73, 83, 87, 90
Делагарди Якоб Понтус, шведский военачальник 158
Дембицкий, гонец 34
Диаментовский Вацлав, предполагаемый автор «Дневника» 14, 16, 17, 20
Диана, миф. 32
Дмитрий Иванович, царевич 25, 26, 66, 68, 98, 135, 136, 139, 147, 148, 152, 155, 158
Дмитрий Прилуцкий, святой 122, 157
Дмитриев Л. А. 158

Дмитриевский А. 144
Добецкий 116
Добецкий Войцех, переписчик 14
Добродомов И. Г. 145
Долгорукий, князь 98
Долгорукий Борис, князь 153
Долгорукий Михаил, князь 153
Долинин Н. П. 17
Домарацкий Матвей, ротмистр 39, 76, 116, 144
Домарацкий Петр 36, 60

Елена Васильевна Глинская, великая княгиня 47, 135, 145
Елена Стефановна Волошанка, великая княгиня 145
Елизавета I, королева 143

Желябужский Федор Григорьевич, посол 11
Жолковский Станислав, гетман 9, 10, 13, 135, 144, 152, 158

Забавский Ян 58
Загорский, шляхтич 93
Затряжский Алексей, воевода 138
За йончковский П. А. 17
Замойский Ян 135, 152
Запорский Ян, шляхтич 73, 74, 113, 115
Заруцкий Иван Мартынович, казачий атаман 10, 11
Зборовский, полковник 129
Зверхлевские, два брата шляхтичи 60
Зебжидовский Николай, воевода краковский 7, 8, 151
Зимин А. А. 135, 136, 138—140, 143—148, 150, 151, 154, 155

Иван III Васильевич, великий князь 135, 145
Иван IV Васильевич Грозный, царь 5, 25, 26, 63, 66, 135, 139, 143—147, 150, 156, 158
Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек 10, 11, 152
Иван дьяк, пристав 111, 112, 115, 118, 119
Иван Иванович, царевич 135
Иван Иванович Молодой, великий князь 145
Иванов Андрей, дьяк 148
Ивановский 58
Игнатий, князь-инок 157
Игнатий, патриарх 144, 146
Иисус Христос 33, 72, 89, 123, 150
Иов, патриарх 136, 144
Иоганн, королевич 138, 143
Иожеф (Иосиф Прекрасный), библ. 96
Ирина Федоровна Годунова, царица 135, 148
Исидор, митрополит 138

Казановский Зигмунт, гонец 34, 126, 142
Калачев Н. В. 140
Каменцева Е. И. 157

- Карамзин Н. М. 14
 Кардовский, шляхтич 122
 Карл IX, король 96, 152, 154, 158
 Катырев-Ростовский Михаил Петрович, князь 138
 Качалов Никита 136, 155
 Керназицкий, ротмистр 132, 159
 Клавдий Рангони, папский нунций 140, 142
 Клейн В. 136
 Клешинин Андрей Петрович, окольный 136
 Климент VIII, римский папа 151
 Ключевский В. О. 5, 14, 143—145, 157
 Княжнин Федор 99, 154
 Кобрин В. Б. 11, 135
 К[оморовский] 21, 105, 106
 Коморовский Андрей 58
 Коморовский Ян 87
 Конецкий 115
 Концепольский 100
 Констанция, королева 141
 Конь Федор, зодчий 143
 Копанев А. И. 17
 Корела, казачий атаман 138
 Корецкий В. И. 135, 136, 138, 153
 Корницкий 130
 Корсаковский 129
 Корытко 36, 59, 72
 Костомаров Н. И. 14, 135—141, 143, 144, 147, 149, 150, 152, 155, 156
 Косточкин В. В. 143
 Кочубинский А. А. 16
 Коширская, княжна 53, 146
 Краковский 88
 Крушинский 58
 Ксения Борисовна Годунова, царица 138
 Кулакова И. П. 148
 Куновский 58
- Лагевницкий Станислав 58
 Ланцкоронский 130
 Леонид, архиепископ 156
 Лжедмитрий I, царь 5—9, 11, 13, 14, 16, 18—20, 25, 26, 28—30, 45, 47, 48, 51, 55, 63, 64, 66—77, 81, 82, 84—86, 89—91, 94, 96, 98, 100, 102, 107, 135—150, 152—154, 156—158
 Лжедмитрий II, «тушинский вор» 8—10, 16, 97—99, 101—106, 108—112, 114, 121, 124—126, 131, 141, 149, 152, 154—159
 Липницкий, гонец 32, 34, 140, 141
 Липницкий Станислав 58
 Лодыгин Борис, воевода 137
 Лыков-Оболенский Борис Михайлович, кравчий 37, 143
 Любомирский, шляхтич 36, 59
 Люлевич Г. К. 18, 142
 Ляпунов Прокопий Петрович, руководитель Первого ополчения 10, 145, 153
- Маньков А. Г. 17
 Маржерет Жак, автор записок о России 138, 139, 145
 Мария Григорьевна Годунова, царица 135, 138, 139
 Мария Дева, Богоматерь 33, 88, 89, 134
 Мария Петровна Буйносова-Ростовская, царица 105, 155
 Мария Федоровна Нагая, царица 7, 31, 135, 139, 140, 143, 147, 155, 158
 Марфа, см. Мария Федоровна Нагая
 Марциковский 58
 Маскевич Самуил, автор записок о России 13
 Масса Исаак, автор записок о России 139, 147, 154
 Мацшевский Я. 8, 146, 148, 151
 Микулин Григорий Иванович, окольный 47, 52, 145
 Минин Кузьма, руководитель Второго ополчения 5, 10, 145, 153
 Мисаил, монах 136
 Михаил Федорович Романов, царь 9, 10, 158
 Михаль Венгрин 83, 92, 94, 111
 Михнов Истома, сын боярский 148
 Мнишек Катарина 142
 Мнишек Марина 5—20, 23, 43, 44, 136, 137, 139—143, 145—147, 152, 154, 157
 Мнишек Николай, староста луковский 142
 Мнишек Станислав Бонифаций, староста саноцкий 140
 Мнишек Урсула, сестра Марины Мнишек 136
 Мнишек Юрий, воевода сandomирский 6, 8, 13, 17—21, 38, 51, 137—142, 147, 152, 154, 156, 157
 Мнишек Ян, староста красновоставский 142
 Мордовина С. П. 137, 147
 Морозов А. А.
 Мосальский-Рубец Василий Михайлович, князь 36, 37, 55, 69, 138, 142, 143
 Мстиславская Ирина Михайловна, княгиня 53, 146
 Мстиславский Федор Иванович, князь 53, 68, 76, 111, 137, 138, 146, 149
 Мутьна Владислав 87
 Мюнстер Себастьян 157
 Мяковский 58
- Нагой 129
 Нагой Исидор 105
 Нагой Михаил Александрович 36, 69, 142, 143
 Нагой Федор 155
 Насонов А. Н. 156
 Немолевский Станислав, коронный под-столий, автор записок о России 13, 16, 35, 59, 72, 142, 146—148, 151, 156, 157
 Непгун, миф. 31

Неудача, боярин (Плещеев Иван Евстафьевич?) 76, 80, 149
 Николай де Мелло, монах 21, 91, 97, 105, 151, 153
 Николай Чудотворец, святой 38, 101, 143, 154
 Обельницкий Валерьян, повар 120
 Овчинников Р. В. 17
 Огарев Постник Григорьевич, посол 68, 147, 148
 Огиньский Богдан 85, 150, 154
 Одоевский Иван Никитич, князь 11
 Олесницкий Николай, каштелян мало-гощский 7, 19, 46—48, 50—53, 66, 94, 114, 145, 150, 155
 Осмольский Ян, камердинер 56
 Островский, князь 100
 Островский Симон, пахолик 93
 Острожский Константин, князь 136
 Отрепьев Григорий, см. Лжедмитрий I
 Павел, монах 151
 Павел V, римский папа 140
 Павлов-Сильванский В. Б. 148
 Палицын Авраамий, автор «Сказания» 13
 Папроцкий 116
 Пельчинский 58
 Перхлиньский Войцех 58
 Петр Федорович (Илейка Муромец), «царевич», самозванец 71, 76, 81, 96, 99—101, 103, 105, 149, 150, 154, 155
 Петрей Петр, автор записок о России 139
 Петровский Юрий 63, 148
 Пехота 58
 Пирлинг П. 6, 135, 136, 138—142, 144—146, 150—154
 Плата Юрий 114
 Платонов С. Ф. 11, 14, 135—141, 143, 145, 147—149, 152—154, 156—159
 Плещеев Василий Тимофеевич, посол 148
 Плещеев Наум 139
 Побединский 132
 Пожарский Дмитрий Михайлович, князь 5, 9, 10, 145, 153
 Полевой Н. А. 141
 Помасский 36
 Померанцев Н. Н. 143
 Прецлавский 58
 Пушкин Григорий 139
 Пушкин Никита Михайлович, воевода 156
 Радзивилл Николай Кшиштоф, воевода виленский 142
 Расстрига, см. Лжедмитрий I
 Ристленгер Кшиштоф, доктор 99, 153
 Рожинский (Ружинский) Роман, гетман 157, 159
 Рожнятовский Авраам, предполагаемый автор «Дневника» 16, 17
 Роман, пристав 88
 Роман Михайлович, князь 155
 Рудольф II Габсбург, император 139

Савва В. И. 140
 Садовский Иван 88, 153
 Салтыков Михаил Глебович, боярин 9, 138, 140, 148
 Салтыков-Кривой Михаил Михайлович, боярин 85, 86, 87, 88, 94, 95, 102, 106, 108, 137, 150
 Сапега Лев, великий канцлер литовский 141, 148, 158
 Сапега Павел (Ян Петр), староста усвятский, автор записок о России 13, 16, 125, 127, 128, 130, 133, 158, 159
 Свицкий 58
 Севастьянова А. А. 143
 Сеитов Третьяк, воевода 158
 Сигизмунд II Август, король 137
 Сигизмунд III Ваза, король 5—10, 47, 48, 51, 135—137, 140, 141, 145—148, 151, 152, 154, 155
 Сильвестр, архиепископ 157
 Симеон Бекбулатович, великий князь 147
 Склиньский, гонец 34, 35, 58
 Скрынников Р. Г. 17, 135—139, 148—151, 153—155
 Скуратов Малюта (Григорий Лукьянович Бельский), опричник 135, 138
 Слонский Станислав 139
 Смирнов И. И. 17, 149, 150—153, 155, 159
 Смит Томас, автор записок о России 139
 Соколинский (Друцкий) Ян, посол 8, 150, 154
 Солтан Старший 116
 Сонецкий Якуб 58
 Софья Витовтовна, великая княгиня 145
 Срезневский И. И. 140, 153, 157
 Стадницкий Андрей 72, 92, 99, 100
 Стадницкий Мартин, гофмейстер двора Марины Мнишек 19, 20, 35, 46, 72, 89, 142
 Стадницкий Николай 142
 Стадницкий Станислав 151
 Стадницкий Юрий 35, 76, 142
 Стадницкий Ланцуцкий 131
 Станислав, святой 89
 Станислав Август, король 13
 Станиславский А. Л. 10, 135—137, 147
 Шашевский Е. Д. 140
 Степан, пристав 108
 Стрыжовский Самуил 58
 Суйский 133
 Сумовский Станислав 58
 Сусанин Иван 5
 Суспольский 130
 Сутупов Борис, дьяк 138
 Тарло Павел 35, 59, 60, 142
 Тарло Сигизмунд, хорунжий пшемысльский 20, 35, 59, 72, 142, 146
 Тарло Ядвига, первая жена Юрия Мнишка 140—142
 Тарлова, жена старосты сохачевского 36, 59

Татев Борис, воевода 152
 Татев-Стародубский Иван Андреевич, посол 60, 137, 147
 Татищев Иван, боярин 79, 80
 Татищев Иван Андреевич 150
 Татищев Михаил Игнатьевич, воевода 57, 61, 107, 147, 155
 Татищев Юрий Игнатьевич 150
 Телятевский Андрей 98, 144, 152, 153
 Тимофеев Иван, дьяк, автор «Временника» 13
 Титов А. А. 15, 16, 18, 142, 156, 158
 Тихомиров М. Н. 135, 145
 Толочанов Михаил, гонец 33, 141
 Томалчан Иван 73
 Третьяк (Лыткин?) 115, 116, 118, 156
 Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, боярин 10
 Трубецкой Юрий Никитич, воевода 149
 Турбервилль Джордж, автор поэтических посланий из России 143
 Тургенев А. И. 14, 16
 Ульфелд Яков, автор записок о России 40
 Ульяновский В. И. 135, 137, 139
 Ураз-Магомет, касимовский царь 159
 Урбан IV, папа римский 146
 Устрялов Н. Г. 13, 14, 16, 18, 136, 137, 141—142, 145—147
 Устюгов Н. В. 157
 Федор, монах 151
 Федор Борисович, царевич 138, 139, 144
 Федор Иванович, царь 25—27, 66, 135, 136, 143, 146, 148—150
 Феодосия Федоровна, царевна 148
 Филарет Никитич, патриарх 9, 158
 Филипп II, король 151
 Флоря Б. Н. 8, 137
 Фома, апостол 100
 Франциск Ассизский, святой 93, 95, 106, 152
 Франциск Помасский, ксендз 20, 35, 59, 142
 Фредерик II, король 139
 Харузин Н. 145
 Хворостинин Иван Федорович, (надо: Иван Андреевич), князь, автор сочинений о Смуте 13, 39, 144
 Хлопко, предводитель восстания 144
 Хмельская 56
 Хорошкевич А. Л. 17, 21, 135

Храпковский 58

Цветаев Д. В. 147
 Целарий, купец 60
 Цыковский, шляхтич 60

Чановицкий 58
 Чаплинский В. 140, 146
 Чарыков Н. В.
 Черепнин Л. В. 9, 140, 151
 Черкасский Андрей, воевода 152

Шаховский Григорий Петрович, князь 157
 Шаховской Петр Михайлович, воевода 137
 Шаховской Семен Иванович, князь, автор сочинений о Смуте 13
 Шепелев И. С. 147, 152, 155, 156, 158, 159
 Шереметев П. 143
 Шереметев С. Д. 148
 Шереметев Федор Иванович, воевода 138, 155
 Шуйский Василий Иванович, см. Василий Иванович Шуйский
 Шуйский Дмитрий Иванович, боярин 40, 76, 79, 80, 90, 104, 105, 107, 108, 111, 119, 144, 149, 150, 156
 Шуйский И. 16
 Шуйский-Скопин Михаил Васильевич, князь 8, 123, 127, 132, 157—159

Эломага, капитан 99

Юзефович Л. А. 144, 146
 Юрий, см. Георгий Победоносец
 Юхан III, король 137

Яким, пристав 110, 112
 Яковенко С. Г. 13
 Ян, святой 90, 116
 Ясеновский, шляхтич 36, 60

Barbour Ph. 135
 Dzięgielewski J. 139
 Gustaw R. 152
 Hirschberg A., см. Гиршберг А.
 Kętrzyński W. 20
 Lepsy K. 140
 Lulewicz H., см. Люлевич Г.
 Maciszewski J., см. Мацишевский Я.
 Nowak-Dłużewski J. 137
 Nowakowski F. K. 136
 Szujski J., см. Шуйский И.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Александрова слобода 128
 Алексин, 105, 151
 Америка 91, 151
 Английское, м. 103, 155
 Англия 145
 Архангельск, г. 103
 Астрахань, г. 10, 103, 149, 154, 155
- Балтийское, м. 135
 Балчик, с. 155
 Белгород, г. 143, 155
 Белёв, г. 150
 Белое, оз. 113, 119, 123
 Белое, с. 124, 126
 Белоозеро, г. 77, 108, 111, 121—123, 142, 156, 157
 Белосельская, в. 158
 Бельский, у. 157
 Бересток, с-ние 134
 Бобж, с-ние 35
 Боев, с-ние 35
 Болхов, г. 109, 111, 152, 156
 Борисов, г. 35, 141
 Бражня, с-ние 28
 Брест, г. 34
 Брынский лес 134
 Брынь, слобода 134
 Брянск, г. 105, 134, 141, 152, 155
- Варшава, г. 14, 52, 132, 143
 Велижец, кр. 122
 Велижская, в. 67
 Великое княжество Литовское 5, 47, 67, 70, 83, 111, 119, 145, 148
 Венгрия 153
 Венеция 153
 Венёв, г. 82, 150
 Верхотурье, г. 149
 Владимир, г. 149
 Воздвиженское, с. 73
 Вокшерский ям 156
- Волга, р. 74, 88, 92, 93, 110, 114, 127, 129, 133, 149, 156
 Вологда, г. 8, 17, 20, 76, 87, 90, 108, 115, 116, 119, 120, 122, 123, 126, 130, 133, 159
 Вологда, р. 117, 118, 122
 Вологодский, у. 157
 Волынь 136
 Волынь, с. 126
 Вопь, р. 37
 Воронья, р. 151, 153
 Восма, р. 151, 153
 Вяземы, с. 39, 44, 110, 143
 Вязьма, г. 37, 38
- Галич, г. 128, 130, 133, 147, 159
 Гдов, г. 150
 Германия 153
 Гишпанская земля, см. Испания
 Глебовское, с. 73
 Гоща, с. 136
- Данилово, с. 116
 Десна, р. 134, 137, 155
 Дмитров, г. 128, 150, 158
 Днепр, р. 35, 37, 136, 137
 Доброе, с. 38
 Добрыничи, с. 138
 Дорогобуж, г. 37
 Дровачев, с. 39
 Дубки, с-ние 37
 Дубны, с-ние 73
- Елец, г. 74, 149
- Живец, с-ние 58
- Заозерье, с-ние 38
 Засель, с-ние 134
 Золотуха, р. 117, 118
- Ивангород, г. 158

* Названия, встречающиеся в приложениях, в указатель не включены. Принятые сокращения: в.— волость, г.— город, д.— деревня, кор-во— королевство, кр.— крепость, м.— море, о.— остров, оз.— озеро, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село, с-ние — селение, у. — уезд.

Ильинское, с. 126
 Индия 42, 91
 Инфляндия, см. Лифляндская земля
 Испания 8, 91, 151

Калуга, г. 9, 10, 79, 80, 97, 99, 134, 149, 150, 152, 153, 159
 Каменец, с-ние 34
 Каминск, с-ние 156
 Карачев, г. 103
 Каргополь, г. 20, 108, 153, 155
 Карельская провинция 104
 Киев, г. 136
 Кизылбаши 156
 Китай (Китайское королевство) 91
 Клушино, с. 144, 152, 158
 Ковша, р. 123
 Козельск, г. 153
 Койданов (Кайданов), г. 35
 Кокшайск, г. 143
 Коломенское, с. 153
 Коломна, г. 130, 132
 Колпич, с-ние 37
 Кольский, п-ов 145
 Комаринская (Комарицкая), в. 29, 137, 138
 Корела, кр. 75, 88
 Кострома, г. 7, 8, 72, 79, 130, 132, 133, 150, 159
 Которосль, р. 73, 74, 88, 92, 110
 Коханов, с. 35
 Краков, г. 6, 14, 16, 19, 28, 30—33, 34, 63, 65, 139—141, 146
 Красное, с. 36, 142
 Кромы, кр. 29, 30, 68, 74, 138, 143, 144, 147, 149, 153
 Кросно, с-ние 58
 Крым 55
 Кубенское, с. 122
 Кузминское, с. 73
 Кулаково, с-ние 128
 Купновики, с-ние 34
 Курск, г. 138

Ладовица, с. 73
 Ледовитое м., океан 25, 42, 88, 145
 Ленчны, с-ние 34
 Ливны, г. 138
 Литва, см. Великое княжество Литовское
 Лифляндская земля 96, 148
 Лубна 123
 Лубова, с-ние 34
 Луковец, с. 123, 124
 Львов, г. 65
 Любачев, с-ние 34
 Любек, г. 153
 Люблин, г. 34, 35, 36, 141
 Любча, с-ние 123, 124, 127, 128
 Ляцкая земля, см. Польское королевство

Малогощь, г. 145
 Маначин, д. 39
 Медынь, г. 134
 Николаевщина, с-ние 35
 Минск, г. 35
 Мир, р. 34, 35

Михайлов, г. 150
 Михалец, кр. 110
 Можайск, г. 38, 39, 96, 133, 134
 Мойциски, с-ние 34
 Молдавия 157
 Молчадь, с-ние 34
 Монастыри:
 Антониев Сийский 158
 Брянский Свенский 105, 155
 Виленский Троицкий 144
 Вологодский Корнильев 158
 Вологодский Корытов 122
 Вологодский Никольский 122, 157
 Вологодский Спасо-Каменный 157
 Вологодский Спасо-Прилуцкий 122, 157
 Николаевско-Выксинский 139
 Осипов (Иосиф-Волоколамский) 132, 159
 Московский Вознесенский в Кремле 144
 Московский Никитский 147
 Московский Новодевичий 148
 Московский Чудов в Кремле 135, 136, 144, 153
 Пошехонская Адрианова пустынь 126, 158
 Ростовский Борисоглебский 21, 151
 Соловецкий 91
 Троице-Сергиев 13, 73, 86, 128, 133, 139, 144, 146, 151, 153, 158

Моравск, кр. 28, 64, 68, 137, 149
 Моржонтская слобода 127
 Москва, г. 5—11, 14, 18—21, 28, 30, 32, 34, 36—39, 42, 43, 44, 46, 53, 55, 60, 62—64, 66, 68, 69, 71—81, 83—87, 89—121, 123—130, 132—134, 136, 139—158
 Белый город 143, 147
 Деревянный город 107, 108
 Земский двор 60
 Ильинская улица 146
 Каменный город 107
 Китай-город 146
 Красная площадь 147
 Кремль 135, 144, 146, 148
 Никитская улица 20, 58, 147
 Посольский двор 52, 59, 146

Москва, р. 39, 46, 78, 107
 Московское государство 5, 7—11, 13, 14, 47, 51, 91, 120, 134, 137, 148—151, 156—158
 Муром, г. 149

Нача, с-ние 35
 Несвиж, г. 35
 Нижний Новгород, г. 110
 Новая Индия 91
 Новгород Великий 6, 8, 9, 55, 107, 109, 121, 126, 132, 139, 147, 150, 155, 158, 159
 Новгородок, Новгород-Северский, г. 28, 29, 64, 66, 68, 85, 136—138, 144, 156
 Новодвор, с. 34
 Норвегия 145

Ока, р. 90, 134
Ольшаны, с-ние 34
Орел, г. 29, 109—112, 138, 152, 156
Орешек, кр. 75
Оркша, р. 116
Орша, г. 35, 50
Осмигород, с-ние 133
Остров, с-ние 34

Парчов, с-ние 34
Переславль-Залесский, г. 73, 116, 128, 156
Персия 91
Песочная, г. 151
Петровское, с. 73
Пинск, г. 34
Пнев, с-ние 37
Польское кор-во (корона), Польша 5, 7, 13, 14, 21, 26, 29, 47, 51, 52, 63—66, 70, 83, 85—88, 90, 92, 93, 99, 102, 104, 112, 113, 130, 131, 136, 137, 140, 141, 144—148, 150—153, 157, 158
Португалия 151
Прилуки, кр. 67, 148
Промник, с-ние 32, 34, 141
Псков, г. 6, 132, 133, 139
Путивль, г. 29, 64, 71, 99, 101, 102, 104, 137, 138, 143, 147—150, 152, 154, 156, 157
Пчельня, р. 150, 152, 153

Радынь, с-ние 134
Разбойники, с. 134
Речь Посполитая 5—9, 11, 13, 18, 29, 48, 50, 63, 66, 67, 69—71, 101, 102, 135, 139, 141, 142, 148, 154, 155
Рим, г. 144
Римская империя
Рожаны, с-ние 34
Романов, г. 127
Рославль, г. 134
Росошк, с-ние 34
Россия, Российское государство 5—11, 13, 17, 21, 47, 48, 51, 65, 106, 136, 137, 139—151, 153, 154, 156—158
Ростов, г. 7, 72, 73, 83, 84, 89, 91, 92, 100, 116, 127, 142, 153, 156, 158
Ростокино, с-ние 73
Рукавицы, с-ние 134
Русь, см. Россия
Рыльск, г. 29, 138, 140, 156
Рязань, г. 148, 150

Самбор, г. 34, 63, 65, 152
Санок, с-ние 34, 140
Санчурск, г. 155
Своя, д. 122
Святошицы, с-ние 35
Северное море, см. Английское море
Северская земля 109, 156
Севск, г. 29, 138, 156
Серпухов, г. 75, 76, 80, 90, 92, 97, 99, 107, 111, 149, 150

Сехма, р. 123
Сибирь 71, 73, 108, 109, 111, 117, 156
Сидосково, с. 73
Скшечонов, с-ние 34
Славянка, р. 123
Слоним, г. 34
Смоленск, г. 6, 8, 10, 11, 18, 36, 37, 69, 94, 95, 106—108, 111, 130, 134, 140, 145, 147, 148, 152, 155
Смоловицы, с-ние 35
Снетино, кр. 148
Стародуб, г. 132, 134, 152, 156
Субистково, с-ние 134
Суда, р. 123

Тайнинское, с. 156
Тверь, г. 7, 72, 107, 124, 142, 158, 159
Тихвин, г. 123, 124
Тобольск, г. 143
Толочин, с-ние 35
Торжок, г. 143, 158, 159
Троицкое, с. 149
Трубачевск, г. 156
Тула, г. 68, 84, 93, 96; 99—101, 105, 108, 122, 148—155, 157
Тушино, с. 8, 9, 20, 152, 156

Угла, р. 123
Углич, г. 63, 66, 75, 107, 115, 135, 148, 155, 158
Угличское княжество 25, 135
Устье, р. 73
Устюжна Железопольская, г. 116, 119, 124—126
Уфа, г. 140, 143
Ухорский ям 156

Хороброво, с-ние 134

Царицын, г. 155
Цырен, с-ние 34

Чарово, с-ние 38
Чернигов, г. 28, 64, 68, 137, 143, 147, 153, 156

Швеция 5, 8, 152
Шексна, р. 122, 123, 126
Шерешов, с-ние 34
Шуя, г. 144

Щебжешин, с-ние 34
Щетинское, с. 126

Ягорка, р. 123
Яик, р. 11
Ярославль, г. 7, 8, 13, 17—18, 20, 21, 72, 73, 75—79, 83, 84, 86—88, 90, 94, 95, 101—103, 108, 112—121, 124—127, 139, 141, 142, 149—151, 154—158
Яуза, р. 73

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Козляков. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени 5

ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК

О Дмитрие Ивановиче	25
Книга I	31
Книга II	79
Книга III	103
Книга IV	132
Комментарии (<i>Сост. В. Н. Козляков, А. А. Севастьянова</i>)	135
Приложения:	
I. Из следственного дела о смерти царевича Дмитрия в Угличе	162
II. Документы и материалы о свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек	167
III. Письма Марины Мнишек 1609—1610 годов	186
Указатели:	
Указатель имен	193
Указатель географических названий	198

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Tomus 9

ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК

Художник Р. П. Костылев
Технический редактор Н. Ф. Соколова

ЛР № 061824 от 23.11.92 г.

Сдано в набор 02.05.94. Подписано к печати 22.05.95. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Гарнитура таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 12.5.

Уч.-изд. л. 16. Тираж 2500. Заказ № 3413

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

*«Дневник Марины Мни-
шек» составлен кем-
то из ближайшего
окружения самозваной
московской царицы и
по дням прослеживает
крутые повороты ее
фортуны. На русском
языке в полном объеме
памятник издается
впервые.*

С.-ПЕТЕРБУРГ. 1995